

Эдуард Саяпов

ПРИСТАНИЩЕ ПИЛИГРИМОВ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Эдуард Ханифович Саяпов

Пристанище пилигримов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68486491

SelfPub; 2022

Аннотация

2000 год. Переломный момент в жизни России, а так же в судьбе главного героя. Он прошел всё: огонь, воду и 90-е годы по полной программе. Он прожжённый циник и нигилист. Он ни с кем не считается и проповедует лишь абсолютную внутреннюю свободу. Он ни во что не верит, но у Бога для него есть свой план... Само провидение втягивает его в водоворот потрясающих событий, из которого он чудом выбирается живым, но от прежней его жизни не остается камня на камне. Главный герой с недоумением разглядывает ошметки собственной идентичности. Он задаётся извечными вопросами: кто я? зачем была жизнь? что дальше? Ему кажется, что он совершенно конечный человек. Остаётся только намылить верёвку или поднести к виску старенький проверенный наган, но вдруг помощь приходит оттуда, откуда он её никогда не ждал.

Содержание

Пристанище пилигримов.

4

Конец ознакомительного фрагмента.

246

Эдуард Саяпов

Пристанище пилигримов

Пристанище пилигримов.

Мимо ристалищ, капищ,
мимо храмов и баров,
мимо шикарных кладбищ,
мимо больших базаров,
мира и горя мимо,
мимо Мекки и Рима,
синим солнцем палимы,
идут по земле пилигримы...
Иосиф Бродский.

.1.

Она не обманула меня, и в поезде со мной начали происходить странные вещи: то меня охватывал страх, плавно переходящий в медвежью болезнь, что было крайне неудобно с учётом санитарных зон, то я начинал вдруг хохотать без всякой на то причины, то у меня катились слёзы умиления по щекам, когда я видел опалённую солнцем огненно-рыжую степь и алеющий над кромкой горизонта закат, а иногда мне

хотелось рвануть стоп-кран и покинуть этот проклятый поезд; вместе с этим усиливалось безразличие по отношению к перспективе, словно там, впереди, не было ничего, кроме бескрайней выжженной степи.

Ко всему прочему у меня началось ярко выраженное нарушение когнитивных функций. К примеру, единственным человеком, с которым я общался, была проводница, и хотя она продавала мне бельё, чай, водку, прикуривала меня на остановках, приносила в купе какие-то газеты и журналы, но я так и не смог запечатлеть в памяти её глаза, щёки, лоб, цвет волос, губы, форму носа, а вместо этого между пилоткой и потёртым подворотничком витал какой-то розовый туман. Я помню, как она светилась изнутри, когда заходила по утрам в моё купе со стаканом чая в певучем подстаканнике, – казалось, её пышная пепельно-серая униформа наполнена не плотью с жировыми отложениями и мослами, а лёгким утренним туманом. А ещё я не мог запомнить её имя и постоянно называл её разными именами, от чего мне становилось неловко.

Я всё дальше и дальше уходил от реальности и наконец переступил чётку, за которой простиралась незнакомая мне и загадочная terra incognita, а в это время старый мир рушился на моих глазах, и всё, во что я верил и что составляло уклад моей жизни, буквально обесценилось за три дня. Чудовищная фрустрация разбила меня, словно паралич. Я пытался обратить это чувство в слова, чтобы сделать его более раци-

ональным и подчинить логике, но постепенно слова нивелировались и утратили всякий смысл. Пустой поезд, громыхающий на стыках железнодорожных путей, лишь способствовал этому разрушительному процессу: меня никто не отвлекал от навязчивых мыслей, которые захватили мой разум в компульсивный плен.

Что привело меня к этому состоянию? Долгое время я балансировал на грани двух решений, одинаково неприемлемых для меня и взаимно исключающих друг друга... Но решение нужно было принимать: просто заморозить ситуацию было невозможно. Тогда я сел в поезд и поехал навстречу своей судьбе – я понадеялся, что мне не придётся выбирать и что правильный выход станет фатально неизбежным. Я неоднократно доверял свою жизнь в руки провидения, ибо в конечном итоге всё зависело от него.

С наступлением ночи меня охватывал такой неподдельный ужас, что я спасался только лошадиными дозами алкоголя, и потекла одна бутылочка за другой под стук колёс, и поезд очень быстро летел по изогнутым рельсам, огибая землю... Маленькое тусклое солнышко появлялось в уголке рамы, чтобы очертить короткий полукруг в мутном окне и вновь опуститься за горизонт.

Простояв всю ночь в тамбуре с потухшей сигаретой в сомнамбулическом бреду, я возвращался с первыми лучами в пустое купе и замертво валился на плоский убитый матрас, обтянутый серой простыней с фиолетовой печатью. Я просы-

пался днём, и меня вновь охватывал страх, сжимая сердечко костлявой клешнёй. Из памяти выползли те же призраки с тёмными провалами вместо глаз, и рука сама тянулась за бутылкой, отрадно булькающей в недрах дорожной сумки.

Всё смешалось – и день и ночь, и правда и ложь, и водка с пивом... Я застрял где-то между реальностью и сном, и вот в какой-то момент я просыпаюсь в катаплексическом stupore при странных обстоятельствах: на противоположной полке сидит некое существо и смотрит на меня, ехидно улыбаясь. Шагреневая кожа пепельного цвета, покрытая редкими волосами, и ярко-жёлтые кошачьи глаза подсказывают мне, что эта сущность явилась из потустороннего мира.

Я хочу крикнуть «*брысь!*», но мою грудную клетку сдавил неподъёмный ужас. Я хочу заорать во всю глотку, чтобы испугнуть эту тварь, но не могу даже пошелохнуться, пальцем не могу шевельнуть. Чудовищным усилием воли я заставляю проснуться себя окончательно – то же самое купе, те же полки, обтянутые тёмно-коричневым дерматином, жиденький свет, струящийся сквозь оконную раму, тот же матовый плафон – на стене, моя ветровка – на вешалке, вот только исчезла эта гнусная рожа с кошачьими глазами. По всей видимости, она случайно попала в кадр, даже не догадываясь о том, что для меня она стала имманентной.

Всё было причудливо в этом поезде. Мне казалось, что в девятом вагоне я еду совершенно один, если не считать проводницу. За трое суток пути я ни с кем из пассажиров

не столкнулся лицом к лицу и ни с кем не перекинулся парой слов. Где-то хлопнула туалетная дверь с металлическим призвуком, а потом, через некоторое время, слышались характерные педальные звуки, словно кто-то заводит мотоцикл. В одном из купе были слышны голоса, мужской и женский, а потом они затихли в методичном грохоте пустых вагонов. А ещё кто-то курил в тамбуре, но, как только я вошёл, он растворился в слоях белёсого дыма и его вытянуло в открытую дверь вагонной сцепки.

Однажды туалет был закрыт изнутри, что являлось признаком наличия там индивидуума. Я подёргал ручку и перешёл в тамбур, чтобы не толкаться у входа. Закурил. Когда я вернулся, дверь легко поддалась – я вытянул на себя неприятный душок и обрывок розовой бумаги трепетал на краю стульчака. Люди как будто избегали меня, а может быть, в поезде их было настолько мало, что мы просто не пересекались, а может быть, я настолько был погружён в себя, что не замечал никого.

Днём я старался не пить и практически не выходил из своего купе. Я проваливался в тёмные зыбкие глубины своего прошлого, гонял по кругу одни и те же воспоминания, одних и тех же людей заставлял бегать по кругу, тщательно собирал детали и какие-то на первый взгляд несущественные мелочи, – всю эту информацию я заносил в тетрадь, на обложке которой было выведено каллиграфическим почерком «*Мысли на ход ноги*». Это было что-то вроде исповеди или явки

с повинной, в которой я пытался отметить все свои беззакония, а так же в эту тетрадь я записывал размышления о человеческом бытии, о мироздании, о Боге. Иногда я рисовал в ней странные сюрреалистические картинки, в которых, казалось, не было никакого смысла, но истинное их значение доходило до меня потом. Хотите понять человека – читайте его подсознание. Разум всегда врёт.

Когда я допишу эту исповедь, то она потянет либо на миллион, либо на пожизненный срок. Для некоторых преступлений, которые я совершил, нет срока давности, – за них любому придётся ответить, если не здесь, то *там...*

Однажды я сидел в тамбуре на подножке, открыв дверь в грохочущую ночь, и замороженно следил за тем, как медленно вращается над головой карта звёздного неба, как пересекают её плоские тени летучих мышей, как бегут за поездом стада чёрных бизонов и скачут на приземистых лошадях ловкие всадники...

Пустая бутылка лениво перекатывалась от одной стены к другой, в наушниках играл Жан-Мишель Жар, а иногда я впадал в глубокую нирвану под нескончаемые тамтамы бегущего поезда. Я смотрел с упоением, как изгибается на поворотах его дискретное тело, как шарашит в темноту головной прожектор, добираясь до самых отдалённых уголков Вселенной. Без поэтического флёра и даже с некоторым беспокойством наблюдал, как мутная зловеющая Луна вырывается из облачных теней и тычется в меня плоским рылом.

В какой-то момент состав начал притормаживать в открытой степи, то ли пропуская встречный, то ли взбираясь на подъём, а я за каким-то лесшим спрыгнул с подножки... Мимо проплывал вагон с пронзительным стоном тормозных колодок. Раскалённые буксы дышали мазутной копотью и обволакивали жаром. Тёмно-красные огни габаритов внушали страх. В черепной коробке пронеслось: «чую с гибельным восторгом – пропадаю, пропадаю».

Мне не хотелось ехать дальше: за два дня этот поезд вымотал меня до самых печёнок. Мне нужно было поменять обстановку. Я, наверно, без сожаления наблюдал бы за тем, как растворяются в туманной дымке габаритные огни последнего вагона, и слушал бы с замиранием сердца угасающий стук колёс, потому что не видел никакого смысла в продолжении этого путешествия. Мои надежды на катарсис не оправдались.

13 августа 2000 года я со спокойной душой сел в поезд «Нижний Тагил – Адлер». Не было никаких сомнений в том, что я поступаю правильно. Когда облупившиеся колонны вокзала и усыпанная окурками платформа тронулись и поплыли от меня прочь, я пытался убедить себя в том, что это была с моей стороны последняя попытка спасти нашу семью от неминуемого краха. Я повторял как мантру: «Лучше поздно, чем никогда», – но в новом контексте это уже был пустой прогон, где «поздно» равнялось «никогда».

Я постоянно вспоминал широко распахнутые доверчивые

глаза моей жены в день 4 июня, когда провожал её в аэропорту «Кольцово». Я вспоминал её тонкие руки, оплетающие мою шею, и взволнованный голос: «Поклянись, что приедешь ко мне... Ты мне нужен, несмотря ни на что». – «Гадом буду, Ленчик! Можешь даже не сомневаться!» – ответил я, задыхаясь от собственной лжи и отводя глаза в сторону.

«Кошка позволяет себя любить, а собака любит бескорыстно и предано», – подумал я в тот момент, когда поезд начал разгоняться, но самое главное – я вдруг вспомнил, что в купе у меня осталась сумка с вещами, с деньгами, с документами, а так же осталась последняя бутылка водки с ласковым названием «Дубинушка».

– Твою же мать! – крикнул я, пытаюсь перекричать оглушительный хор цикад, – земля качнулась под ногами, сердце ударило в набат, и я бросился догонять свой последний вагон.

Распахнутая в тамбуре дверь напоминала волшебную дверь Магритта. Эта световая воронка втягивала в себя лавину насекомых, и они мельтешили в проёме асбестовым облаком. Хватая лёгкими густой маслянистый туман, я догнал в несколько прыжков ускользящий вагон и запрыгнул на подножку – в то же мгновение он качнулся, пытаюсь сбросить меня под колёса, но я каким-то чудом удержался на ногах. Опустил площадку, закрыл дверь и пошёл в своё купе. Я почувствовал, как сердце с небывалым жизнелюбием выбрасывает кровь. Ноги стали ватными. В руках появилась

неприятная дрожь. По спине градом катился пот. Во рту была такая полынная горечь, как будто я шарахнул полстакана абсента.

Я вошёл в купе, открыл дорожную сумку, достал «Дубинушку» и крутанул её на просвет – огненная вода взвилась веселящей кутерьмой. Хотя особого желания не было, я плеснул на доньшко гранёного стакана и улыбнулся своему двойнику в отражении окна, а он ответил мне лучезарной улыбкой.

– Вот я и говорю, – продолжил я свою мысль, на этот раз уже обращаясь к конкретному собеседнику, – улетать надо было вместе – 4 июня. Понимаешь? А то что сейчас происходит – это натуральный порожняк.

После второго стакана *мы* уже разговаривали, как закадычные друзья. Я пытался осмыслить своё прошлое и заглянуть в будущее. В основном это был пьяный бред, но тогда я понял главное: многие события в моей жизни так же неизбежны, как станции Котельниково, Тихорецкая, Туапсе на пути этого поезда. Я не был демоном Лапласа, и мне было не дано увидеть себя в ближайшей перспективе. Я знал только одно, что на платформе, ярко освещённой утренним солнцем, меня будет встречать нелюбимая жена.

.2.

В конце февраля у Лены случился приступ душевной горячки. Однажды я проснулся от того, что в моём эротическом сновидении, где я курил шмаль с двумя восхити-

тельными мулатками, вдруг появилась жена, ненакрашенная, всклокоченная, в длинной белой рубашке... Она посмотрела на меня осуждающим взглядом и крикнула в самое ухо: «Надоело!» – я аж подпрыгнул на кровати.

– Что... что ты... говоришь... Леночка? – бормотал я спросонья, вглядываясь в её тёмный силуэт на подушке.

Она включила настольную лампу, посмотрела на меня холодным взглядом и повторила совершенно отчётливо: «Мне всё надоело. Я больше так не могу». В её голосе я почувствовал с каждым словом нарастающую истерику, и это было на неё не похоже, потому что она никогда не жаловалась, всегда улыбалась и любила повторять изречение Мишеля Фуко: «Если ты обсуждаешь свои душевные проблемы с врачом, то это нормально. Но если твои душевные проблемы обсуждают окружающие, то это уже диагноз».

Два месяца я наблюдал за тем, как она постепенно доходит до точки кипения. Она перестала со мной делиться не только сокровенным, но и куском хлеба, то есть она совершенно перестала готовить. Она жутко похудела и практически не красилась. Она выглядела как Шарлотта Рэмплинг в фильме «Ночной портье».

Она много курила, и я довольно часто, приходя с работы, видел её на кухне с бутылочкой вина. Она вообще перестала убираться, и однажды я почувствовал, как мои носки прилипают к полу. В нашем доме все реже и реже появлялся ребёнок, которого она практически спланировала на воспитание ба-

бушкам.

Семейный очаг постепенно угасал. В холодильнике воцарилась арктическая пустота с ледниками и снежными заносами. Прихватив ножку бокала двумя пальчиками, она отчётливо смотрела в окно, в котором колыхалась белая февральская выюга. И вот ко всему ещё она просыпается среди ночи, чтобы сделать заявление...

– Эдуард, – обратилась она ко мне с некоторым официозом, что не предвещало ничего хорошего, – нам нужно серьёзно поговорить!

В черепной коробке забегали ссыкливые мыслишки: «Она всё знает... Мельникова стуканула, сучка... Только она видела меня с Танькой», – но тем не менее я улыбнулся своей фирменной улыбкой, выражающей полную безмятежность, хотя в это же самое время предательски пульсировал нервный тик на моей правой щеке.

– Золотце, а до утра нельзя подождать? – ласково спросил я.

В то время я был чрезвычайно близок к провалу – прямо как Штирлиц. Ленка приходила с работы всё раньше и раньше, а мы с Танькой всё никак не могли насытиться друг другом и уходили из квартиры уже на грани фола – тютелька в тютельку. Я чувствовал, как земля под ногами начинает медленно раскаляться.

«Путь же беззаконных – как тьма; они не знают, обо что споткнуться». *Книга притчей Соломоновых. Притч. 4:19.*

Несмотря на конспирацию, мы всё таки спалились. Нет, не с первого раза и даже не со второго – Мансурова постепенно подбиралась к нам: по одной ступеньке, по одной циферке на каждом этаже – «1», «2», «3», «4». Она давала нам время одуматься, но мы плавно скользили по лестничным пролётам прямо в её объятия.

Где-то в начале марта, второго или третьего, мы в спешке покидали квартиру: Мансурова была уже на подходе. Я нервно поглядывал на часы, но Шалимова как будто специально тянула время: она долго сидела в ванной, а потом бесконечно натягивала многослойные колготки, – мне даже показалось, что она намеренно ищет встречи с моей женой.

– Лифт не работает, – тихонько произнёс я, нервно щёлкая кнопкой.

– Покурим? – спросила Таня.

– Пешком пойдём, а покурим, когда будем в безопасности.

– О-о-о-о-й, как страшно.

Мы начали спускаться по темной лестнице, вдоль вонючего мусоропровода, кишашего крысами. В том году было очень много крыс – они проходу не давали жильцам нашего дома и нагло сидели на ступеньках серыми горбатыми кучами. Татьяна равнодушно переступала через них, и это было довольно странно, ведь женщины панически боятся грызунов. Она никого не боялась – ни бога, ни чёрта. Я не видел страха в её глазах, даже когда пытался её задушить...

Итак, мы спускаемся вниз. В подъезде – жутковатые су-

мерки. Кое-где светят тусклые лампочки. Внизу слышится железный грохот входной двери, и вдруг меня как будто обняло – я резко остановился, прислушался и начал пятиться задом...

Нельзя сказать, что по стуку каблучков я узнал свою жену, – я просто почувствовал, что двигаюсь навстречу большому шухеру. Так мне стало неудобно, что даже тёпленькое побежало по ноге. В такой ситуации время летит очень быстро, и вот её каблучки уже поют знакомую песню совсем рядом. Между пролётами мелькнула норковая шуба – я трусливо проваливаюсь за перегородку между лестницей и мусоропроводом. Затаив дыхание, жду... Мимо проходит Мансурова. Я могу из темноты протянуть руку и дотронуться до неё. Когда шаги затихают на четвёртом этаже, я покидаю своё укрытие и на цыпочках спускаюсь вниз.

– Что испугался? – спросила Татьяна, когда я вышел на улицу.

Она ехидно улыбалась, и её раскосые татарские глаза кофейного цвета искрились от восторга, – видно, она тоже хапнула адреналина.

– Откуда ты её знаешь?

– Твою жену в этом городе знает каждая собака, – ответила она. – Дай прикурить, а то уже задыхаюсь от избытка кислорода.

Она всегда курила так, как будто в последний раз, как будто перед расстрелом, с таким же упоением, и могла выкурить

сигарету за четыре затяжки. Когда я поднёс зажигалку и она коснулась пламени кончиком сигареты, я увидел, что мелкой дрожью трясутся мои руки. Танька это тоже заметила, криво ухмыльнулась (как только она умела) и произнесла с сарказмом:

– Я гляжу, ты боишься свою Мансурову.

– Не-а... Я не боюсь её – я просто боюсь её потерять.

Я смотрел на неё с издёвкой в ожидании ответа, и она не заставила себя долго ждать:

– Так какого чёрта ты трахаешь других баб?!

Её тонкий прямой нос покраснел. Угловатые скулы пошли розовыми пятнами. Снежные хлопья покрывали её чёрный вязанный берет и чёрную норковую шубу, путались в её чёрных волосах и медленно опускались на её чёрные изогнутые ресницы.

«Ну прямо вылитая Мортиша Адамс, – подумал я, разглядывая эту маленькую готическую куколку. – Хотя она больше смахивает на дочь».

– У тебя, случайно, не сохранилась школьная форма? – спросил я. – Ты ведь недавно закончила..?

Она посмотрела на меня с удивлением, не совсем понимая, о чём идёт речь.

– Что? – спросила она, и вдруг её словно прорубило: – Да пошёл, ты, педофил грёбаный!

– Какие вы, мужики, всё-таки мерзкие! Ненасытные! Вам всегда чего-то не хватает! – возмущалась она на полном се-

ръёзе, но это была всего лишь игра, как и всё что происходило между нами.

– Ой-ой-ой! Прямо не могу... А вы, бабы, такие одухотворённые.

Потом мы молча курили, и каждый думал о своём. По ногам стелила позёмка, а вокруг металось жёлтое марево висящего на козырьке фонаря. Скрипела на ветру уключина, за снежной пеленой пряталась мутная луна, и в душе моей появилась безотчётная тревога.

В следующий раз мы столкнулись с моей женой на выходе из подъезда, – это произошло ровно через неделю, 9 или 10 марта. Мы, как всегда, торопились: я чувствовал, что Ленка уже на подходе, и мне постоянно мерещился стук её каблучков... К тому моменту она уже приехала из Екатеринбурга и добиралась домой на такси, – я знал об этом, потому что она скинула мне сообщение на пейджер: «Приезжаю сегодня в 21:35. Встречай, если будешь не пьян и при деньгах».

– Уже надоела эта беготня. Чё ты меня толкаешь?! – возмущается Таня, а я натуральным образом подгоняю её, подпинываю и готов уже дать ей такого пинка под зад, чтобы она летела кубарем по ступенькам.

Она открывает парадную дверь и резко замолкает, уткнувшись в песцовый воротник моей жены. Возникает неприятная пауза. Немая сцена длится несколько секунд, после чего Татьяна огибает Мансурову, и, вильнув на прощание попойкой, уходит в темноту, а я даже успеваю отметить, что

у Шалимовой – бесподобная походка: она как будто вкручивается в пространство всеми своими локтями и коленками.

Чёрт! А какие у неё ноги! Нет, не длинные... Почему ноги должны быть обязательно длинными? Что за дурацкий штамп? Высоких тёлочек модельной внешности обычно любят маленькие тщеславные мужички, а я сам метр девяносто в холке, поэтому предпочитаю миниатюрных женщин. Так вот, я редко встречал, чтобы ноги идеальной формы росли из-под мышек. Как и всё хорошее, красивые ножки заканчиваются быстро.

– А это что за манерная штучка? – спрашивает Ленка, откидывая отрицательным движением головы мелированную чёлку; её голубые глаза в свете фонаря кажутся зеркальными, как у кошки.

– Э-э-э-э-э, вместе ехали в лифте, – отвечаю я, заикаясь и коверкая слова. – Э-э-э-э-э, соседка с девятого этажа.

Я стою перед ней навтыжку, чуть ли не на цырлах, и чувствую, как судорога сводит мою физиономию и появляется глупая улыбка.

– А ты откуда её знаешь? – Она смотрит недоверчиво, а я готов провалиться под землю: так стыдно, мама дорогая!

– Так... я ж говорю... э-э-э-э-э... в лифте познакомились... Довольно общительная девушка... к тому же пьяненькая.

– Клеить пытался? – спрашивает она и сверлит меня своими кошачьими глазами.

– Бог с тобой, Леночка! Я же говорю – пьяненькая... Просто захотелось поболтать.

Она выдерживает мхатовскую паузу, мило улыбается и говорит с некоторой издёвкой:

– Ну пошли домой, муженёк. Чайку попьём, в постельке побарахтаемся... – Она медленно поворачивает голову и пристально смотрит вдаль – Татьяна в эту же секунду исчезает за поворотом.

«Она расколола меня. Стопудово. Она видит меня насквозь, со всеми потрохами. Пора заканчивать эти шашни», – думал я, когда мы поднимались на лифте. В тот момент я смотрел куда угодно: пялился в потолок, читал матерные надписи на стенах, разглядывал собственные ботинки, – но только не в глаза своей жене, в которых я отражался как на рентгеновском снимке.

После того как Мансурова приехала из Екатеринбурга, она совсем ушла в себя: о чём-то постоянно думала, не реагируя на моё присутствие, и если я напоминал о себе каким-то деликатным образом, то она нехотя отзывалась, что-то там мямлила, словно перекатывая во рту хлебный мякиш, или вообще делала вид, что меня не слышит.

Она ворочалась во сне и постоянно бегала в туалет... Я слышал, как журчит весёлый ручеёк и тянет по квартире табачным дымом. Потом она сдёргивала воду, и через полчаса я просыпался от того, что она вновь перемахивала через меня и шла в туалет, при этом она особо не церемонилась

и топтала меня своими острыми коленками. Я упрямо делал вид, что сплю, и старался не замечать её экзальтированного поведения.

И вот она все-таки не выдержала и заорала мне прямо в ухо:

– Надоело!

– Что... что ты... говоришь... Леночка? – бормотал я с спросонья, пытаюсь нащупать её в темноте.

Она включила настольную лампу, посмотрела на меня ледяным взглядом и повторила совершенно отчётливо: «Мне всё надоело. Я больше так не могу». Я откровенно напрягся, и в моей голове забегали «тараканы», как это бывает, когда на кухне включают свет.

– *Эдуард*, – обратилась она ко мне таким тоном, словно я был нерадивым пацанчиком из её шоу-балета, который отрастил себе огромные яйца и лошадиную наглость, – *нам нужно серьёзно поговорить*.

Я лучезарно улыбался ей в ответ. Я готов был отстреливаться до последнего патрона.

– Золотце, а до утра нельзя подождать? – ласково спросил я.

– Нет!!! – закричала она.

– Ну что ты? Что ты, Леночка? – шептал я, наглаживая её по руке. – Что с тобой происходит?

– Я больше так не могу, – с французским прононсом заявила Мансурова, и глаза её подёрнулись влажной пеленой.

– Ты о чём?! – Я взвился, как пони под ударом хлыста. – Ты кого слушаешь?! Сплетни собираешь по городу?! Да пойми ты, они просто нам завидуют!

Казалось, она не услышала моего крика души, а продолжала нудно моросить как осенний дождик:

– Я больше не могу жить в этой грёбаной матрице. Я ненавижу этот город. Я терпеть не могу эти бандитские рожи, для которых приходится выступать. Я не хочу брать их грязные кровавые деньги. Я задыхаюсь здесь. Я покрываюсь морщинами. Мне осточертел за окном унылый пейзаж: мартеновские трубы, оранжевое небо, серые коробки. Мне выть хочется!

По выражению её глаз я понял, что она не шутит, но тем не менее внутри отлегло: «Ух, я-то грешным делом подумал, что она решила вывести меня на чистую воду, а у неё просто началось весеннее обострение».

Наклонив голову, я прислушивался к ней, как мастер к часовому механизму. Я пытался понять истинную причину её недовольства. Она редко высказывала напрямую свои претензии, и если она пыталась на меня как-то воздействовать, то делала это окольным путём: либо через кого-то (например, через мою маму), либо через какие-то имплицитные уколы (например, намекая на мои постоянные отлучки, могла заявиться домой под утро). Она никогда не ограничивала мою свободу, понимая, что ей тоже придётся залезть в хомут. Мы были слишком независимы, но я уже чувствовал,

что где-то перегнул палку.

– Ты сейчас с какой целью разыгрываешь драму? Ожидаешь от меня сочувствия? – спросил я, слегка обнаглев: она уже потратила весь порох и наступила моя очередь переходить в атаку. – В таких условиях живут миллионы людей в нашей стране. У нас, по крайней мере, есть деньги, а многие просто работают за жировки.

– Дело не только в деньгах, – сказала Лена, – просто мне предложили интересную работу в «Малахите». Ну и в деньгах, конечно, прибавка. Раньше я получала копейки за каждый танец по договору, а сейчас меня принимают в штат, на должность художественного руководителя, с приличной зарплатой и бонусами за любой креатив в плане развлечения посетителей. Это конкурсы, соревнования, розыгрыши, какие-то новые проекты... Короче, в «Малахите» бабла немерено, и у нас появилась возможность урвать кусочек от этого пирога.

– Замечательно, – сказал я с большим сомнением. – А где ты там будешь жить?

– Руководство «Малахита» предоставляет мне съёмную квартиру. Она находится где-то в районе железнодорожного вокзала. Там сейчас живёт девочка из Ревды, но она скоро сваливает домой, то бишь увольняется, а я заезжаю на её место – и в квартиру, и на должность.

– С такого хлебного места возвращается в Ревду, – удивился я. – Как-то это подозрительно, не находишь?

– Да мало ли какие обстоятельства у неё появились! Вот ты начинаешь умника включать!

– Ты ведь с ней общалась по работе и спрашивала, какая там обстановка? Какие там подводные камни, а может – целые рифы? Кто там хозяева? Бандиты? Менты?

– Пыталась. Но эта Лизонька какая-то мутная и далеко не болтушка. Я делала постановки для её шоу-балета. Мы работали в одной программе, в одном клубе, в течение трёх месяцев, но она так и осталась для меня тёмной лошадкой. Я задавала ей вопросы, но она уходила от ответов. Что здесь не так, Лиза? Почему ты увольняешься? По Ревде соскучилась? Всё нормально, говорит, всё хорошо, это мои личные проблемы. Спрашиваю, по деньгам кидают? Отрицательно мотает головой, а глаза такие затравленные, будто она здесь из-под палки работала и на цепи сидела. Какая-то она чудная, эта Лизонька! Не нравится она мне! Тухлятиной от неё несёт, и программа у неё скучная, аж скулы сводит, поэтому Галинка и попросила меня поработать – освежить, так сказать, репертуар.

– Я в этой шараге всё переделаю! – хорохорилась Мансурова. – Всё с ног на уши поставлю!

– Может, ты хотела сказать – с головы на ноги? – деликатно поправил я.

– Нет, именно на уши, – ответила она со злорадной улыбкой. – В таком клубе не нужна классическая хореография, все эти банальные ромашки и академическая пластика: по-

ворот-ножка, поворот-ручка, поворот-плие. Такое фуфло сойдёт для новогодних утренников, а я хочу взорвать людям мозг! Я хочу, чтобы они увидели моих ангелов и моих демонов в одном воплощении... Чтобы они себя увидели в моих постановках!

Она перевела дух и продолжила:

– Это самое гламурное место в Ёбурге. Там собирается очень интересная публика: суккубы, инкубы, наркоманы, богатые ублюдки, продажные тёлки, трансвеститы и всякие прочие пидорасы, похотливые лесбиянки и жирные тётки в брюликах... Короче говоря, дети апокалипсиса. Им нужен жёсткий андеграунд, а Лизонька лепит какие-то наивные вещицы: «Горькая луна» под Эллу Фитцджеральд и «Возвращение Мэри Поппинс» под Дунаевского. Во дворце культуры это смотрелось бы на ура, но только не в «Малахите».

– А что? Максим Дунаевский – это великий композитор современности. Я его ставлю даже выше Прокофьева и Шестаковича – они не написали столько хитов.

– Да причём тут композитор?! – парировала Мансурова. – И Лизонька – по большому счёту неплохой хореограф... Но этой одиозной публике, этим извращенцам, не нужно классическое искусство... Их надо постоянно удивлять, задевая самые низменные инстинкты, а для этого требуется только эпатаж. Лизавета Петровна ничего подобного сделать не могла, потому что она совершенно фригидна. У неё нет никаких эротических фантазий, и в своей жизни она ни разу не

кончала.

– Откуда ты знаешь? – удивился я, выпучив на неё глаза.

– Дружок, это всего лишь аллегория, – успокоила меня жена.

Мой папа любил повторять: «У вас не брак, а лёгкий флирт, и это долго не продлится», – на что я ответил ему однажды: «Свободные отношения более долговечны, нежели браки, построенные на взаимном деспотизме и ревности», – а он иронично усмехнулся и сказал: «Супружество – это обоюдное ярмо. Именно так это переводится со старославянского». В нашем случае лямку никто не тянул: мы просто жили в своё удовольствие, каждый – в своё.

В то время Елена Мансурова была лучшим постановщиком танцев в Нижнем Тагиле и в Екатеринбурге. Она работала очень много и плодотворно, а значит практически не появлялась дома, – это было мне на руку: когда ты прожил с женщиной девять лет, то любить её проще в удаленном доступе.

В Нижнем Тагиле она работала во дворце культуры металлургов руководителем танцевальной студии «ХАОС», в которой занимались и маленькие детишки, и прыщавые подростки, и была старшая группа – рабочие «кобылки» с шикарными ногами и рельефными задницами. Шоу-балет «ХАОС» был самым ярким и профессиональным коллективом города. Он выступал на всех площадках: в ресторанах, в ночных клубах, на общегородских мероприятиях, таких как

День города, День металлурга, 9 мая, Новый год, – а денежки, естественно, оседали в карманах моей жены.

Леночка Мансурова была во всём неотразимой: начиная с обаятельной улыбки и заканчивая манерой одеваться. Она была умной, талантливой, общительной, неординарной, искренней, весёлой. У неё практически не было недостатков, кроме одного – она была жутко рассеянной: всё на свете забывала, теряла, вечно опаздывала, торопилась, и в такие моменты могла где-нибудь оставить свою сумочку с документами и мобильным телефоном, в такие моменты у неё отлетали каблуки и шапку уносило ветром, в такие моменты она могла сесть на электричку, идущую в другом направлении, или запрыгнуть на маршрутку, которая увозила её в другой район. Когда она выходила из дома, я за неё очень беспокоился и любил повторять: «Поменяй попу с головой местами – так будет проще жить!» – но даже в этой своей беспечности, забывчивости и невнимательности она была просто очаровательной.

Елена Сергеевна Мансурова была прирождённым лидером – прекрасным организатором и душой любой компании. Она была яркой звёздочкой на тёмном небосклоне жизни, а люди, как известно, ориентируются по звёздам, поэтому в общей массе окружающие доверяли ей, любили её совершенно искренне, без зависти и злорадства, а очень многие брали с неё пример и даже пытались копировать её манеру поведения и манеру одеваться, особенно этому были подвержены

её воспитанники – они шли за ней, куда бы она их не вела, с широко закрытыми глазами и воодушевлёнными лицами.

Даже моя мама любила Леночку и души в ней не чаяла, хотя и ругала её частенько, но это всегда были обоснованные предьявы, так сказать, по существу, – Ленка была непрактичной, небережливой, нехозяйственной, и к сожалению, она была нерадивой матерью и плохой женой. Вот так, будучи прекрасным человеком и согревая всех вокруг своей любовью, она не смогла сделать счастливыми самых близких своих людей.

Мансуровой никогда не составляло труда заводить нужные знакомства. В родном городе её знала каждая собака и даже очень влиятельные люди. Так называемые хозяева города всегда протягивали ей руку помощи, и это касалось не только материальных вливаний в её творчество, но и участия во многих бытовых вопросах её жизни. К примеру, именно ей дали совершенно бесплатно и без каких-либо ответных услуг нашу двухкомнатную квартиру, хотя и выписали ордер на меня, поскольку я работал в основном цехе, а она всего лишь отвечала за культурку. Кто-то из завистников во дворце металлургов кинул камень в наш огород, – мол, у Елены Сергеевны любовные отношения с директором комбината, – но эта сплетня не имела никакого развития и довольно быстро потерялась в капустных грядках.

Меня всегда восхищало её свойство притягивать к себе людей. Они летели на этот яркий свет, как скопища букашек,

комаров, бабочек, но только с той разницей, что они не обжигались об этот источник света, а лишь согревались в его лучах.

Её невозможно было не любить, и она буквально купалась в любви окружающих – всех без исключения: родных, подруг, моих друзей, случайных знакомых, соседей по дому, бывших одноклассников, нынешних коллег, – но особенно её любили дети и даже их родители. Только и было слышно со всех сторон: Елена Сергеевна! Леночка! Ленусик! Золотце! Свет очей моих!

За всю нашу совместную жизнь я не встретил ни одного человека, который *явно* демонстрировал бы негативное отношение к Леночке. Вокруг неё было столько любви, что моё чувство постепенно потерялось в этом бесконечном го-моне голосов и всеобщего обожания. Честно говоря, я даже не считал нужным декларировать ей хоть какие-то чувства. С каждым годом я становился всё более чёрствым и невнимательным, всё дальше отодвигался от этой шумной компании воздыхателей и от *неё* – то ли от зависти, то ли от обиды, то ли просто от скудости душевной. Мой первый букетик фиалок давно поблёк в её памяти после этих огромных букетов роз и хризантем, которые она собирала охапками на всех праздниках. Мой маленький букетик фиалок... Где он? Как всё это было давно и смешно.

В Екатеринбурге она работала с лучшими коллективами – делала очень талантливые постановки и была нарасхват.

Иногда она привозила шоу-балет «ХАОС», чтобы выступить в каком-нибудь клубе или на корпоративном мероприятии. Её ребята участвовали во всех конкурсах и фестивалях, проходящих в столице Урала.

С января 2000 года она начала сотрудничать с развлекательным центром «Малахит» и в середине марта перебралась в Екатеринбург, поселившись в небольшой, но довольно уютной и благоустроенной квартирке на улице Испанских рабочих.

Всё складывалось как нельзя лучше: когда я скучал по своей жёнушке, то отправлялся в Екатеринбург, а когда меня утомлял этот вечный праздник и суэта большого города, то я возвращался в свою «деревеньку», чтобы почитать, помолчать, подумать и даже что-нибудь пописать гусиным пером на мелованной бумаге.

Все выходные напролёт мы оттягивались в «Малахите», и оттягивались так, что иногда утром в понедельник я не мог выехать на работу. Приходилось звонить моему шефу и придумывать очередную небылицу, благо фантазия у меня была развита хорошо с самого детства. Это всегда была какая-то душераздирающая история.

Иногда мы отдыхали на Плотинке, в каком-нибудь уютном кафе при свечах, пили красное вино, слушали камерный джазовый оркестр, коверкающий популярные хиты Майлза Дэвиса и Джона Колтрейна. Потом гуляли по набережной, сидели на лавочках, пускали голубой дым по ветру, любо-

вались лунным отражением на глянцевито-черной поверхности пруда, и мрачный силуэт телевышки, словно гигантский инопланетный трансформер, упирающийся головой в тёмно-фиолетовое небо, поглядывал в нашу сторону жуткими пунцовыми глазёнками, и вот буквально через полчаса тишина Плотинки сменялась запредельным грохотом ночного клуба.

Блуждающие софиты и стробоскопы выжигали сетчатку неумолимыми вспышками, гибкие мерцающие голограммы извивались на сцене, а инопланетные захватчики в грубых кожаных пальто и в чёрных берцах на огромной платформе пытались завернуть руки тоненькой сияющей «гало». У этих мальчиков были отвратительные манеры.

Длинноногие полураздетые девицы с дикими глазищами и расширенными зрачками плескались в толпе у самого подиума, а там наверху, широко расставив рельефные ноги на стеклянных каблуках и подняв кверху решительным жестом раскрытую ладонь, над всеми возвышалась моя бесподобная жена в самом эпилоге этого танца, и после некоторой паузы толпа начинала реветь, осыпая шоу-балет Елены Мансуровой оглушительными аплодисментами. Какие-то размалёванные мужички в длинных париках, на тоненьких шпильках, в потасканных норковых манти и приспущенных колготках, спотыкаясь, тащили ей целые охапки ядовитых шипованных роз. Для *них* она стала иконой стиля.

Я помню, как толпа в едином порыве отплясывала под

«Улетели навсегда», а я на балконе размахивал дирижёрской палочкой. В полной темноте ярко вспыхивал стробоскоп, высвечивая сотни прыгающих голов. Киловатты звука прогибали грудную клетку, словно это была тоненькая фанера. Я стоял наверху и любовался этой пропастью из живых тел, – чувство было такое, словно грешники ползают и копошатся в девятом круге. «А что, у них там довольно весело, – подумал я, и мне захотелось прыгнуть вниз, хотя я прекрасно понимал, что толпа расступится и не примет меня в свои адепты. – Блядь! Я всегда буду *изгоем!*»

– Да пошли вы все!!! – крикнул я и не услышал собственного голоса, потому что он потонул в ста киловаттах звука.

Потом я выпил ещё вискаря и подумал, что всё-таки надо вливаться в толпу, но вдруг я совершенно отчётливо осознал, что для этого во мне не хватает нужной «органики». Я пошёл искать место, где бы можно было накуриться, и мы дунули в коморке у электрика... После этого меня унесло на каком-то обшарпанном кресле, заляпанном канифолью, в чёрную беспросветную даль.

Когда я очнулся, – а это был самый настоящий обморок, – то отправился искать жену. Меня колотило мелким бесом, и свинцовые веки закрывались сами собой... В любой момент я мог опять потерять сознание. Слегка подташнивало.

По длинному извилистому коридору я вышел в зал... Там была непривычная тишина и темнота. Мне показалось, что программа уже закончилась и все разошлись по домам, но

через секунду начали вспыхивать отдельные софиты, выхватывая из темноты то одну, то другую стройную фигурку на подиуме...

Потом эти полуобнажённые нимфы изгибались в зелёных трубчатых просветах под таинственный Deep Forest. Это был гипнотический танец с полным погружением. На несколько минут я забылся, и мне почудилось, что с этими нимфами я отжигаю в первобытном лесу и что в этом пространстве никого не существует – только я и они. Это было так прекрасно, что невозможно описать словами. Это было совершенным соитием без единого прикосновения. Это было настолько глубоким проникновением в самую сакральную сущность бытия, что я почувствовал себя на мгновение абсолютно свободным и счастливым.

Когда закончился танец, по моим щекам текли слёзы, но уже через пять минут, выпивая в баре, я не чувствовал себя дикарём в большом городе и с радостью подумал о том, как всё-таки хорошо, что кусок мяса можно купить в магазине и не надо целый день охотиться на мамонта.

«Я соткан из одних противоречий, словно меня создавали два совершенно разных творца, воплощая во мне по ходу эксперимента свои совершенно разные ожидания. Наверно, в этом и состоит причина моего безумия», – рассуждал я, глядя на самое дно опустошённого стакана, но не видел там никакой истины, а напротив, она удалялась от меня всё дальше и дальше с каждой рюмкой, с каждым «паровозом»,

с каждым сантиметром волшебной белой дороги, а потом я понял, что когда-нибудь просто умру и этот Мир растащит меня на атомы, что я никогда не узнаю, кто стоял за моей спиной и кто коснулся моего плеча на железнодорожном переезде.

Как творческий человек, я гордился женой и завидовал ей белой завистью. Я так много говорил о своём таланте, так долго носился с ним, как дурачок с писанной торбой, но так и не смог его реализовать, а вот она смогла – без особого напряжения и бурных анонсов. В моей голове всплывает красивое французское слово «мезальянс». Именно в это время она становится моим кумиром, но перестаёт быть женой. Она постепенно превращается в *диву*.

.3.

В «Малахите» Елена Мансурова раскрылась как настоящий авангардный хореограф, хотя её программа была построена на узнаваемых приёмах джаза, модерна, хип-хопа, брейк-данса, фанка и даже классического балета, но эта эклектика смотрелась настолько свежо и неповторимо в её интерпретации, а так же в совокупности с оригинальной музыкой и шепоткой юмора, что казалась настоящим открытием. Я очень волновался перед каждым её выходом, и каждый раз она оставляла меня в растрёпанных чувствах и в мокрых штанишках. Я всегда аплодировал громче всех и дольше всех, разбивая ладони в кровь.

В то время (ей было 30 лет) она окончательно созрела и

расцвела как женщина. Её глаза сверкали небывалым жизнелюбием и притягивали окружающих словно магнит. Её спортивное жилистое тело приятно округлилось и выглядело чрезвычайно сексуальным. Иногда она выходила потанцевать в коротких лайковых шортах или в обтягивающих джинсах с дырочками, и тогда мне становилось неловко: она выглядела слишком вызывающе, и со всех сторон её облизывали похотливые взгляды как мужчин, так женщин... Мне казалось, что все хотят её трахнуть.

– Мансурова! Ты была просто неотразима, – кричала расфуфыренная Мадлен, огненно-рыжая бестия с большим крючковатым носом и ростом метр девяносто на каблуках, – в этом костюме лесной нимфы из трёх фиговых листочков на лобке и на сосочках! – Она небрежно чмокнула Ленку в щёку. – Ты была настолько притягательна, что у меня даже член встал... Хотя я давненько про него забыла. – И она кокетливо махнула рукой.

Мадлен была популярной ведущей в шоу трансвеститов, и я сам довольно часто угорал над её искромётными шутками и бесконечными эскападами – до тех пор пока мы не встретились лицом к лицу, и тогда я понял, что под этой яркой оболочкой скрывается Вадик Кондаков – самый обыкновенный пидорас из Тагила. Когда-то я видел его без грима, без парика, без этой сверкающей мишуры, но в тёмно-сером бушлате с голубой полоской на плече.

– А кто это у нас тут такой суровый? – прокукарекала

Мадлен таким петушиным контральто, рассматривая меня в упор, и выражение её лица слегка изменилось.

Попутчики из тюремного прошлого не забываются. Я бы рад их забыть, да не могу, потому что память в экстремальной жизненной ситуации всё схватывает и фиксирует намертво, как эпоксидный клей. Я даже помню имена и фамилии тех, с кем делил краюху хлеба двадцать лет назад, в той далёкой и уже нереальной жизни.

– А это мой супруг, – ответила Леночка и предложила нам познакомиться.

– Мадлен, – промурлыкала эта «кошечка» и манерно выдвинула мне под нос грубую жилистую лапу с браслетами и многочисленными кольцами; она повисла в воздухе, будто вяленая рыба с душиком.

Я отступил от него на пару шагов и слегка помахал ладонью, словно разгоняя неприятный запах.

– Парашей откуда-то понесло, – объяснил я, отодвигаясь от него ещё дальше.

– Эдик! – одёрнула меня Мансурова.

– О-о-о, Ленусик, – сказал Кондаков, свернув губки трубочкой, – да он у тебя ещё и гомофоб.

– Да кто тебя боится? – парировал я с ироничной усмешкой. – Ветряная мельница на каблуках.

– Фу, какой грубиян! – возмутилась Мадлен, скорчив презрительную гримасу, и я увидел, как у неё посыпался макияж: на щеках и под глазами отошла тональная пудра, а

с наклеенных ресниц комочками осыпалась тушь.

– Штукатурку с пола подбери, – посоветовал я.

– Ну всё, я обиделась, – заявила Мадлен и, развернувшись на каблуках, хотела уйти прочь, но я остановил её:

– Да тебя уже давно обидели...

Вадик развернулся и посмотрел на меня растерянным взглядом – отвратительная слащавая улыбка исчезла с его лица, а я добавил очень невнятно, так чтобы слышал только он и ничего не поняла Мансурова, которая уже начала терять интерес к нашей перепалке:

– ... уем по губам.

– И кстати, ещё раз увижу, что ты прикасаешься к моей жене, – сказал я ватным сдавленным голосом, выражающим крайний дефицит терпения, – я тебе руку оторву, а потом спляшу чечётку на твоей хребтине.

В этот момент к Ленке подошла какая-то девочка и оттянула её внимание на себя.

– Ты меня услышал, гражданин Кондаков? – практически шёпотом спросил я.

Под толстым слоем грима его лицо превратилось в маску удивления: жёлтый алебастровый лоб покрылся глубокими морщинами, нарисованные чёрным карандашом брови сошлись на переносице, и ярко накрашенные губы собрались в карминовый пучок.

– Что? – произнёс он, вглядываясь в мои черты, как вглядывается близорукий в нижнюю строчку таблицы Головина.

В этот момент девчонки весело рассмеялись, и Кондаков вздрогнул... Вид у него был такой же напуганный и беззащитный, как в апреле девяносто первого, когда он поднялся в нашу хату из карантина и стоял в дверях в обнимку с матрасом и баулом на плече: широко открытые глазёнки, большой горбатый нос, череп яйцевидной формы, белеющая из-под ворота фуфайки тоненькая шея, потёртые джинсы и большие зимние ботинки на меху. Я помню, как один баклан крикнул: «А вот и мясо приехало!» – и Кондаков попятился к дверям...

– А я ведь тебя не узнал, – прошелестел он, словно змея в траве, и так ему хотелось меня ужалить. – Хотя по большому счёту ты не изменился, и даже причёска та же самая... Первый день на свободе.

– Я бы тоже тебя не узнал, если бы не твой орлиный нос. Ты очень изменился, Вадик.

– Ты знаешь, Вадика Кондакова уже давно нет, – чуть слышно сказал он и улыбнулся. – Я его похоронил и даже стараюсь о нём не вспоминать.

Он был похож в этот момент на грустного клоуна – в рыжем парике, с наклеенными ресницами, с большими губами, размалеванными красной помадой. В глазах его было столько боли и безысходной тоски, что мне захотелось выпить с ним и поговорить по душам, но предрассудки в человеческом обществе всегда доминировали над здравым смыслом, поэтому я не протянул ему руку и никогда не протяну, даже

если он будет тонуть, – да что там говорить, если я буду тонуть и он протянет мне руку, я хорошенько подумаю, прежде чем «зашквариться».

– Ну прямо индийское кино, – пошутил я, – а ты, по всей видимости, его родная сестра Мадлен, похожая на него как две капли воды?

– Упаси Господи! Мы даже не являемся дальними родственниками.

– И всё-таки, Мадлен, – попросил я очень вежливо и даже состроил ангельское личико, – не прикасайся к моей жене, а то я не смогу с ней жить. Ты меня понимаешь?

– Конечно, – ответил Вадик и кивнул головой. – Я тебя понимаю.

– Ну и чудненько! – обрадовался я и добавил: – Иди.

– Всего хорошего, Эдуард.

– И тебе не кашлять, не болеть... Выступаешь сегодня?

– Да. Шоу начнётся где-то минут через сорок.

– Классно! Буду ржать громче всех. В этом плане ты, конечно, молодец. Чувство юмора у тебя отменное.

Я улыбнулся ему совершенно искренне, и мне даже захотелось похлопать его по плечу, но я вовремя одумался. Особенно непобедимы предрассудки, приобретённые в молодости, ведь мы очень доверяем старшим и наше сознание фиксирует их слова в качестве основополагающих истин. Самая лёгкая добыча любой идеологии – это молодёжь.

– Спасибо, – кротко ответил он, медленно развернулся и

медленно пошёл по коридору, как-то бочком-бочком, виляя своей маленькой попкой, обтянутой изысканным шифоном, а я подумал, глядя ему вослед: «Всё-таки у меня было два создателя. Один вложил в меня беспощадную жестокость, а другой – великодушие, даже к собственным врагам. Первый наделил меня гордыней, а второй дал смирение и способность любить не только себя. Первый видит меня зверем. Второй хочет, чтобы я стал человеком. Кто они – мои творцы? Какую игру они затеяли? И кто я – в этой игре? Вечные вопросы, на которые нет ответов».

Потом я схватил Ленку за руку и потащил её в бар.

– Ты почему позволяешь каким-то пидорасам целовать себя?! – орал я, не взирая на окружающих, и они пучили на меня глаза, словно аквариумные рыбки.

– А что такое? Ты ревнуешь меня?

– Вот ещё! Элементарная брезгливость!

– А как у тебя с этим, когда ты тащишь в *нашу* постель всякую шваль? – спросила она с беззаботным лицом и совершенно спокойным тоном.

Я просто обомлел – это был самый настоящий удар ниже пояса. «Она знает про Таньку, – побежали в голове ссыкливые мыслишки. – Да что там про Таньку..? Она знает всё и не подаёт виду. Боже, какое коварство! Кто я для неё? Любимый пёсик, которого она отпускает с поводка, чтобы он вдоволь нагулялся? Чтобы встречал и вилял хвостиком, когда она приходит с работы? Она совершенно меня не ревнует, а

значит – не любит, и возможно – сама изменяет».

– И ещё я хотела тебя спросить... Почему ты везде устраиваешь срач, где бы ты не появился?

– В каком смысле?

– Ты ни с кем не можешь ужиться. Ты со всеми конфликтуешь. Мы с тобой прожили десять лет...

– Девять, – поправил я.

– ... только потому, что я была довольно терпима к тебе и не выносила мозг по любому поводу. Меня все подружки спрашивают: как ты живешь с этим монстром?

– И что ты отвечаешь?

– Что дрессировать хищников гораздо интереснее, чем лошадок.

– И друзья терпят твой ужасный характер, – продолжала она свою блистательную партию, – и на работе ты срёшься даже с начальством, и родители тебя не понимают, бедолагу, и ребёнок-то тебя не любит, как ты считаешь... Весь мир – против тебя!

– А разве это не так? Вся моя жизнь была сплошной бойней.

– Ты сам выбрал такую жизнь, – парировала она.

– А карма? Ты не веришь в судьбу?

– Карма – это лишь оправдание твоих поступков, – заявила она с торжествующим видом, и я совсем поник, и даже опустил голову, как ландыш серебристый.

– А зачем ты с этим... – Она запнулась, подбирая более

мягкое определение. – ... жалким педиком устроил какие-то непонятные тёрки? Перед кем ты хотел рисануться? Кого ты хотел удивить?

– Тебя, золотце, – ответил я, глупо улыбаясь.

– Меня? – Она сморщила обезьянью мордочку. – Меня?!

– Ты бы очень меня удивил, – молвила она, закатив глазки, – если бы не стал этого делать... Но ты слишком предсказуем.

Она забралась на высокий стул возле бармена, и, откинув отрицательным движением головы мелированную чёлку, попросила у него «Мартини Бьянко» – он улыбнулся ей в ответ самой очаровательной улыбкой.

– Любезный, а мне, пожалуйста, водочки! – крикнул я, но бармен даже не повернул головы в мою сторону.

Я был словно невидимка: меня никто не замечал, и даже этот наглый «халдей» делал вид, что меня не слышит. Мне пришлось дважды к нему обратиться, прежде чем он плеснул мне в рюмку пятьдесят граммов «Финляндии».

Впервые я чувствовал себя полным ничтожеством: никто из местного бомонда не воспринимал меня всерьёз, и это было довольно странно, потому что в своей жизни я редко сталкивался с амикошонством, – в общей массе люди боялись и уважали меня.

Я так думаю, местные рафинированные людишки видели во мне антагониста – этакого бродягу из Нижнего Тагила, мужика грубого, лишённого вкуса, не имеющего денег и кре-

атива, чтобы их зарабатывать. Я был для них пришельцем с другой планеты.

В знак протеста я накачался дармовым алкоголем и отправился гонять шары на зелёном сукне. Бильярдная находилась на втором этаже развлекательного центра «Малахит». С маркёром мы раскатали «американку», и он разгромил меня со счётом 8:2. Я не очень на него обиделся, потому что парнишка играл просто феноменально: у него получались и «свояки», и «чужие», и даже «дуплетом» он забивал таких красавцев, что у меня в мошонке становилось щёкотно.

Мы раскатали вторую партию, и в этот момент в зале появилась Леночка. Она попыталась приобщить меня к клубной жизни: «Пойдем потанцуем. Пойдем... Я познакомлю тебя с интересными людьми. Эдуард! Прекрати гонять эти чёртовы шары!» – но я молча отодвинул её в сторону, отягощённый свинцовой обидой, и лихо вколотил прямого шара в угловую лузу. Поджав губки, она уходила вдоль столов, виляя роскошными бёдрами.

В ту ночь, или точнее сказать – под утро, мы вернулись в нашу маленькую уютную квартирку с прицепом её «друзей» на after-party. Людишки были прикольные – экзотическая флора и фауна большого города: музыкант, арт-директор, танцовщица, стриптизёрша, промоутер, и даже был какой-то молодой человек, которого никто не знал, но он притащил с собой пару бутылок «Дом Периньон» и три грамма кокаина.

Мансурова любила эти «утренники», а я отрешённо сидел у окна, глубокомысленно курил, догонялся водочкой, а иногда, широко открыв рот, выдавал громкое «у-у-у-а-а-а-у-у», от чего вздрагивала тусовка и принимала позицию на старт.

Когда над крышами домов поднималось солнце, я уходил в дальнюю комнату... Они ещё галдели какое-то время, а потом начинали расходиться. В утренней тишине хлопала железная дверь, эхом разлетались пьяные голоса и гомерический хохот, кто-то петушиным фальцетом запевал, и все остальные подхватывали: «Этих дней тревоги, не забыть их никогда, не вернёшь обратно... Улетели навсегда-а-а-а!!!» Толпа исчезала за поворотом, постепенно затихали голоса, и только птички чирикали на проводах.

И когда лёгкий сон уже туманил разум, Ленка ныряла под одеяло, пропахшая куревом, разящая винным перегаром, беспрестанно икающая, и прижималась ко мне всем телом. Она пальчиками пробегала по рельефному прессу, её рука опускалась всё ниже и ниже, а я начинал усиленно храпеть или бормотал невнятным голосом: «Левый верхний винт – в правую лузу» или «Рикошетом от борта – в среднюю». Через минуту она уже спала, дёргаясь всем телом, а я таращился в бледный просвет окна и долго не мог уснуть... Что происходит? Куда нас несёт? Почему не радуется весна? Почему любовь приносит только разочарования? Почему мне так стыдно за всё, что я делаю?

С одной стороны было весело, а с другой – как-то страш-

новато. Я прекрасно помню, как покатился по февральской наледи под хрустальный звон бокалов, – всё было очень легко и просто. «Жизнь приятнее прожигать, чем тянуть эту чёртову лямку. Над собою можно поржать и попрыгать как обезьянка», – повторял я дурацкий стишок, опохмеляясь утром в понедельник и выпивая уже в четверг.

Все выходные были пьяные, и я совершенно забыл, что когда-то выбирался по субботам в тренажёрный зал, а по воскресениям – на волейбол, но это было в Нижнем Тагиле, а теперь моя жизнь постепенно погружалась в хаос... *ЕКАТ* буквально тонул в наркотиках, захлёбывался в алкоголе и в неуёмном веселье, а я растворялся в гулкой пустоте ночных улиц, подземных переходов, станций метро, в расплывающихся на мокром асфальте огнях светофоров и мерцающих реклам, в переливчатых сотах многоэтажных домов, и прятался от любопытных глаз за пеленой летящего над городом мокрого снега.

Одного крепкого паренька из шоу-балета унесло с двух «паровозов» – он рухнул со стула как подкошенный. Его за руки и за ноги отнесли на диван, и я положил ему на лоб мокрое полотенце. Слабоват оказался Вова, а через меня целый «товарняк» проходил, как сквозь туннель. Суточная доза алкоголя росла неимоверно. Мне было страшно, но я не подавал виду. Я убеждал себя в том, что все так живут – все пьют, употребляют наркотики, гуляют так, словно мы стоим на краю апокалипсиса. Это нормально – сожалеть не о чем.

В то время мы редко вспоминали, что у нас есть ребёнок. Нам казалось, что он – в надёжных руках, и это была самая чудовищная иллюзия.

В апреле совершенно пропал гормон радости, и ко всему прочему, испортилась погода: беспрестанно шёл дождь. По воскресеньям – с похмелья – была такая скука, что я не знал, куда себя деть. От одной затяжки сигарета выгорала до самого фильтра, заполняя лёгкие невыносимой горечью. Бутылка пива теряла вкус после двух глотков, и даже немецкая «Bavaria» превращалась в ослиную мочу. По утрам организм отказывался принимать водку. Да что там говорить, я на неё смотреть не мог – меня передёргивало.

Чтобы хоть как-то убить время, я шатался по городу – задумчиво бродил по аллеям парка в районе ТЮЗА и дома Ипатьевых, согревался коньячком в пустых забегаловках на набережной, с тоской глядел на серый пергамент реки, окутанный весенним ненастьем, и в голове неумолимо всплывал вопрос: «Зачем я живу?»

В мае по всему Екатеринбург у висели растяжки «*Новая программа Елены Мансуровой в клубе Малахит*». К этому моменту она уже была нарасхват: её приглашали на общегородские мероприятия, на фестивали и конкурсы, и они даже отметились на корпоративе известного банка. А что творилось на каждом выступлении в «Малахите» – на верхних ярусах люди переставали жрать и выпивать, вокруг сцены собиралась огромная толпа, жаждущая зрелищ, появление

мальчиков и девочек из балета встречали бурными аплодисментами, а когда на сцене появлялась сама примадонна, толпа начинала свистеть и аплодировать пуще прежнего.

После программы к ней подходили поклонники и пытались выразить своё восхищение, – это были совершенно разные люди, и свои чувства они выражали по-разному: кто-то интеллигентно, положив правую ладонь на грудь и приседая в глубоком реверансе, кто-то протягивал визитку, кто-то приглашал на свидание, кто-то предлагал денег, а кто-то норовил вымазать пьяными соплями: «Леночка! Ты такая талантливая, такая красивая! Пойдём накатим водки на брудершафт!» – Мансурова в любом случае улыбалась и благодарила за добрые слова. Она со всеми людьми, независимо от статуса, вела себя одинаково вежливо, деликатно, без пантов.

За всю нашу совместную жизнь я не встретил ни одного человека, который *явно* демонстрировал бы своё негативное отношение к Леночке, но как выяснилось, такие люди имеются в любом окружении. Иногда они существуют скрытно и не проявляют своих истинных намерений – они подбираются к нам, как постельные клопы, незаметно кусают и пьют нашу кровь. Даже таким милашкам, как моя жена, приходится сталкиваться с человеческой подлостью, лицемерием, злословием, завистью...

Ищите врагов среди самых близких подруг и друзей. Если вы кого-то любите, это не всегда вызывает ответное чувство,

и это не означает, что вы можете доверять человеку. Самыми вероломными и опасными, как правило, бывают люди, которые располагают к себе окружающих, – эдакие обаятельные мерзавцы. Не покупайтесь на их уловки. Не верьте никому.

Где-то в конце апреля за чашкой утреннего кофе Мансурова сообщила мне важную новость:

– Ты знаешь, у меня появилась новая подруга. Эта девушка окружила меня таким вниманием и участием, что я просто в недоумении.

– Кто это? – буркнул я, отхлёбывая из кружки кофе с коньком, где коньяка было больше, чем кофе.

– Галина Шагалова.

– А это кто?

– Арт-директор. Моя непосредственная начальница.

– А-а-а-а, эта толстожопая красотка, с глазами, как у грустной лошади.

Лена засмеялась и продолжила перечислять заслуги своего арт-директора:

– Она даёт мне любые деньги на костюмы. Прикинь, она даже выделила нам отдельную гримёрку с современной мебелью и хорошим ремонтом. А ещё она распорядилась, чтобы нас кормили бесплатно в «Жаровне» по пятницам и по субботам.

– Круто! – обрадовался я. – А можно к вам на хвост упасть?

– Естественно, – ответила она. – Куда ж тебя денешь?

– А ещё, – с загадочным видом добавила Эллен, – подходит она ко мне вчера на репетиции и говорит: «Елена Сергеевна, зайдите к бухгалтерию, распишитесь за бабки». Я спрашиваю: «Какие ещё бабки? Мы вроде уже всё получили». «Премия, – говорит, – за то что ваши заслуги превысили наши ожидания... Короче, за талант и красоту». Ну я сперва подумала, что кинули какую-то подачку...

– Сколько? – прервал я её пространный нарратив.

– Двадцать тысяч.

– Что?!

– Двадцать кусков, прикинь! Я глазам своим не поверила, когда мне их отслонявила бухгалтер.

– Может, сгоняем летом в Турцию, – предложил я.

– Поработать, – ответила жена, строго подняв кверху пальчик.

Так они стали подругами «не разлей вода». Крупная девушка Галина Шагалова буквально носила маленькую хрупкую Мансурову на руках. Они беспрестанно пили на работе кофе с коньяком, а по вечерам ужинали в ресторанах, – естественно, без меня, поскольку в будничные дни я «трубил» на комбинате, довольствуясь обедами в цеховой столовке, а по вечерам – лапшой быстрого приготовления с варёными яйцами. Эти так называемые подружки, позабыв о голодных и сырых, обжирались лангустами, жульенами и кордон блю. По телефону она мне все уши просвистела о том, какая замечательная у неё подруга – Галина Шагалова.

– Угомонись, глупенькая! – резанул я в какой-то момент. – Ты не знаешь *этих* людей... Это настоящие оборотни. Держи с ними ухо остро. А эта Шагалова... Я видел её пару раз, но мне хватило... Самая настоящая хитро выебанная сука.

– Ну началось! – орала моя жена в трубку. – Узнаю своего мизантропа! У тебя все люди – либо дураки, либо сволочи! Ты даже собственных родителей подозреваешь в том, что они тебя не любят!

– Так оно и есть, – парировал я. – Мама всю жизнь хотела девочку, а папа хотел гения. Вот и получается, что я не оправдал их надежды.

– О-о-о, мать божья! Я не могу тебя больше слушать! Ты натуральный сундук, набитый премудростями.

– Сними розовые очки! – орал я в ответ. – Там тебе – не здесь! Это другой город! Там все друг друга едят или ебут!

– Н-е-е-т! Ты натуральный маньяк!

– Поверь мне, деточка, – молвил я назидательным тоном, – тебя когда-нибудь подставят, и я не удивлюсь, если это будет Шагалова.

– Зачем ей это надо? – по слогам спросила Лена. – Я курица, которая несёт золотые яйца.

– Вот в чём ты права, так это в том, что ты действительно курица. – Я громко заржал в телефонную трубку, и в моё ухо врезались короткие гудки.

Даже спустя многие годы я вспоминаю эту историю как показательный пример того, что бесплатным бывает толь-

ко сыр в мышеловках. А ещё эта история является примером эгоцентричного восприятия окружающей среды – людям свойственно заблуждаться насчёт того, что на самом деле происходит за кулисой общественного мнения.

Богемная среда – это самая настоящая клоака, в которой царят жуткие нравы, а именно: зависть такая ядовитая, что яд кураре на артистов уже не действует; распущенность затмевает эпохальные оргии Калигулы и Нейрона; проповедаются однополые сексуальные отношения, именно «проповедаются» как некий культ для посвящённых; отвратительное злословие; «вежливые» подставы; «великодушные» предательства; крайняя мелочность; экзальтированная истеричность; вечные скандалы и, конечно же, самое утончённое, самое изысканное лицемерие, – это далеко не полный список человеческих пороков, характерных для этой «культурной» среды.

Могу про себя сказать, что я далеко не ангел и совершал в своей жизни бесчестные и даже страшные поступки, но для меня – для такого архаровца – та мерзость, которую я увидел в богемной среде города Екатеринбурга, до сих пор является самым человеческим дном. Наверно, поэтому испокон веков шуты и скоморохи считались падшими, но сегодня на них зарабатывают огромные деньги, и этим всё сказано. Там, где крутятся большие деньги, крутится и *Лукавий*.

Мансурова любила Екатеринбург, и особенно она любила «Малахит», а я чётко понимал, в какой гадюшник она по-

пала, но Леночка с характерной для всех возвышенных женщин «куриной слепотой» видела только тот спектр, который существует на высоких частотах. В «сумерках» она ориентировалась плохо, и «демонов» она не видела, в отличие от меня. Она вообще старалась не замечать дерьма и плохо разбиралась в его сортах.

И даже я ничего не сказал Ленке после той отвратительной сцены, где Галина Шагалова и Мария Краева на моих глазах вывернулись наизнанку, словно мерзкие инопланетные твари в облике человеческом. Происходило это всё в нашей квартире на улице Испанских рабочих. Как сейчас помню, это были майские праздники – девятое или десятое число. К нам в гости завалилась небольшая компания из трёх девчушек: Краева, Шагалова и Кустинская.

Пили шампанское, курили «шмаль», нюхали «кокс», и над всем этим сумасшедшим угаром расплзлось густое едкое облако, застилающее глаза, словно мыльная пена. Про ветеранов и про войну даже никто не вспоминал. В какой-то момент я напомнил девочкам, по какому поводу мы собрались, и стоя выпил за тех, кто остался лежать на полях Великой Отечественной войны. На меня посмотрели как на сумасшедшего, – мол, не порти праздник и ломай кайф этой своей сентиментальной чепухой. Все, конечно, выпили не чокаясь, но я больше не поднимал эту тему.

Зато девки стояли на ушах под «Sing It Back» группы Moloko, не обращая на меня внимания и не считаясь с мо-

ей слабой мужской психикой. Краева, широко улыбаясь всей своей фарфоровой «обоймой», без единой морщинки на лице, сняла малюсенькие стринги и небрежно, отточенным движением, отправила их в меня – я поймал трусики на лету и почувствовал, что они горячие и влажные. Но это было только начало... Мне казалось, я работаю евнухом в каком-то одичавшем гареме.

Потом всех отпустило, и Галина начала кого-то вызванивать по телефону... Через двадцать минут приехала Мадлен и привезла ещё «шмыгалова». В тот день Вадик Кондаков выглядел, как кровососущая тварь из фильмов Тима Бёртона, – я не мог без содрогания смотреть на его бледное, сильно припудренное лицо с жёлто-фиолетовыми «теньями» вокруг глаз. Облегающее платье в стиле little black dress собиралось на его тощей фигуре многочисленными складками. Огненно-рыжий парик имел довольно потрёпанный вид. «Гламурную» картинку дополнял сломанный нос и кривые жилистые ноги в сетчатых колготках.

– Кто это тебя так уделал? – спросил я, глядя на его лицо с радужными кровоподтёками.

– А что, у нас мало жлобов? – ответил он вопросом на вопрос.

– Достаточно... И я один из них... Только вот девочек бить – это заподло.

– Не все же такие джентльмены, как ты, – парировал с ироничной ухмылкой Кондаков.

Он хотел остаться с нами, но Галина отправила его в «Малахит», поскольку он должен был выступать в шоу трансвеститов. «Нам такой хобот здесь не нужен! Опять убьёшься, а потом будешь всякую хуйню пороть! Последний раз даже твои гейши жаловались! – кричала она, выталкивая его из квартиры. – Ещё раз выйдешь на сцену под марафетом, я тебя уволю ко всем чертям! Ты меня слышал?!»

Явно расстроенный, он уехал в клуб, а я с облегчением выдохнул... Что-то ужасное есть в этих химерах – настолько непостижимое моему разуму, противоестественное, что я не могу даже определиться со своим отношением к этому явлению. Эти мифологические твари меня просто парализуют. Я даже перекрестился, когда за ним закрылась дверь.

Шагалова смолила одну сигарету за другой и, прищурив лошадиный свой чёрный глаз, внимательно следила за каждым движением Мансуровой, а в это время прекрасная Елена сидела, откинувшись на спинку стула, и вид у неё был такой отрешённый, словно она здесь никого не знает и очутилась в этой квартире совершенно случайно. Галина погладила её ласково по руке и спросила тоже очень ласково:

– Леночка, головка бо-бо? Может, тебя баиньки уложить?

– Я чё маленькая! – грубо ответила Мансурова и добавила капризным тоном: – Шампанское хочу! – А я подумал: «Ого, звезду словила. Совсем моя старуха распоясалась. Сейчас ещё новое корыто попросит».

– Эдуард, будь добреньким, – попросила Галина жалоб-

ным тоном, – метнись кабанчиком... Купи самого дорогого для своей любимой.

– Деньги давай, – процедил я через губу. – У меня на дорогое не хватит...

– Ну не мелочись! – попросила жена, сморщив лобик, как у шарпея.

– Леночка, всё нормально... Всё будет, – засуетилась Галина. – Эдуард, please.

Я отправился в магазин, зажав в кулаке хрустящую пятачку. Выйдя на улицу, я вдохнул полной грудью свежий майский вечер и выдохнул белёсый пар. «Ад – это люди, которые нас окружают», – подумал я и осмотрелся вокруг: ни души, только позолоченная луна висела над горбатыми крышами домов, с торчащими, как на погосте, крестообразными антеннами. Как я обожаю этот силуэт ночного города, как я люблю эти жёлтые мигающие огни светофоров, это индиговое прозрачное небо – настолько прозрачное, что даже видно, как постепенно звёздочки превращаются в звёздную пыль.

Как только я вышел на проспект Свердлова, там погасили фонари, и какие-то тёмные личности начали собираться вокруг меня. Я сунул руку в карман, нащупал выкидной нож и развернул его кнопкой на большой палец. «Спокойно», – подумал я и двинулся в сторону минимаркета. Эти «демоны», почуяв опасность, исходящую от меня, прекратили преследование и растворились в темноте. «Я страшный человек», –

с гордостью подумал я, но сердце всё-таки продолжало бешено колотиться.

Я купил шампанское за триста рублей, а две сотни любовно положил во внутренний карман под замочек. Спокойно, не торопясь, двинулся домой.

Когда я тихонько открыл дверь, то увидел тонкую световую линию на коврике в прихожей и услышал чьи-то голоса в туалете... Меня буквально притянуло к этой щели – арт-директор Гала и элитная стрипка Мишель справляли естественную нужду и при этом болтали, как это водится у девчонок. Мой воспалённый глаз просочился туда, и вот я уже стою невидимкой рядом с ними и даже чувствую запах разгорячённой женской плоти с изумительными нотками французских духов.

– Она играет со мной, – жаловалась Галина, сидя на унитаже со спущенными колготками и отматывая туалетную бумагу. – Она гладит меня против шерсти, дразнит меня, сучка! Со временем она получит по полной программе... Я станцую ламбаду на её миленьком личике. Я буду драть её во все дыры этим straponом, который ты подарила мне на восьмое марта. – От этих фантазий с неё опять полилось, и она невольно раздвинула пышные холёные ляжки.

Поначалу я не понял, кого они обсуждают, – глумливо улыбаясь, я пускал слюнку до самого пола, – но следующая фраза расставила все точки над «i».

– А может, она всё-таки любит этого Эдичку? – спросила

длинноногая стрипка; она сидела на краю ванной в короткой юбке, и вид её темнеющей промежности будоражил моё либидо.

– Что?! – возмущённо воскликнула Гала. – Как можно любить этого придурка?! Дятел натуральный! Бык комолый! Отрыжка из девяностых! Я от таких шарахаюсь, а она с ним живёт.

– На заводе работает... Лох конкретный! – высказалась в мой адрес Мишель, а потом я услышал подленькое: – Ихь-ихь-ихь-ихь.

Мне Ленка рассказывала, что Краева ещё недавно танцевала белого лебедя в академическом театре оперы и балета, а теперь её мусолят по приваткам жирные папики. У Машеньки была одухотворённая внешность – длинная русая коса и ангельское личико, как и полагается всем этим Машенькам. В XIX веке поэты посвящали таким девушкам стихи, из-за них стрелялись на дуэли или пускали себе пулю в лоб, а в наше время такую можно купить за двести баксов.

Ленка сообщила мне по секрету, что Краева получает за приватные танцы бешенные деньги, но «Малахиту» она приносит ещё больше. Это тоже была курица, несущая золотые яйца. Танцевала она, конечно, божественно, и тело у неё было фантастическое, как будто созданное гениальным дизайнером для сексуальных утех, а если к этому ещё прибавить изысканные эротические наряды и настоящий тропический загар, то Машенька была просто уникальной шлюхой. Пого-

варивали, что она путалась с одним из самых влиятельных бандитов Екатеринбурга по фамилии... Хотя какое это имеет значение? Его уже давно нет на этой земле.

Я плакал, когда смотрел её номера, – это всегда было неожиданное превращение белого лебедя в распутную Одетту. Не знаю почему, но мне всегда было до глубины души жалко красивых и талантливых девушек, разменивающих свою жизнь на пятаки. Почему они идут на панель, почему снимаются в порно, живут с бандитами, которые купаются в крови и кушают на завтрак младенцев? Почему красивое тело всегда продаётся, а душа никому не нужна даже бесплатно? Кроме Дьявола, конечно...

– Типичный халявщик! Альфонс! – раздувая тонированные щёки, препарировала меня со всех сторон Галина Шагалова. – На заводе денег не платят, так он сюда приезжает отрываться. Выходные гуляет за её счёт, а в понедельник сваливает обратно. Прикинь, за это время ни одного букетика не подарил. Даже восьмого марта приехал с пустыми руками. Извини, говорит, получку задержали. Фуфло тряпочное! И она ещё цепляется за него, дура!

Это была очень аппетитная пышнотелая еврейка с воловьими чёрными глазами. У неё был вульгарный автозагар цвета египетской мумии и отполированное лаком тёмно-каштановое каре. А ещё у неё были необъятные ляжки, идеально гладкие, бархатные, и я почувствовал, как в меня упёрлось моё же естество, – ещё немного и «болты» с ши-

ринки посыплются на пол. Она была чертовски хороша. Это был редкий случай, когда толстуха имела идеальные формы.

– А как ты думаешь, Гала, зачем он ей нужен? – спросила Краева.

– Ностальгия по молодости. Что там ещё? Отец ребёнка. Глупая привычка быть замужем. – Она опять потянула на себя рулон туалетной бумаги, а я подумал с неподдельным раздражением: «Куда ж ты столько мотаешь, сучара?»

– Поверь мне, – продолжила Галина, – через пару месяцев она пойдет по рукам... Вспомни эту Лизоньку из Ревды.

– А ты денег ей подкинь, чтобы ускорить этот процесс.

– Уже подкинула, – с некоторым апломбом ответила Шагалова и поднялась с унитаза; она начала натягивать колготки, а я увидел её гладко выбритый лобок и оттопыренные половые губы, напоминающие свиную рульку.

– А ты ещё подкинь... Пускай она почувствует, откуда приходит... *кайф*.

– Вот куда бы ещё этого придурка отправить? – спросила Шагалова и громко рассмеялась.

– Дать ему денег и отправить его в родной колхоз, – ответила Краева.

– Я чувствую, что наша Леночка уже готова... Животик-то тёпленький... Я ручонками уже прошлась по изгибам... Ох, Машка! Сейчас бы такую оргию закатили!

– А Оленьку ты уже прошупала?

– Ты о чём говоришь?! – Выкатила свои огромные чёр-

ные глазища. – Она уже со стряпухами всюду кувыркается. Демидовой такой куни отслонявила – та аж сквиртанула на радостях. Так ты прикинь, прямо в гримёрке...

– Наша сучка! – с гордостью заявила Мария.

– Да она всех любит – и мужиков, и баб... И даже с этими козлаёбами оттягивается... Честная давалка... Безотказная, как японская праворукая тойота.

Как сказал Джонатан Свифт: «О появлении настоящего гения можно судить по сговору остолопов против него», – а я бы ещё добавил: подлецов, завистников и энергетических вампиров, которые мечтают присосаться к его фиолетовой ауре.

После таких откровений, я на цыпочках вышел из квартиры и аккуратно прикрыл за собой дверь. Мне нужно было проветриться, покурить и подумать. Я сел на лавочку, рядом поставил бутылку шампанского и достал пачку «LM».

Сперва возникло пьяное мстительное чувство – ударить кулаком по столу, размотать эту блядскую компанию, выкинуть их из квартиры и забрать Ленку домой. Но потом я успокоился, отдышался и пришло разумное понимание вещей, – «Ну допустим, – рассуждал я, – Мансурова вернётся в Тагил, вернётся на свою прежнюю работу во дворец культуры металлургов. И что? Каждый вечер она будет сидеть на кухне с бокалом вина, дымить в форточку и жаловаться на жизнь, а мне опять придётся врать, оправдываться, встречаться урывками с любовницей, постоянно смотреть на часы, прислуши-

ваться к шагам, вздрагивать от каждой остановки лифта на моём этаже, от каждого хлопка общей двери, и, затаив дыхание, ждать, что вот сейчас в замочную скважину войдёт ключ, как шило под ребро. А потом замечать следы, собирать по квартире тёмные длинные волосы, менять постельное бельё, отмывать бокалы от этих ядовито-красных маркеров измены».

– Что, собственно говоря, произошло? – спросил я у самого себя в слух.

Так бывает, когда у меня случается дилемма или какой-нибудь форс-мажор. Я словно ищу моральную поддержку у того, кто стоит за моей спиной, и он, как правило, отвечает мне – моим же голосом:

– Ничего страшного, и самое главное – ничего нового. Ты просто в очередной раз пытаешься уйти от житейских проблем. Ты не любишь их решать. Ты не любишь что-то менять. Упаси Господи. Это твоё характерное малодушие. Страусиный синдром, как я его называю.

– И что ты предлагаешь? – спросил я своего невидимого оппонента. – Нарушить это хрупкое равновесие? Лишиться привилегий? В конце концов – денег?

– Оно уже нарушено. Иногда человеку приходится выбирать...

– Ты знаешь, что для таких, как я, выбор страшнее, чем полное отсутствие вариантов.

– Ты ещё справку покажи.

– Я не могу всё вернуть назад. Я уже не тот лихой пацанчик в кожаной кепочке, а она уже не та милая девочка в розовом берете.

– Послушай, дружок, не надо мудрить. Ты просто ответь на вопрос...

– Да всё я знаю!

– Ты любишь её?

– Да!

– Ты сам ответил... Так вот, если ты настоящий мужик, ты просто обязан...

– А в противном случае?

– Ты сделаешь вид, что ничего не было.

– Я подумаю. Тут не надо с кондачка решать.

После столь неожиданной кульминации вечера я сделал для себя вывод: не пытайся узнать, что о тебе думают окружающие, если они даже улыбаются при встрече и ласково спрашивают – как дела? И уж тем более не надо знать, что о тебе думают близкие люди или твоя жена: при любом раскладе тебе это не понравится.

Женщины любят обсуждать свои отношения с мужчинами, особенно проблемные отношения, и многие высказывания этих так называемых подруг являлись отголоском тех претензий, которые в мой адрес имела жена. Я совершенно уверен в том, что она перебивала мне косточки вместе с Шагаловой. В противном случае откуда Галина знает про восьмое марта, ведь я действительно приехал с пустыми руками?

Мне она ничего не сказала, но зато пожаловалась своей товарке. Вот откуда несёт тухлятиной.

Как ни в чём не бывало я вернулся в квартиру и увидел практически засыпающую компанию. Ленка посмотрела на меня мутными глазами и широко зевнула...

– Ну, муженёк, тебя только за смертью посылать, – сказала она хриплым голосом и слегка кашлянула.

Галина смотрела на меня удивлённым взглядом, а у Краевой был такой вид, словно она еле-еле сдерживает смех. Ольга Кустинская уже спала, развалившись в стареньком кресле у окна.

Я поставил бутылку на стол и молча ушёл в другую комнату. Я уже не мог смотреть на эти свиные рыла, и даже пьяная Мансурова вызывала у меня отвращение. В квартире стоял тяжёлый дух: во-первых, было страшно накурено, во-вторых, шампанское всегда даёт отвратительную отрыжку и чудовищный выхлоп, а в-третьих, люди просто воняют сами по себе, поэтому я не люблю даже самые минимальные скопления людей, – как у всех неврастеников, у меня очень тонкое восприятие. А может, я на самом деле мизантроп, как говорит Ленка?

Лежа в темноте, я слышал, как тётки разговаривают между собой, иногда переходя на интимный шёпот, иногда взрываясь неумным хохотом; потом замолкают, цмыкают шампанское, прикуривают сигареты, скрипят стульями, чокаются бокалами, спускают воду в туалете... Я чувствовал, как

сгущаются сумерки моего сознания, как наваливается непосильная тяжесть, как давит на меня вся эта бездушная каменная громада большого города. Потом послышались чьи-то лёгкие крадущиеся шаги, и тонкая световая нить, протянутая от двери к моей кровати, резко оборвалась – я погрузился в кромешную темноту...

.4.

13 мая, в день моего рождения, Мансурова приехала в Тагил. Мы не стали никого приглашать и раздавили бутылочку вина на двоих. Ленка была какой-то напряжённой и задумчивой. Когда я попытался деликатно расспросить её о том что происходит, она подняла на меня такой тяжёлый взгляд, что я вздрогнул и решил дальше не продолжать эту тему. «Если посчитает нужным, сама расскажет», – подумал я, подливая вина в бокал.

А потом мы молча смотрели в окно – оно было грязное после зимы – на угасающий весенний вечер и лиловую ауру над крышами домов. По небу плыли радужные облака. Его рассекали неугомонные стрижи и ласточки. На огромных тополях, покрытых сочной зеленью, висели, словно чёрные груши, бесчисленные скопища ворон. На детской площадке водили хоровод яблоньки в белых сарафанах, – в том году они зацвели очень рано, поскольку в мае уже стояла летняя жара.

Мы сидели в сумерках, не включая света. Фоном играла музыка – чувственная и проникновенная. Как сейчас помню, это была звуковая дорожка из кинофильма «Rush», на-

писанная Эриком Клэптоном. Эта музыка как нельзя лучше перекликалась с моим внутренним состоянием и поднимала во мне такие эмоции, что мне жутко захотелось любви, или хотя бы водки. Но я дал слово Мансуровой, что не буду нажираться: на следующий день, в воскресенье, мы собирались пойти в гости к нашему ребёнку, который в тот момент находился у моих родителей, и я не мог себе позволить опухшую рожу, красные глаза и чудовищный перегар, разящий во все стороны.

– Помнишь, мы летали на фестиваль джаза в Краснодар? – вдруг ни с того ни с сего спросила Лена.

– Да, конечно... Это было в марте, если я не ошибаюсь.

– Не ошибаешься. Так вот... – Она задумалась на секунду и продолжила: – Я там случайно встретила Володю Белогорского. Кстати, он передаёт тебе привет.

– Так-так, – забеспокоился я. – Что-то долго ты тянула с приветом.

– Я много думала, сомневалась... – Она начала с хрустом ломать свои длинные пальцы.

– Ты что, уходишь от меня? – спросил я равнодушным голосом, как будто это событие уже давно висело в воздухе и было совершенно предсказуемо.

– Аха, а ты только этого и ждешь! – огрызнулась она. – Короче, он предложил мне работать в отеле «Югра».

– Это где? – Я аж скривился весь от виртуального холода. – В Ханты-Мансийском округе?

Она едва улыбнулась, чуть заметно приподняв кончики губ.

– Я его спросила то же самое. Нет. Это место находится на берегу Чёрного моря, в районе Туапсе. «Югра» – это шикарный отель, построенный на нефтяные доллары.

– Ух, ты! – обрадовался я. – Деньжищами запахло! А Володька там кто?

– Генеральный директор, – ответила она с некоторым апломбом.

Я тут же вспомнил этого молодого человека с задорным комсомольским лицом и розовыми щёчками, с которым подписывал договор в феврале 1999. По этому договору шоу-балет моей жены подрядился выступать в самом крутом кабаке нашего города, который назывался «Алисой».

Владимир Аркадьевич был руководителем компании «Ником-Полимер», которая включала в свои активы несколько крупных магазинов, рынок, автосалон, а так же самый крутой кабак нашего города, названный в честь его матери. В основном эта компания торговала продукцией ниженетагильского «Коксохима», – его директором был Аркадий Абрамович Грановский, которому на самом деле принадлежал «Ником-Полимер» и Володька со всеми его потрохами. Это был очень влиятельный человек, именем которого была названа улица в Дзержинском районе нашего города.

Долгое время он ходил в любовниках Алисы Белогорской – матери нашего героя, и Володенька буквально вырос на

его глазах. Он был внебрачным сыном Грановского, а может быть, и нет... Кто его знает? В таких вопросах не скажешь наверняка.

Аркадий Абрамович дал своему пасынку правильное воспитание. Однажды мы выпивали с Володькой, и он рассказал мне целую притчу: «Запомни, любил повторять Аркаша, главное – это бабло, а всё остальное – это порожняк! Нет никакой любви. Нет никакой дружбы. Человек человеку – волк. И собака тоже не друг, потому что она, сука, кусается! Никому не доверяй и помни: чтобы заработать большие деньги, нужно идти по головам без страха, без жалости, без оглядки». Мальчонка был смышлённый, поэтому накрепко уяснил уроки своего легендарного папаша.

В конце 1999 года случился скандал, который не имел широкого общественного резонанса, но обсуждался в узких кругах, приближенных к ресторану «Алиса». Володя жестоко кинул своего благодетеля, продав контрольный пакет акций «Ником-Полимера» каким-то москвичам. В этой махинации активное участие принимала его жена, которая работала у него главным бухгалтером. Отхватив жирный куш, парочка мошенников пыталась свалить из города...

Аркадий Абрамович прошёл витиеватый жизненный путь от простого работяги до директора Коксохимического производства НТМК. Насколько я его помню, – а сталкивался я с ним неоднократно, – это был довольно грубый и жёсткий человек, без заминок вступающий в любую перепалку и не

жалеющий для своих оппонентов матерных слов. Ко всему прочему, он был на короткой ноге со всеми криминальными авторитетами города. Мужик он был очень крутой – настоящий медведь, который мог любого завалить, поэтому для меня до сих пор остаётся загадкой, как этому пухлощёкому пареньку с чувственной комсомольской чёлкой удалось так запросто опрокинуть своего матёрого папашу.

Аркадий Абрамович накрыл этого иудушку в аэропорту «Кольцово», когда тот находился уже на фоксе – в ожидании самолёта до Москвы. Ещё раз повторяю, что Грановский был очень крутой мужик, но то что случилось в аэропорту больше смахивает на американский боевик с комедийным уклоном.

Он поймал своего вероломного отпрыска на регистрации и, выхватив бейсбольную биту из-под полы длинного макинтоша, начал гонять его по всему терминалу. Наряд милиции долго не мог успокоить разбушевавшегося олигарха. В конце концов его повязали и отправили в линейное отделение. Когда ему крутили руки и одевали железные браслеты, он был лиловый от бешенства, и могло показаться, что его сейчас хватит апоплексический удар. Он ревел на весь аэропорт: «Я тебя, гаденыш, из-под земли достану и глаз на жопу натяну!!!»

– Помню-помню... – Я улыбнулся от этих воспоминаний. – Ловкач постоянно тянул с деньгами. Как платить, он тут же проваливался под землю. По телефону его нет. В ка-

бинете его нет. Мобила отключена. Как-то раз мне даже пришлось вытаскивать его из сортира... А что он делает в Краснодарском крае? Он же в Москву улетел.

– Нет. Теперь он живет на берегу Черного моря, где-то в районе Михайловского. У него там – огромный дом.

– Так вот, – продолжала она, слегка оживившись, – закончили мы танцевать аргентинское танго, как вдруг из зала выскакивает какой-то взъерошенный мальчишка, а в руках у него – целая охапка белоснежных хризантем. Я его сперва не узнала, а он кричит мне в самое ухо: «Лена, я видел твое шоу! Это великолепно! Ты просто молодец!» Пригляделась – Володька Белогорский. Тоже ору ему в ответ: «Ты какими судьбами?! Мы тебя давно уже вычеркнули из списка живых!» А он смеется: «Всё нормально – жизнь набирает обороты».

– Короче, забили стрелку в баре, – продолжала она. – А там он сделал предложение, от которого я сперва отказалась, а теперь хорошенько подумала...

– Интересно, – вкрапил я ревнивую нотку в эту запутанную историю и подозрительно прищурил глаз.

– Ты же всегда мечтал жить на юге, у самого синего моря.

– Когда я тебе такое говорил?

– Ну вспомни, как мы работали в Сочи! – воскликнула она с пионерским задором. – Роскошные кабаки, клубы, дорогие гостиницы, шёпот прибоя, огни лайнеров в открытом море, звёзды величиной с кулак... Так вот, милый мой, эта

сказочка может стать повседневной реальностью.

– Что-то мне не нравится, как это звучит.

– Прекрати! – фыркнула она, соорудив злобную мордашку. – Тебе не угодишь! Я вообще не понимаю, чего ты хочешь по жизни!

– Чтобы меня не кантовали.

– И это всё? – Она смотрела на меня удивлёнными глазами.

– Что тебе наговорил Белогорский? – спросил я, чтобы вывести её из ступора.

– Много чего наговорил, – ответила она с явной неохотой и недовольством.

Замолчала. Закрылась. Закурила.

Я понял, что она разочарована моим поведением и отношением к этой новости. Когда-то с таким же холодком я принял новость, что она беременна, и она очень долго обижалась на меня. Лена была очень эмоциональной, как все творческие люди, и требовала от меня таких же эмоций. Она хотела, чтобы я реагировал на внешние раздражители в унисон ей, но я всегда был в диссонансе, потому что мы были совершенно разными людьми. По мнению моей жены, я был бесчувственным поленом, которое никогда не найдёт своего старого шарманщика.

– Не обижайся, – попросил я Лену. – Ты же знаешь меня... Я не умею радоваться жизни, особенно без водки.

Она продолжала молча смолить сигарету. Было ясно, что

для себя она всё решила. Я видел её силуэт с припушенной нижней губой на фоне окна, в котором полыхала неуёмная огненно-красная заря.

Я любил эту женщину, но я не мог сказать в тот момент, что люблю её. Я чувствовал ту же боль. Я испытывал тот же страх. Я дышал тем же отравленным воздухом. Я знал её так же, как себя, потому что она была открыта всем ветрам нараспашку, но я чувствовал, как между нами растёт пропасть. Нас разводили в разные стороны – в противоположные точки системы координат, туда откуда мы начали свой путь. Я понимал, что наше время закончилось, и дважды не войти в одну реку, но при этом я очень боялся её потерять.

На кухне сгущались сумерки. Бабина закончилась, и сработал автостоп – в воздухе повисла гнетущая тишина. Только назойливая муха жужжала и билась об стекло. Я медленно поднялся и пошёл в ванную, – там, в стиральной машине, была спрятана бутылка водки. Привычным движением я сорвал пробку и приложился из горла.

Закрыв глаза, я сидел на унитазе и прислушивался к своим чувствам. Когда ты делаешь первый глоток водки, приход напоминает потрясающий момент из моего прошлого. Я помню, как передо мной открывались решётки с табличками «Двери закрывать на 2 оборота ключа» и я постепенно – с каждым поворотом ключа – приближался к свободе... Алкоголь – это ключ, с помощью которого ты открываешь внутренние двери и выходишь из тёмных казематов своего

бытия. Всё, что тебя мучало, остаётся там – за контрольной полосой. Ты свободен – тебя ничто не держит на этой земле и ничто не связывает с окружающими.

Когда я вернулся из ванной, Леночка уже оттаяла, и по её выражению глаз я понял, что она хочет продолжить разговор. Я тут же подыграл ей:

– Ленчик, ну не злись. Я просто очень устал. Внедрение нового проекта. Работаю по восемнадцать часов. Сплю на диване в своём кабинете: не вижу смысла ходить домой. Ну... Чё там Володька тебе наплёл? Ну рассказывай, рассказывай!

Она слегка оживилась и сделала губки бантиком.

– Мы три часа в баре просидели, и я из него всё вытянула. «Жить будешь в люксе, — наворачивал Володя, подливая мне Hennessy XO. – Не понравится – снимем тебе квартиру, хоть в Туапсе, хоть в Ольгинке, хоть в Небуге». А потом он поведал мне о своих мытарствах: «Я полгода в Москве болтался... Страшный город. Бездуховный. Все хотят друг друга поиметь. Как-то пытался там устроиться, но всё мимо... И вот совершенно случайно я познакомился с большим человеком с Кубани. Он уговорил меня вложиться в этот проект. Я поначалу боялся, а теперь просто счастлив. В мегаполисах жить – только душу гноить. Ты не представляешь, Леночка, как там свободно дышится. Народ добрый, отзывчивый... Женщины ласковые... А море... море из окна видать... до краёв наполняет! А если бы ты видела, Леночка,

эти закаты... Плакать хочется!»

– И хруст французской булки, – саркастически заметил я. – А он, оказывается, романтик... Сентиментальный ворюга!

– Короче, – продолжала Мансурова, – сулил золотые горы, рисовал картины маслом, дорогим коньяком опаивал, и что самое интересное – я ему поверила.

– Надеюсь, в номера с ним не пошла? – спросил я.

– Ты знаешь, он не в моём вкусе, – с вызовом ответила она, – а за деньги или привилегии я с мужиками не трахаюсь – только по любви.

– Извини. Это была неудачная шутка.

– Так вот, милый мой, – сказала она строго, и я подумал о неизбежности ультиматума, – через три недели я улетаю к морю и начинаю там новую жизнь. Я не спрашиваю твоего совета или одобрения – я всё уже решила, но от тебя требуется только одно – решиться хоть на что-то в своей жизни... Либо отпусти меня и живи так, как ты хочешь, либо останься со мной и будь для меня мужем, для ребёнка – отцом, а для нашей семьи – опорой. Я не позволю тебе болтаться как дерьмо в проруби. Я устала от твоего эгоизма и безразличия. Мне нужен настоящий мужик, а не облако в штанах, как ты любишь повторять.

– Ну, Леноч, ты что-то совсем забурела, – простонал я, словно получил по заднице кнутом. – Что на тебя сегодня нашло? Критические дни месяца? Какие-то проблемы в «Ма-

лахите»? Ты чё на меня бочку катишь?! Мансурова, коней попридержи!

– А ты думай! Головой думай, а не головкой! – крикнула она и пошла стелить постель.

В тот день мы легли рано. Она сразу же отвернулась от меня к стенке и начала дёргаться всем телом, – это была какая-то странная особенность её организма в момент засыпания. Когда я услышал её равномерное отчётливое дыхание, то медленно выпал из-под одеяла и на цыпочках отправился в ванную. Там я вытащил из стиральной машины заветную бутылку... Водка была тёплой и противной, но пошла хорошо.

Сидя на толчке, я пытался представить наше будущее, но его смутные очертания постоянно терялись из виду. Мне было совершенно непонятно, чем я буду заниматься в «Югре». На ум приходило только две ипостаси: мальчик на побегушках в шоу-балете Елены Мансуровой или швейцар в петушиной ливрее с галунами, в атласном цилиндре, с вечно протянутой рукой, – и то и другое не подходило мне по возрасту: для мальчика слишком стар, для швейцара слишком молод.

Я понимал, что в первую очередь она убегает от меня: ей невыносима моя бесконечная ложь, моя двойная жизнь, моё безразличие и холодок, которым я постоянно её окутывал. В нашем провинциальном городишке слухи разлетаются моментально – она всё знала про мои гусарские похождения, она ставила мне прогулы по ночам, но никогда не устраивала

истерик. Возвращаясь под утро, я находил её крепко спящей в объятиях плюшевого медведя. Отсутствие ласки и внимания никогда не выбивало её из колеи. Внешне она выглядела спокойной и уверенной, жила под девизом «keep smiling», всегда была одержима только работой и творческими планами, а всё остальное казалось ей второстепенным.

Я сделал ещё глоток и вспомнил с улыбкой, как однажды ночью с шумом завалился домой... Прямо в прихожей скинул все шмотки (в багровых пятнах моей и чужой крови), разделся до трусов, прошёл к холодильнику и прямо из горла накатило грамм двести водки. Потом я принял душ, прошёл в комнату, где спала Мансурова, включил верхний свет, достал из шкафа свежее бельё, джинсы, футболку, кофту, оделся во всё чистое. Перед тем как выключить свет, я долго разглядывал спящую жену – она даже не шелохнулась, так и продолжала пыхтеть в обнимку с моим плюшевым дублёром, сладенько причмокивая во сне, и только маленький слюнявый пузырёк надувался в уголке губ.

В ту ночь случилась то, к чему я так долго шёл: очередная «прогулка» закончилась кровавой резней. Но это событие не коснулось её, как и многие другие, происходящие в моей параллельной жизни.

Леночка всегда жила с широко закрытыми глазами, совершенно не замечая ужасов и мерзостей, царящих вокруг неё. Она выборочно пользовалась элементами жизни, как говорится, на своё усмотрение: не окуналась в негатив, не видела

человеческих изъянов, ни с кем не конфликтовала, не замечала страждущих и не сочувствовала им. Она любила всех и никого в отдельности. Она, как солнце, согревала окружающих – всех без разбора, не вникая в их сущность и моральные качества, и люди тянулись к ней как к безусловному источнику света, добра и тепла.

У неё всегда был крепкий сон и прекрасный аппетит: в отличие от меня её никогда не тревожили по ночам кровавые мальчишки и уж тем более не являлись к обеду. Когда я возвращался под утро после гулянок, она не встречала меня у порога с воспалёнными от бессонницы глазами, а дрыхала с упоением, без задних ног. Просыпалась она только тогда, когда я тихонько вползал под одеяло, и то – буквально на секундочку, чтобы поцеловать меня и вновь отправиться в объятия Морфея. В такие моменты она даже не открывала глаз.

В ту страшную ночь я вышел из подъезда с чёрным пакетом в руках. Потом я долго пытался поджечь свою одежду, но она почему-то не горела, не схватывалась пламенем, а только лишь дымила, источая при этом прогорклый запах тлеющей плоти. Мои шмотки, наверно, были насквозь пропитаны кровью и потом.

Густой белый дым вертикально уходил в звёздное небо. В проёме между высотками опочила жёлтая слегка обглоданная луна. Я закурил и терпеливо ждал, когда огонь подхватит и унесёт эту зловонную кучу. И вот наконец подул слабый

ветерок – появились языки пламени, но кроссовки всё равно отказывались гореть, потому что «adidas» в огне не горит и в воде не тонет, – удивительное немецкое качество.

Когда я вернулся домой, она по-прежнему спала, дёргаясь всем телом и всхлипывая во сне как ребёнок. Я тихонько залез под одеяло и начал устраиваться поудобнее. Вдруг она резко перевернулась на другой бок и положила на меня ногу – я затаил дыхание.

– Мурррр, – промурлыкала она, не открывая глаз. – Ты что... с шашлыков приехал?

– С чего ты взяла? – спросил я сдавленным от волнения голосом.

– От тебя костром пахнет, – ответила она. – Предатель... без меня жрёшь шашлыки... хоть бы кусочек... – И она опять ушла в тёмные воды своего подсознания, а я ещё долго лежал на спине и гладил её упругую ляжку.

В 2000 году я работал «ведущим инженером автоматизированных систем управления технологическими процессами в отделе разработки программного обеспечения колёсо-бандажного цеха нижнетагильского металлургического комбината» – так написано в моей трудовой книжке.

Параллельно основной работе я занимался бизнесом, но в данном контексте это выражение является риторической фигурой, потому что в конце 90-х под этим могло подразумеваться всё что угодно: торговля оружием и наркотиками, реализация краденных автозапчастей, сбыт фальшивых бан-

ковских билетов, махинации с ценными бумагами, работа по долговым распискам, что на самом деле – в рамках закона – являлось тривиальным вымогательством, включающим в себя и похищение людей, и нанесение тяжких телесных повреждений, и вторжение в личную жизнь с использованием прослушивающих устройств, и шантаж, и угрозы, и прочие противозаконные действия. К этому набору тяжёлых уголовных статей я добавлял ещё и мелкие правонарушения, такие как уклонение от налогов, подделка документов, присвоение власти, и ко всему прочему иногда приходилось брать то что плохо лежит, – глаза, понимаешь, мозолит какая-нибудь бухта с медным кабелем или груда стальных труб, оставленная коммунальщиками под открытым небом.

В те годы мы не гнушались ничем. Воровать было не предосудительно, и это никак не могло испортить твою репутации, а напротив – придавало твоему образу некий романтический ореол. За твоей спиной шептались: «Этот парень мутит тёмные делишки и всё ещё на свободе». Но сколько верёвочке не виться – посидеть всё-таки пришлось, на заре моей шальной молодости, и это был целый букет статей уголовного кодекса, этакий джентльменский набор рэкетира: *ч.3 ст. 148, ч.3 ст. 147, ч.1 ст. 218, ч.2 ст. 194, ч.2 ст. 196.*

В тюрьме я просидел недолго, но с большой пользой для себя: во-первых, я выучил от корки до корки уголовный кодекс с комментариями в качестве реальных уголовных дел, во-вторых, я повстречал в этой академии криминальных на-

ук множество одарённых людей и у каждого чему-то научился, в-третьих (что является самым главным), я понял в тюрьме основное правило жизни, которое работает на всех уровнях человеческого общества: не верь, не бойся, не проси. Аминь!

Были у меня и мелкие страстишки, которые подъедали мою природную силушку, а так же заработанные кровью и потом деньги. Я был довольно заурядным прожигателем жизни – алкоголь, марихуана, дорогие рестораны, ночные клубы, очаровательные нимфы, модные шмотки, но самой значительной проблемой была моя эпикурейская натура – мне больше нравилось тратить деньги, чем зарабатывать их, поэтому я беспокоился о бабках, когда они совсем заканчивались и превращались в долги, вот тогда я поднимался с дивана и выходил на большую дорогу с кистенём и булавой. Единственной мотивацией для зарабатывания денег было их полное отсутствие.

Из общедоступных наркотиков я перепробовал всё – даже морфина гидрохлорид. В сексе я перепробовал всё – кроме мужиков. До определённого момента моя жизнь напоминала голливудский боевик, но в одно прекрасное утро я проснулся *несчастливым*... Что самое ужасное, я не видел никаких причин для расстройства – их просто не было. Я покопался в себе, но ничего не нашёл, кроме чудовищной космической пустоты, – этот вакуум разрывал мою душу в клочья.

Я испугался, забился под одеяло, накрыл голову подуш-

кой и попытался за что-нибудь зацепиться, но всё, к чему я прикасался, рассыпалось в прах... Все духовные и материальные ценности были девальвированы. Моё тело распалось на атомы. Самосознание перестало существовать, и это было самым ужасным проявлением фрустрации. Я перестал быть собой – я превратился в *ничто*.

Я никогда не был так близок к суициду. Теперь я понимаю, почему люди залазят в петлю, стреляются, выпадают из окон, топятся, травятся, режут вены, не имея на это видимых причин. Потом близкие не верят в самоубийство, ищут хоть какие-то мотивы и ничего не могут понять, ведь *он* ещё вчера был нормальным человеком – радовался жизни, строил какие-то планы на будущее, купил себе на лето резиновую лодку, и вдруг на тебе – выхлестнул мозги из дробовика. «А может, это убийство?» – подумают они и будут совершенно правы, потому что только бесы подводят человека к этому краю.

И вдруг до меня дошло: «А ведь ты умер, дружок... Душа не сразу покидает тело и не отправляется сразу же в иной мир».

«Твоя душа сейчас находится в непонятках», – заключил я и осторожно выглянул из-под одеяла... Я увидел серый потолок с раздавленными на его поверхности комарами и пыльную люстру с двумя уцелевшими плафонами, – перевёл взгляд в сторону, и откуда сбоку выдвинулся огромный гардероб с антресолью, у него в дверях были зеркала, в кото-

рых отражался потолок, противоположная стена и висящий на ней ковёр... «А я? Я отражаюсь?» – подумал я и начал медленно сползать на пол...

Я очень боялся, что могу не увидеть своё отражение и ко всему ещё провалюсь в эту бесконечную гляцевитую пропасть, из которой моя душа уже никогда не выберется. «Вот почему завешивают зеркала, когда в доме покойник», – подумал я, но тем не менее продолжал на четвереньках подползать к гардеробу. Мне было страшно, но любопытство было сильнее. Я увидел в зеркале свою опухшую морду, и меня слегка попустило...

На работу я в этот день не пошёл, а с самого утра начал пить. Бутылка водки заполнила эту пустоту, но ненадолго... Через пару часов абсолютного обморока я вновь открыл глаза и увидел тот же самый потолок с алыми пятнышками убитых насекомых. Я прислушался к себе и ощутил мелкую дрожь – такую вибрацию, словно в моей черепной коробке работали перфоратором. Я подскочил с дивана и бросился в ближайший ларёк...

– Девушка, – обратился я к продавщице дрожащим голосом. – У вас есть водка дешёвая, но хорошего качества?

– У нас есть водка за червонец, но на бутылках даже нет этикеток, ни то что акцизных марок. Ну что рискнёшь?

– Она нормальная? – задал я наивный вопрос.

– А я почём знаю? Я её не пью и сама не разливаю.

Я навёл на неё фокус с некоторым любопытством – моло-

дая сочная баба, широкое холёное лицо, богатая тёмно-каштановая шевелюра, черные как маслины глаза, выпуклое декольте, в котором утонула толстая золотая цепь с килограммовой ладанкой, чувственные пухлые губы... Но была в ней какая-то червоточина: потрепало её изрядно, внутри не осталось живого места.

– Вы что, стихами разговариваете? Давайте устроим батл.

– Так тебе бутылку... или батл? – спросила она, грубо хохотнув.

– Давай парочку и бутылку минералочки, – ответил я, высвобождая из потной ладони скомканные купюры вперемежку с мелочью; всё это посыпалось на прилавок.

– Ты сегодня до вечера работаешь или до утра? – спросил я.

– А что?

– Я могу тебя подождать и пока не нажираться... Давай вместе улетим. – Я прищурился так, словно в лицо мне подул лёгкий бриз.

– Куда? – Голос её укутался бархатными нотки.

– Туда, где нет печали.

– Никуда я с тобой не полечу, – сказала она, снисходительно приподняв уголки губ. – У тебя колечко обручальное...

В замешательстве я посмотрел на свой безымянный палец, как будто видел его впервые.

– А хочешь, я тебе его подарю?

– Чудной ты, парень, а на душе – гранитный камень... И

такие глаза... как будто сглазили.

– Говоришь как пишешь, – похвалил я.

– На шестёрке чалилась, голуба? – спросил я, состроив приклатнённую физиономию и добавив щепотку характерного косноязычия в слова.

Она посмотрела на меня, как на жалкого фраера, и ничего не ответила.

– Ну что ты на меня глаза пялишь, деточка? – продолжал я строить из себя бластного, с наглой ухмылкой облокотившись на прилавок. – Меня брать надо, пока я не ушёл. Ты прикинь, болт девятнадцать сантиметров, да ещё с хитрой резьбой. Его же надо куда-то пристроить – грех такое богатство носить в штанах. Настрадалась уже – хватит! – от маленьких членов. Вот оно нежданно-негаданно твоё бабское счастье подвалило. Так пользуйся! Чё ты молчишь как рыба об лёд?

На губах у неё появилась смутная улыбка, и она молвила тихим голосом, потупив глаза в пол:

– У моего мужа с этим всё в порядке.

Я продолжал ехидно щериться.

– Да нет у тебя никакого мужа! – возопил я, переходя на смех.

– Откуда ты знаешь? – смущённо спросила она.

– У тебя – глаза голодные, – ответил я с видом знатока.

Она посмотрела на меня исподлобья, выставила на прилавок две бутылки без этикеток и полторашку минералки, по-

считала деньги, вернула мне какую-то мелочь, на что я гордо ответил: «Сдачи не надо», а потом с подчёркнутой вежливостью отправила меня в долгое эротическое путешествие:

– Да пошёл ты... баклан отмороженный... синявка беспробудная... хмырь болотный... Шевели рогами, олень! Чё ты здесь торчишь как лом в говне?

– Караул! Вокзал поехал! – прокукарекал я, пытаюсь изобразить крайнюю степень возмущения, но вместо этого предательская улыбка расплылась на моей физиономии. – Деточка, в натуре, а ты не боишься, что я тебя прямо здесь... – В этот момент дверь в павильон открылась, и на пороге появился здоровенный мужик, пахнущий лошадиным потом; он отодвинул меня тяжёлым взглядом и подошёл к прилавку.

– Привет, сестрёнка, – произнёс он глубоким грудным басом. – Чё такая грустная?

– Да ходят тут всякие...

Дальше я уже не слышал, потому что вывалился наружу, – хлопнула дверь, и быстрым шагом я направился домой. «На хрена мне эти приключения?» – подумал я, чувствуя как по всему телу пробегает нервный озноб.

Вечерело. Над крышами приземистых домов висело тусклое солнце: промышленный смог окутал город, в воздухе не было никакого движения – ни ветерка. Город буквально задышался в этом розовом тумане.

Когда я вышел из павильона, то меня придавила к земле чудовищная тяжесть, – мне захотелось прилечь прямо на ас-

фальт, покрытый бархатным слоем пыли. Я не понимал, что со мной происходит, но было совершенно ясно, что наваливается какая-то страшная болезнь.

Мне было очень больно, и если бы я не привык с малых лет отхватывать жестокие зуботычины, то, наверное, я бы пришёл домой, шарахнул бы залпом бутылку водки, а потом бы снёс полбашки из нагана, разметав по кафелю серое вещество. Я бы даже мог застрелиться из охотничьего ружья, как это сделал великий Курт Кобейн, но в отличие от Курта я был жутко любопытным: мне хотелось понять этиологию этой болезни и даже побороться с ней, ведь я по жизни настоящий боец и не в моих правилах сдаваться после первой юшки.

Сорвав бутылочную пробку, я приложился из горла – раскалённым обручем стянуло гортань... Меня чудом не вырвало. Я пошатнулся и закрыл глаза – на внутренней поверхности век вспыхнуло алое зарево. Палёная водка оказалась отвратительной, но меня совершенно раскудрявило с одного глотка. По городу ходили слухи, что барыги технический спирт бодяжат димедролом. Теперь я могу в это поверить.

Я выдохнул и открыл глаза. Проходящая мимо бабулька, словно от боли, сморщила жёлтое шагреневое лицо с маленькими чёрными глазками, глубоко посаженными в череп, и сказала с лёгким татарским акцентом:

– Сынок, ты бы закусывал... Возьми, ради Бога.

Она полезла в полиэтиленовый пакет с логотипом

«МММ», вытащила оттуда маленький сморщенный пирожок и протянула его мне.

– Бабушка... – собрался я было возмутиться, но продолжать не стал; увидев её скорбное лицо и необычайно добрые глаза, я протянул руку, взял у неё пирожок и тут же его откусил – внутри оказалась картофельная начинка.

– Спасибо, бабушка. Спасибо от всего сердца.

– На здоровье, сынок. Не пей много – жизнь итак короткая, – сказала она, распустив лучики морщинок вокруг глаз.

– До свидания. Всего Вам хорошего.

Водка и доброе отношение случайной прохожей сняли брутальную тяжесть с моей души. Тихое блаженство потекло в моих жилах, словно кровь превратилась в мёд. Я тихонько брёл вдоль обшарпанных стен, исписанных тусклыми, поблёкшими на солнце граффити. Я брёл, шаркая подошвами и запинаясь о рельефные неровности асфальта, и всё глубже погружался в свои воспоминания, которые накрепко связывали меня с этим районом, с этой колыбелью тагильского андеграунда и криминала, с теми кого любил, с теми кого ненавидел... За каждым углом, за каждым деревом, за каждой стеной, за каждым забором здесь опочила моя шальная молодость. Как я уеду отсюда в какое-то незнакомое место со сказочным названием «Югра»? Как я смогу оторваться от своих корней? Тело-то смогу оторвать, а вот душу – навряд ли.

Это началось 15 мая и продолжалось несколько месяцев...

Я пил практически каждый день и пил до тех пор, пока сама жизнь не поставила передо мной ультиматум. Всё это время я понимал, что теряю семью, теряю работу, теряю уважение окружающих, но ничего не мог с собой поделать: в меня как будто вселился упрямый Незнайка, который всё делал наперекор здравому смыслу. Я сжигал мосты и все эти чёртовы воспоминания, а как известно, алкоголь – это лучший отбеливатель памяти. Я очень хотел улететь на юг, я очень хотел сохранить то, что у нас ещё осталось, но в какой-то момент я почувствовал: чем сильнее я дёргаюсь, тем крепче затягивается петля на моей шее. Мне казалось, что меня обложили со всех сторон, и ко всему ещё в конце мая я совершаю роковую ошибку, которая имела далеко идущие последствия.

.5.

Показное равнодушие – это был её метод: не проявлять никаких чувств, никакого интереса ко мне, ни о чем не спрашивать и ничего не рассказывать о себе, – в этом смысле она была настоящий кремень. Даже спустя полгода после знакомства я ничего про неё не знал, кроме того что она танцует в ночном клубе «Аполлон-13». Кто её друзья и подруги? Кто её родители? Где она учится? Что читает? Какую слушает музыку? Какие смотрит фильмы?

Я ничего не знал и, честно говоря, ничего не хотел знать. Я бы, наверно, заткнул уши и попросил бы её заткнуться, если бы она начала мне что-нибудь про себя рассказывать. Меня пугала перспектива серьёзных отношений, поэтому я посто-

янно валял дурака и корчил из себя полнейшего маргинала, хотя по большому счёту так оно и было. Она великодушно принимала меня таким, какой я есть, но это продолжалось до определённого момента...

Она проявляла себя только в постели, но каждый раз происходило что-то невероятное. Я не мог понять, как она *это* делает, и до сих пор *этого* не понимаю. Как эта маленькая девочка с помощью своего тела и разума создавала такое чудовищное притяжение? Она не владела приёмами японских гейш и терпеть не могла порнографию. В техническом плане она была неумехой и считала, что извращения обесценивают секс, который, на самом деле, является великим даром богов. Она не кидалась во все тяжкие, как это делают многие девицы, когда хотят угодить парню, – она просто занималась любовью, вкладывая в каждое движение и в каждое слово столько глубочайшего смысла и столько своей энергии, что это всё превращалось в некое шаманство на грани безумия, после которого даже окна покрывались туманом и соседи выходили покурить на балкон.

Если бы она была проституткой, то имела бы постоянных клиентов, которые возвращались бы к ней вновь и вновь, но она была застенчивой вакханкой и оставляла в тайниках гораздо больше, чем отдавала, – она была самой настоящей скупердяйкой в любви.

С детства она не видела ласки, потому что её предки были холоднокровными рептилоидами. Такие человеческие каче-

ства, как сострадание, великодушие, бескорыстие, самопожертвование, находились за пределами её видовой аутентичности. Она была совершенно уверена, что добрыми бывают только слабаки, а честными бывают только идиоты. Понятие компромисс ей было незнакомо. Ругательное «стерва» она воспринимала как высшую похвалу. К тому же она была чертовски меркантильна, но, в отличие от моей жены, не умела зарабатывать деньги и была неисправимой лентяйкой, поэтому я совершенно не понимал, зачем она тратит время на меня, если могла бы стричь каких-нибудь «баранов».

У меня, конечно, были свои предположения на этот счёт, но все они были оторваны от реальности и опирались лишь на моё безграничное самолюбие. «Она очарована моей харизмой. Она – без ума от моего чувства юмора. Она по достоинству оценила мой поэтический талант. А если к этому прибавить мою внешность, то какая женщина устоит», – тешил я своё чрезмерное самолюбие, но чувствовал всеми фибрами души, что эта маленькая гадина меня не любит, и тогда вновь и вновь возникал вопрос, отправляющий меня в бесконечное путешествие по замкнутому кругу: «Почему она со мной? Зачем ей нужен такой неудачник?» Я пойму её только после того, как шлёпнусь с высоты моего самомнения на землю.

Мы расставались после каждого randevu.

– Нет, – сказала она, сидя на краю дивана и натягивая колготки, – с этим пора кончать. Меня такие отношения не

устраивают. Что я девочка по вызову, которая отдаётся за чашку кофе и comeback на такси? Я чертовски хороша! Я знаю себе цену!

Она встала на кончики пальцев и сделала плие – во мне опять что-то зашевелилось. У неё была классическая балетная фигура: прямые плечи, жилистые руки, рельефные ноги в чёрных колготках, упругие ягодицы, тонкая гибкая талия, тёмная копна волос и чеканный профиль, – всё в ней напоминало великую русскую балерину Майю Плисецкую.

– Ну тогда озвучь её, – ответил я, лениво почёсывая кубики пресса. – Я буду хотя бы знать, к чему стремиться. Поставлю перед собой цель, возьму повышенные обязательства, расхуючу свинью-копилку.

Она сделала презрительную физиономию, застёгивая на спине *белый лифчик*.

– Не смей меня. Такие, как ты, умеют только болтать.

– Ну-у-у, это тоже искусство, – сказал я, широко зевая. – Попалась мушка в паутинку болтуна?

– Согласна. Ты дал мне хороший урок, но я сделала оргвыводы и буду искать отныне надёжного молчуна.

– Бабы любят ушами.

– Умные женщины при этом фильтруют базар.

– Где ты видела умных женщин? Лично я не встречал.

Она снисходительно улыбнулась, натягивая узкую юбку на бёдра. Она всегда одевалась очень медленно.

– Смотрю я на тебя, Эдуард, и не могу понять, с чего у

тебя столько апломба... В чём ты преуспел? Чего ты добился? Ты находишься в возрасте Христа, но тебе совершенно нечем похвастаться. Я внимательно за тобой наблюдала, внимательно тебя слушала, все твои бредни, все твои байки, но я не услышала в этой болтовне даже крупинцы зрелого ума. Сплошная бравада. Позёрство на фоне глубоких комплексов и неуверенности в себе. Патологическая форма эгоцентризма. Тридцатилетний инфант, избалованный женщинами и провидением. Тебе всё в этой жизни даётся слишком легко.

– А ты, случайно, ни психолог? Я уже где-то слышал подобную канитель.

– Нет. Я будущий педагог.

– Ну-у-у, ла-а-а-а-дно, поучи меня, а я слегка покемарю, – сказал я, уютно устраиваясь на подушках.

В тот момент она находилась в самом боевом, приподнятом настроении, – так всегда было после секса, – а я чувствовал себя загнанной лошастью. Она активно жестикулировала, строила уморительные физиономии, и ледяные глаза её в лучах настольной лампы искрились, словно припорошенные инеем. Смуглое лицо её покрылось лиловыми пятнами и мелким бисером, как будто она начинала разогреваться изнутри. Волосы её были взъерошены, в колтунах, поскольку я два часа таскал её по всем диванам и коврам.

– Ты хитрый. Ты всегда идёшь по пути меньшего сопротивления. А если где-то потребуются твои кулаки, твои жилы, ты обойдешь это место стороной. Ты не полезешь в дра-

ку.

– Интересно. Продолжайте, доктор, – сладко промурлыкал я, глядя на неё прищуренными глазами.

– Малодушие – это твоя самая великая тайна, которую ты скрываешь от всех. Ты можешь кому-нибудь дать в рыло, побарагозить, поорать, но ты всегда пасуешь перед житейскими трудностями. Ты типичный страус, который прячет голову в песок. Ты больше всего боишься ответственности, поэтому всегда переводишь стрелки на других.

– И это абсолютная правда. Молодец, девчонка! Не боишься рубить правду-матку?

– У тебя есть хоть какая-то цель в жизни? – спросила Таня, протыкая меня насквозь укоризненным взглядом. – Ну хотя бы купить машину или дачу, или новую квартиру...

– Нет. Я ни в чём не нуждаюсь. У меня есть всё, и я живу в полной гармонии с природой и с самим собой.

– Не пизди! – возмущённо воскликнула Таня.

– Я редко встречала людей более одарённых, – спокойным тоном продолжила она. – Ты мог бы стать великим учёным, знаменитым писателем, талантливым художником, настоящим поэтом... Хакером, наконец! Но у тебя с головой – серьёзные проблемы. Ты настоящий идиот, который даже не в состоянии грамотно распорядится этим капиталом. Твоё место – в дурке. Ты профукаешь свою жизнь, а потом будешь локти кусать.

Я продолжал улыбаться, делая вид, что меня совершенно

не трогают её слова, но постепенно эта милая улыбочка превратилась в гримасу разочарования – в скорбную маску отверженного шута. Меня словно гнилыми помидорами закидали.

– Мысленно я уже с тобою порвала, но мне не хватает смелости, чтобы расстаться с тобой окончательно. Я продолжаю с тобой трахаться и понимаю, что не хочу тебя, что мне нужен совершенно другой человек. По всей видимости, это банальное сострадание... желание понять и простить. Как-то так.

– Ты хочешь сказать, что секс со мной – это благотворительность?

– Может быть... – Она сделала короткую паузу и твёрдо ответила: – Да. Именно так и есть.

Пространство вокруг заполнилось вязкой тишиной. Где-то на краю горизонта бежали бесконечной вереницей глухие товарные вагоны, и зыбкое эхо повторяло странные «бергамотные» голоса и уносило их в тёмную промозглую хлябь. Голоса вторили друг другу и было слышно, как звякают автоматические сцепки между вагонами. Где-то внизу хлопнула дверь и послышались шаги. Она задумчиво крутила в руках зажигалку *Zippo*, клацала ею... Периодически вспыхивало пламя, отбрасывая на стену её зловещую крючковатую тень.

– Ты обиделся? – робко спросила она, а я подумал: «Похоже, выпустила пар и успокоилась. А теперь ей стало меня

жалко», но внутри прозвучал чужой голос: «О чём ты говоришь, дурачок? Она никогда не испытывала жалости, даже к своим родителям. Она идеальный хищник, умный, расчётливый и чуждый состраданию».

И правда, когда я вижу её холодные глаза, когда погружаюсь в их тёмную, беспросветную глубину, то сердце моё обрывается от страха, как будто рядом проплывает акула. Она так же безупречна и беспощадна.

Я медленно протянул руку к бутылке и, хотя рядом стоял гранёный стакан, приложился прямо из горла. Тёплые ручейки потекли по всему организму, а потом нахлынула горячая волна... Я блаженно улыбнулся, и всё растворилось в этой благодати: и страх, и сомнения, и неприятное чувство безысходности... Всё показалось ничтожным – даже смерть.

– Самое удивительное... – молвил я шёпотом.

– Что? – Она встрепенулась. – Что ты сказал?

– Меня удивляет, – громко повторил я, – что об этом мне сказала молоденькая девочка, с которой мы просто трахаемся по вторникам, и что об этом никогда не заикалась моя любимая женщина, которая родила мне ребёнка и которая является моей законной супругой. Почему она на всё закрывала глаза? Именно с её молчаливого согласия я опускался всё ниже и ниже.

– Она просто не хотела раскачивать лодку.

– Эта скорлупка все-равно пошла ко дну! – крикнул я и засмеялся, словно опереточный Мефистофель.

На этой волне я ещё раз выпил и продолжил заниматься самобичеванием:

– Ты поставила правильный диагноз, деточка. У меня совершенно атрофировано честолюбие. В прошлом году мне предложили должность начальника отдела разработки программного обеспечения, то бишь возглавить всех программистов в нашем прокатном цехе. Я отклонил это предложение.

– Испугался?

– Мне не нужны лишние головняки.

– А лишние деньги?

– Шкурка выделки не стоит. А ответственность? А вся эта утомительная суета и бесконечные трения? Жопу так развальцуют, мама не горюй! И самое для меня страшное – это субординация. Не научился я шапку ломать перед каждым высокопоставленным идиотом. Сейчас я никому не подчиняюсь и самое главное – никому не должен. Я делаю эксклюзив и пользуюсь своим авторитетом: прихожу, когда захочу, ухожу, когда посчитаю нужным, могу вообще пару дней задвинуть, особенно с похмелья. Мой руководитель – мягкий интеллигентный человек, из которого я верёвки выю, но если ты сам начальник, это круто меняет дело. Я не смогу вылизывать жопу какому-то Ивану Ивановичу и при этом давить пацанов, с которыми я работаю, и не дай Бог, если этот Иван Иванович на меня голос поднимет... Я любого человека, независимо от его положения, могу послать на хуй! Рабо-

ту эту грёбанную могу послать ко всем чертям! Жену могу отправить в долгое эротическое путешествие, и друзей могу отправить туда же...

– А меня? – спросила Таня, ревниво прищутив глаз.

– Тем более! Без всяких сожалений! – громко крикнул я и продолжил пьяную хлестаковскую браваду: – Любая должность – это ярмо, которое просто так не скинешь. Люди очень быстро привыкают к деньгам, к власти, к привилегиям. Чем выше поднимается человек по служебной лестнице, тем меньше в нём остаётся человеческого, тем меньше в нём остаётся гордости, а это означает только одно – вверх по лестнице, ведущей вниз.

– И ради этого ты живёшь? – спросила Татьяна с горечью.

– Я не живу ради этого! Я просто не умею жить по-другому!

– Конечно! – возмутилась она. – Ты свободный человек! Свободный от любых обязательств, от семьи, от детей, от близких... Тебе совершенно нечего терять, потому что ты ничем не дорожишь. Ты натуральный камикадзе. Ты страшный человек. У тебя нет честолюбия, у тебя нет планов на будущее, но самое ужасное – у тебя нет планов на меня. Единственное, что у тебя есть, – это необъятная гордыня, которая заслонила даже солнце. Что ты запоёшь, когда останешься совершенно один?

– В последний раз... – прошептал я.

– Что?

– В последний раз я хочу тебя трахнуть, – членораздельно повторил я, вытянув губы в трубочку.

– Отпусти меня... Хватит, – попросила она, состроив лицо, исполненное нечеловеческих мук. – У меня нет времени на эту ерунду, которая болтается у тебя в штанах. Меня коллектив ждёт. Мы сегодня ночью выступаем в клубе.

– В последний раз. – Я протянул руку и прикоснулся кончиками пальцев к её голени, обтянутой шершавым капроном. – Я умоляю. Я никогда больше не позвоню. Никогда. Между нами всё кончено.

В то самое время как я страдал и умолял, она внимательно разглядывала кончики пальцев на правой руке, – аметистовый маникюр, серебряная змейка, оплетающая запястье, золотые кольца в ушах, рубиновый перстень на указательном пальце, тоненькая стрелка на колготках, лёгкое дуновение ветерка и опадающая портьера, – и вдруг я понял, что меня для неё не существует, что мы никогда не будем вместе, никогда не будем мужем и женой, никогда не будем любовниками, а если по стечению обстоятельств окажемся на необитаемом острове, то мы не станем даже товарищами по несчастью – мы будем жить в разных шалашах, каждый на своей половине острова, и встречаться будем только для разрушительного секса. Это было кратковременное прозрение, как мираж в пустыне, и в тот момент я ещё не догадывался о том, что мы уже давно находимся на необитаемом острове, где никого нет, кроме нас.

На журнальном столике валялась смятая пачка «Космоса» и стояла хрустальная пепельница, забитая чёрными окурками, а рядом – гранёный стакан... Я вновь приложился к бутылке и начал пороть откровенную чушь:

– Татьяна! – Я весь вытянулся в струнку, скорчив уморительную физиономию. – Я покидаю этот проклятый город навсегда. Сегодня – наше последнее антре. – Слово *entree* я произнёс с классическим французским прононсом. – Меня ждут чувственные закаты, тлеющие в бокале «Шардоне», и крики чаек на восходе солнца, а ты останешься в моей памяти лучшим сексуальным блокбастером. Ты знаешь, Танька, скажу тебе правду: я тебя не люблю, но смог бы отдать тебе почку... Странно, да?

Она посмотрела на меня с иронией и ничего не ответила. Потом медленно поднялась с кресла и начала рыться в сумочке, слегка наклонившись, – её крепкий зад, обтянутый облегающим тиаром, вновь всколыхнул моё сердце.

– У нас – новая постановка, – равнодушным тоном сообщила она, надевая узенький жакет. – Если дотянешь до полуночи, приходи в клуб.

– Меня уже тошнит от этих танцев! – крикнул я и начал тихонько к ней подбираться на мягких кошачьих лапках. – Я не отпущу тебя. Я безумно тебя...

– Руки убери!

Время остановилось. Ничего не существовало за пределами этой комнаты. Её шмотки опять полетели в разные сто-

роны, а белый лифчик, как ему и полагается, вновь болтался на люстре. Когда я стягивал с неё колготки, она довольно ретиво брыкалась и всё норовила заехать мне пяткой в живот или в пах, но когда я ухватил губами её коричневый сосок, она замерла и вся покрылась мурашками.

– Что... что ты де-е-е-лаешь? – выдохнула она, а я уверенно продолжал осваивать её тело.

Мне всегда больше нравилось играть в любовные игры, нежели заниматься любовью... Только задумайтесь, какая эстетическая пропасть пролегла между самым возвышенным чувством и его реализацией на физиологическом уровне, – как же прекрасна прелюдия по сравнению с дисгармонией скрипучего матраса.

С первых же мгновений влюблённости мир начинает меняться, но не объективно, а только лишь в твоём изумлённом восприятии, и признаюсь честно – он меняется в лучшую сторону. Сразу же становятся исключительными заветы, на которые раньше не обращал внимания. Совершенно безликая и слащавая мелодия Брайана Адамса под названием «Please forgive me» становится для тебя гимном любви и пусковым механизмом запредельной нежности.

Я, суровый викинг, не знающий ни к кому жалости в своём вечном походе к Великому Кургану Уппсалы, вдруг ни с того ни с сего приношу в дом шелудивого котёнка, который обоссывает мне все углы, и эта самая обыкновенная девочка, которую я снял в прошлые выходные, вдруг становится

для меня потрясающей – настолько неповторимой, что я даже помышляю о женитьбе. Ну разве febris amouu не протекает как вирусная инфекция, передающаяся половым путём?

Я люблю романтично ухаживать. Я люблю рисовать яркие картины маслом. Я бываю предельно нежным, но могу и приструнить, если возникает такая необходимость. Я бываю крайне сентиментальным и могу даже при случае пустить слезу. Я люблю шутить, и мне нравится, когда девушка беспечно смеётся, – этот смех является для меня высшей похвалой.

Я люблю развлекать и удивлять, используя при этом весь материальный ресурс. Я не жадный человек, а скорее – кутила и безрассудный мот, но мои положительные качества на этом заканчиваются. Что касается всего остального, то я довольно сложный и непредсказуемый субъект, совершенно непонятный для женщин, ко всему прочему – паталогический ревнивец, и в завершении всего – махровый эгоист. Но я умею в самом начале отношений мимикрировать в этакого джентльмена, который придерживает дверь, пододвигает стул и подаёт пальто в гардеробе, но это как правило длится недолго. Долго я не могу сдерживать в себе хама, – это то же самое, как набрать в лёгкие воздуха и постараться не дышать.

В юном возрасте мои отношения с противоположным полом явно не ладились. Скажу честно, я не любил девочек – они раздражали меня безумно, и даже под юбкой я не нахо-

дил ничего интересного, кроме физиологии и половых признаков. Я очень хорошо учился, много читал, познавал мир, но секс долгое время оставался для меня запретной темой. Каждый раз, когда я хотел прикоснуться к девушке, у меня срабатывал инстинкт самосохранения...

В десять лет со мной приключилась жуткая история: невинная детская любовь закончилась грандиозным скандалом, после которого у меня развилась стойкая гинофобия, – я даже смотреть боялся на девочек, я боялся с ними разговаривать, я начинал задыхаться и моё сердце выпрыгивало из груди, если ко мне прикасалась какая-нибудь нимфа.

Настя была очень ранней девочкой, и она втянула меня в этот кошмар. Как известно, дети учатся на поступках своих родителей, а её мать была одинокой женщиной, которая водила в дом многочисленных любовников. Жили они в однокомнатной квартире, и можно себе представить, что там творилось с наступлением ночи, – навряд ли распутная мамаша стеснялась свою малолетнюю дочь, а про её нетрезвых ухажёров и говорить не приходится.

Бедная девочка выросла в атмосфере пьянства, разврата и нищеты, но она была очень красивой: у неё была азиатская внешность, поскольку её мать была башкиркой, у неё были раскосые карие глаза и чёрные прямые волосы, она была маленькой и хрупкой, и я никогда не забуду её удивительную улыбку – с чёртиками в глазах, затуманенных недетской печалью.

В каждом её взгляде, в каждом повороте головы, в каждом движении руки, в каждом её слове чувствовался *надлом*, поэтому я не мог в неё не влюбиться. Она была сделана из тех же конфеток и печенек, что и я, хотя мы выросли в разных семьях, но благополучие не отменяет карму и тех испытаний, которые нам уготовлены свыше. Мы оба были изгоями, и мы были обречены с самого начала этой истории, которая сломала жизнь и мне, и ей...

До сих пор не могу понять, как мы до *этого* додумались, – наверно, нам кто-то нашептал об *этом* в тот злополучный день... А потом было очень больно, когда появился мой отец, выдернул из брюк ремень и так начал им крутить, что у меня кожа со спины отлетала кровавыми ошмётками. Ещё немного и он убил бы меня, если бы не мама, – она оттолкнула его и заслонила меня своим телом. Этот урок я запомнил на всю оставшуюся жизнь, но он внёс определённые коррективы в мою психику и в моё отношение к женщинам.

И все-таки природа берёт своё: окончательно я потерял девственность в семнадцать лет и робкими шагами начал осваивать половую жизнь. Конечно, это были не самые лучшие представительницы женского пола, но дело своё они знали туго. Особенно запомнилась Элеонора Геннадьевна – неисправимая любительница молоденьких мальчиков. Ребятишки без лишних эмоций и психологических травм расставались с «молочными зубами» в её стоматологическом кресле.

Она работала дантистом в нашей районной поликлинике, и многие ребята мечтали пройти через этот кабинет, но не многим это удавалось, потому что Элеонора Геннадьевна имела очень избирательный вкус и принимала в свои объятия только самых лучших, самых отборных «жеребцов». Все остальные ребяташки бегали к дворовой шлюхе – умственно отсталой Маринке Калимулиной, которая могла за вечер обслужить двенадцать пацанов. Маринка была настолько страшной, что ей на голову одевали её же собственные тусы.

Эллочка была просто воплощением эротических грёз – многим пацанам она не давала покоя ни днём ни ночью. У неё были кукольные глазки и светлые локоны, напоминающие древесную стружку. Она была пышной, гладкой, смазливой и ко всему прочему – отъявленной кокеткой в свои тридцать восемь лет. У неё была огромная оттопыренная попа, которая стала притчей во языцех. Когда она выходила из своего подъезда в доме по улице Пархоменко, то её ожидала целая ватага подростков, – это был настоящий «сеанс», как говорили старшие пацаны, которые уже прошли «малолетку», – к тому же она любила обтягивающие трикотажные юбки и высоченные каблуки.

Если Эллочка заигрывала с мальчишками, которым только-только исполнилось шестнадцать, то Элеонора Геннадьевна умела держать дистанцию с самыми отъявленными отморозками, которые даже в мыслях не допускали никакого амикошонства, а напротив, относились к этой женщине с

особым трепетом, потому что считали её достоянием района – таким бриллиантом в коллекции шлюх.

В середине 80-х началась бурная сексуальная революция, и появилось огромное количество гулящих женщин и доступных девушек. В то время мне казалось, что все вокруг только и говорят о сексе, которого в стране не было семьдесят лет. Хватит – настрадались! Теперь мы будем трахать всё что не приколочено! В типовых советских квартирках обычных панельных домов разворачивались настоящие оргии с участием комсомольцев и комсомолок.

Элеонора была для дворовых пацанов не только объектом вождения, но и духовным наставником – таким гуру. Она разговаривала с мальчишками, слушала их, давала правильные советы, и тантрический секс с этой женщиной кардинально отличался от грубого и грязного соития с Маринкой Калимулиной, когда приходилось ждать своей очереди, а потом тебя ещё подгоняли другие участники «марафона». Эллочка была интеллигентной, умной и обаятельной, а если к этому прибавить ещё роскошную грудь и уникальную жопу, то она была просто находкой для паренька, который мечтал расстаться с девственностью.

В белом крахмаленном халате она казалась необъятной – на меня словно рухнул огромный сугроб, а когда из распахнутого декольте на моё лицо повалились её большие тяжёлые груди с растянутыми розовыми сосками, то я чуть не задохнулся под ней, – клянусь, каждая сися была размером с

молочный бидон. В этой механической долбёжке под скрип старенького дивана я не открыл для себя ничего «охуительного», как обещали пацаны, которые уже прошли через этот «конвейер». Для меня по-прежнему оставался самым ярким эротическим воспоминанием тот первый поцелуй, который мне подарила Настя в июне 1977 года. Я никогда не забуду эти нежные губки и пронирыливый солёный язычок.

А что касается секса, я долгое время относился к нему прохладно. Я не умел трансформировать любовь в похоть, как это делают многие, поэтому для меня любить женщину и заниматься с ней любовью – это не одно и то же, а если быть более точным – диаметрально противоположные понятия, которые никогда не совпадали в моей жизни.

Мне казалось, что настоящую любовь могут олицетворять только высокие человеческие отношения, в которых не будет животной составляющей – не будет утомительной и бессмысленной возни под одеялом, не будет обмена биологическими жидкостями и половыми инфекциями, не будет ревности и взаимных упрёков, не будет в конце концов пресыщения и, как следствие, любовных разочарований. Семейные парочки даже не замечают, как секс постепенно и незаметно, словно вирус, подтачивает их отношения, – да-да, именно секс, задумайтесь об этом.

«К чему эти бессмысленные телодвижения?» – частенько повторял я и нехотя, с ленцой, давил очередную девушку, словно недокуренную сигарету в пепельнице. Преодолевая

свою природную стыдливость и брезгливость, пытался экспериментировать. Корчил из себя ненасытного викинга, вернувшегося из дальнего похода, а сам только и думал о том, как бы побыстрее добраться до ванной – сделать спринцевание, полоскание и клизму из марганцовки.

После «бурного» секса и финальных поцелуев, предусмотренных этикетом, я на час пропадал в ванной, меланхолично напевая себе под нос «Призрачно всё в этом мире бушующем», а моя очередная подружка постепенно вырубалась под мерно струящийся водопад, так и не дождавшись продолжения этой стремительной увертюры.

Для меня было гораздо важнее поставить «галочку» с очередной нимфой, нежели получать от общения и совокупления с ней хоть какое-то удовольствие, – я просто занимался коллекционированием «бабочек», как это делал distinguished Владимир Владимирович Набоков. Я не любил женщин и не хотел их – как и в подростковом возрасте я оставался убеждённым гинофобом.

Однажды меня посетила странная мысль: «А может, я латентный гомосексуалист?» Я начал присматриваться повнимательнее к своим друзьям, особенно когда мы парились в бане или после тренировки принимали душ. Когда я представил себя на секундочку в *этой* роли, то я почувствовал настоящее отвращение – вплоть до идиосинкразии. «Как с этими волосатыми чудовищами трахаются бабы?!» – возопил я где-то в глубине души и окончательно успокоился: «Слава

Богу, что я не пидорас... Я просто ещё не встретил девушку, которая смогла бы меня приручить».

С Мансуровой в самом начале было довольно жарко: её холёное тело и утончённая сексуальность заставили этот спящий вулкан слегка побулькать, но появился ребёнок – агрессивная биологическая субстанция – и вытянул из этого уникального тела пять килограммов веса, после чего моя прекрасная Елена превратилась в бледное, совершенно бескровное существо с выпадающими волосами и подкожными растяжками. В её глазах воцарилась пустота и жуткая усталость, а с моей стороны последовало полное охлаждение и вялый промискуитет.

Я снова давил девушек одну за другой, словно дымящиеся окурки в пепельнице. Так, наверно, продолжалось бы до самой старости, и я бы никогда не познал всё пожирающей на своём пути, беспощадной, бесподобной, оглушительной, ослепляющей, искривляющей даже пространство и время, такой же яркой, как вспышка на солнце, и такой же разрушительной *страсти*.

Если бы я не встретил 14 февраля 2000 года эту маленькую, чернявую, хрупкую, с дьявольской искрой в бездонных как омут глазах, я бы никогда не догнал самого себя и не стал бы тем человеком, который меняет не только себя, но и окружающий мир; я бы никогда не осознал, что такое жизнь, смерть, любовь... Но мы никогда не говорили о любви. Никогда. В наших отношениях не было романтического флёра

– это была первобытная страсть двух дикарей, которую стыдливо прикрывают в обществе фиговым листочком...

Мы сорвали все запреты и плясали голыми под звуки там-тамов и прыгали через костёр полыхающих иллюзий. Мы явили миру квинтэссенцию того, что называется «истинной человеческой сущностью». Мы были счастливы до тех пор, пока жили только «online» – только здесь и сейчас, не задумываясь о будущем, – пока наслаждались только одной встречей, а после этого расставались навсегда. Это были изумительные качели.

Когда я вспоминал про «высокие человеческие отношения», мне становилось смешно: эта молоденькая девочка показала мне иную реальность. Как выяснилось, в свои тридцать три года я был полным профаном в любовных играх. Татьяна научила меня дышать полной грудью и радоваться каждому мгновению. Она научила меня доставлять и получать истинное наслаждение в сексе. Я не ждал от неё любви или какого-то понимания – зачем? В моём распоряжении были её роскошное тело и маленькая слюнявая дырочка – мне этого хватало с лихвой.

Она стоит в колено-локтевом положении, а я не могу оторвать глаз от этого восхитительного зрелища: тонкая талия, фермуар изогнутого позвоночника, карикатурно выпуклые ягодицы, напоминающие валентинку, – так красива может быть только валькирия, спустившаяся с небес на землю.

Она открытой ладонью придерживает лихого скакуна...

«Больно», – шепчет она и начинает медленно сползать, и вот уже погоняет сверху, втыкая в мои бока нетерпеливые шпоры. Вздрагивает её упругая грудь, красиво очерченная в свете настольной лампы. Тёмные ореолы возбуждённых сосков покрыты мурашками. Затаив дыхание, я чувствую, как горячее и липкое прокладывает дорогу в промежности. Мы скользим по мокрым простыням в бездонную пропасть.

Из темноты наплывает её античное лицо с изогнутыми бровями и чёрными прядями, ниспадающими на грудь... Она внимательно смотрит в мои глаза, и мне кажется, что это взгляд Будды, проникающий в самую глубину моей души, туда где заканчивается мой земной путь и начинается Вечность. Она это делает легко – без нажима, так словно для неё не существует преград и не существует законов физического мира. В такие моменты я отчётливо понимаю, что она – ведьма.

Я обмираю от страха – это последняя наша встреча. Я не могу её потерять... Я искал её миллионы лет во всех измерениях, прибывал в бесконечных реинкарнациях и прошёл путь от простейшей монады до величайшего творца. Меня топтали ногами, и целовали мои ноги. Меня убивали, и я убивал. Повсюду меня преследовал демон Одиночества, и пустыня простиралась перед моими глазами, и шли бесконечные караваны, и над горизонтом поднимались миражи, и грифы парили над моей головой, и угасающее солнце сходило в огненно-рыжую купель... Я не могу её отпустить – я за-

служил право быть счастливым.

Она выпускает последний пар, шепчет с изможденным видом: «Я устала», – и превращается в мягкую тряпичную куклу. Я перестаю для неё существовать, хотя нахожусь ещё внутри, и превращаюсь в жалкий рудимент её чрева. Всё, что было до этого, кажется ей коротким бессмысленным эпизодом, а я словно плюю на раскаленную сковородку, «мотор» разгоняется до красной отметки, стучат клапана, темнеет в глазах, а потом наступает полная тишина, немота, забвение, и только кружится в пространстве наша планета, как отыгравшая пластинка.

Откуда-то издалека доносится её голос:

– Протяни руку...

– Что?

– Дай сигарету.

– Где?

– Ты что, отъехал? – спрашивает она; её глаза становятся лукавыми, щёки наливаются веселящей свежестью, а в уголках губ появляются милые ямочки.

– Ага... Ненадолго.

– Ещё не хватало, чтобы насовсем...

– Ну зачем ты меня опять раздел? – спрашивает она капризным тоном и шлёпает меня игриво по плечу. – Мне уже надоело одеваться! Сколько можно?

– Не одевайся... Ночуй у меня.

Я протягиваю ей сигарету, и мы закуриваем прямо в по-

стели.

– Я же тебе сказала, что у меня – концерт. К тому же я люблю ночевать дома: мне мама колыбельную песенку поёт перед сном.

– Шутишь?

– Ни в коем случае, – заявляет она на полном серьёзе. – Я без колыбельной заснуть не могу и начинаю лунатить... Открываю холодильник и жру всё подряд... А мне ведь нельзя больше пятидесяти килограммов... Светка из коллектива попрёт.

– Ты поэтому столько куришь?

– Ага... Чтобы не разжиреть, – отвечает она, нагло выпускающая дым мне прямо в лицо.

Ритм сердца становится ровным, по всему телу расплзается блаженство, веки закрываются сами собой, и появляется обманчивая эйфория – всё будет хорошо, всё устаканится, и будет нам всем счастье. Только лишь одно беспокоит: до меня доносится стук каблуков, – они надвигаются издалека в многослойной тишине дождливого вечера.

Таня поднимает голову с подушки и смотрит на часы – 22:33. Я пытаюсь поймать её взгляд – хочу уловить в её глазах хоть какие-то чувства по отношению ко мне, хоть какую-то эмоцию, кроме безразличия, но мимо вновь проплывает акула с холодным ничего не выражающим взглядом.

Время – 22:38. Кто-то вставляет ключ в замочную скважину...

В общей массе люди полагают, что жизнь течёт совершенно произвольно, а это значит, что события происходят по случайному стечению обстоятельств, то есть протекают как броуновское движение. К тому же существует целая категория людей, так называемых материалистов, которые считают, что жизнь на планете является самоуправляемым процессом, то есть гибкой операционной системой, которая не нуждается во внешнем управлении.

Иногда встречаются идиоты, которые совершенно уверены в том, что всё в этой жизни подчиняется их воле, — они свято верят в свою исключительность. Такие люди обычно становятся народными вождями, целителями или ведущими тренингов по достижению исключительных высот.

Я не отношусь ни к тем ни к другим. После того как меня несколько раз за шиворот вытащили с того света, я стал убеждённым фаталистом, а потом ещё несколько раз отвели *кичу*, и я совсем уверовал...

Мы никогда не поймём, как божественный промысел коррелирует с нашей реальностью, поэтому я стараюсь не забивать голову эзотерикой, теологией, метафизикой, но я всегда внимательно слушаю эфир и улавливаю нужные мне голоса в бесконечном шуме радиопомех. В тот дождливый вечер я не получил никакого сакрального знака, и даже обычные послания были от меня скрыты, а это означает только одно, что меня намеренно *подставили*. Этого никогда бы не произошло, если бы это не являлось высшей интенцией.

Человек – это случайная переменная, которая в зависимости от жизненной ситуации принимает то или иное значение с определённой вероятностью. Жизнь – это интегральная функция с действительными аргументами времени и пространства, которая определяет эту вероятность. В той жизненной ситуации, после отъезда Мансуровой в Екатеринбург, вероятность их встречи была нулевой, но вмешался третий аргумент, и она стала неизбежной.

Нам кажется, что играем мы, а играют нами... Люди – это всего лишь послушные марионетки, и каждому отведена своя роль: кто-то – праведник, кто-то – грешник, а кто-то – помазанник Божий и Спаситель. Всё предначертано. Всё решено за нас. Спасибо Создателю, что я хотя бы человек, а не постельный клоп.

Моё сердце оборвалось в пропасть, когда в замочной скважине повернули ключ...

– Не может быть, – промямлил я, подрываясь с дивана.

– Тебе дважды удалось проскочить на красный свет, – сказала Таня, ехидно улыбаясь, – но сегодня не твой день...

Лена робко постучала, а потом ударила чуть сильнее – один раз. После этого воцарилась тишина: она поняла, что дверь закрыта изнутри, и начала прислушиваться...

– Я не буду открывать, – прошептал я и начал лихорадочно искать труссы.

Я долго не мог их найти, а потом выяснилось, что они запутались в пододеяльнике. Я метался из угла в угол, совер-

шено не понимая, что можно предпринять в этой безвыходной ситуации; перекладывал вещи с одного места на другое, пытаясь навести хоть какой-то порядок в этом бедламе.

Через некоторое время Мансурова опять постучала, и постепенно её недовольство начало нарастать – удары в дверь становились всё сильнее и сильнее.

Чтобы привести мысли в порядок, я вышел на балкон, – там было ветрено и промозгло. В свете уличных фонарей мелькали косые струи дождя. В туманной дымке расплывались многоточечные огни доменного цеха и полыхал огромный газовый факел жёлто-синего цвета. Зрелище было грандиозное, – мне всегда нравился индустриальный пейзаж, – но в тот момент мне было не до этого: мне хотелось нырнуть в темноту с четвёртого этажа и навсегда раствориться в зыбком тумане, чтоб только меня и видели.

Обхватив руками голые плечи, я дрожал на ветру как осиновый лист, но мне совершенно не хотелось возвращаться в эту «палёную» хату, откуда уже несло не то табачным дымом, не то подгоревшей обивкой дивана, не то сгорающей от стыда Шалимовой... И вдруг из комнаты не к месту и не ко времени раздалась музыка – моя обнаглевшая любовница врубила на полную громкость «My Heart Will Go On» Celine Dion.

Я вошел в комнату, артистично откинув занавеску, и обнаружил её сидящей в кресле... Она меланхолично курила, совершенно голая, положив ногу на ногу, и возникало ощу-

щение, что она не собирается никуда уходить. Выражение лица у неё было умиротворённое, как у кошки, которая благополучно напилась молока. Я вырубил музыку – в квартире установилась крошечная тишина, и даже Ленка перестала бомбить дверь.

– Да будь ты мужиком! Что ты скачешь по квартире, как загнанный кролик? – воскликнула Шалимова, на пол сбрасывая пепел; по всей видимости, она готовилась к большой драке.

– Открывай! – нарочито громко крикнула она.

– Ч-щ-щ-щ-щ! – зашипел я и накрыл её голову подушкой, а она в тот момент дрыгала ногами от восторга. – Я не могу позволить, чтобы Леночка увидела всю эту мерзость. Ты хочешь, чтобы она превратилась в соляной столб?

– Помогите! Убивают! – орала Танька, ехидно выглядывая из-под подушки.

После этого посыпались мощные удары ногами в дверь: Мансурова всё слышала и поняла, что я не один.

– Что случилось? – бормотал я в полном недоумении. – Почему она приехала во вторник? Почему? Я же в принципе неглупый человек, но со мной постоянно происходит какая-то дичь.

– Я не буду открывать! – сказал я решительно и повторил: – Я не буду открывать ни при каких условиях. Пускай вызывает МЧС.

– А ты спроси её через дверь... Ленусик, ты зачем прие-

хала? Мы-ы-ы тебя не ждали! – пошутила Танька, скорчив глупую физиономию, и начала биться в припадке смеха.

Я посмотрел на неё с ненавистью.

– Сука, – процедил я сквозь зубы, и вдруг меня прорубило...

Я кинулся в кладовку, где висела моя кожаная куртка, начал хлопать её по карманам, нащупал во внутреннем кармане, выдернул его вместе с подкладкой, включил дисплей, и в голове пронеслось: «Ну что, ебарёк, допрыгался?»

На голубом экране высветилось непрочитанное сообщение: «Я больше так не могу! Я замерзаю от одиночества в этом холодном городе. Мне нужны твои тёплые руки. Мне нужны твои глаза. Приеду в 21:50 на автовокзал. Встречай. Цветов не надо».

Я чуть не прослезился... Господи! Какая простая двухходовка! Как гениально всё, что Ты делаешь! Какие изящные уроки даешь мне! Ну что от меня требуется, чтобы жить в мире с Тобой? Немного смирения, сдержанности, элементарной порядочности, человеколюбия, и все эти неприятности могли бы обойти меня стороной.

Мне тут же вспомнилась неприятная история, которая случилась со мной прошлым летом на станции Монзино. Я возвращался с прогулки на дачу, и путь мой лежал через двойное железнодорожное полотно. Я был слегка пьяненький, и в наушниках у меня играл, как сейчас помню, Eric Clapton «Tears in Heaven». В тот момент я не знал, о чём по-

ётся в этой песне, но я буквально улетел под эту волшебную мелодию на небеса и чуть не остался там навсегда.

Прибывая в лёгкой эйфории, я практически не видел, что творится вокруг, и уже был готов ступить на полотно (от смерти меня отделял только один шаг), как вдруг чья-то лёгкая рука коснулась моего плеча – я вздрогнул и обернулся назад... Там никого не было, и в ту же секунду меня откинуло горячим потоком воздуха и перед глазами выросла железная стена – та-та, та-та, та-та, та-та, та-та, та-та, та-та, та-та...

Когда я пришёл в себя и даже протрезвел, меня охватила беспощадная дрожь и вывернуло наизнанку. Когда я плёлся на дачу, у меня подкашивались ноги и кружилась голова, и когда я проходил по мостику через болотце, заросшее тёмно-зеленой тиной и трубчатым камышом, то меня вырвало ещё раз... В моей голове не укладывалось то, что произошло пять минут назад, и я беспомощно повторял: «Что это было? Что это было? Что это было?»

Честно говоря, я всегда был везунчиком: если вспомнить, сколько я совершил в своей жизни преступных деяний, то можно заявить с полной уверенностью, что возмездие довольно часто обходило меня стороной. Однако в тот момент, когда я прочитал сообщение Мансуровой, я даже представить не мог, насколько провидение изменилось ко мне, и понятия не имел, что впереди меня ждут серьёзные испытания.

По всей видимости, наверху решили меня больше не покрывать и не отмазывать. Я не знаю, то ли кредит доверия

закончился, то ли я надоел им своей детской непосредственностью, но именно в тот момент начинается новый период в моей жизни, который в библейской интерпретации звучит как «время собирать камни».

В силу своего природного малодушия я оказался к этому не готов, поскольку ошибочно полагал, что халява будет вечной. Какой же я был инфантильный в свои тридцать три года! Мне хотелось верить, что Господь любит меня как своего заблудшего сына и ждёт, когда я нагуляюсь и приду в его распахнутые объятия. Вот только я одного не учёл: непослушных детей, даже самых любимых, наказывают, а если ребёнок не понимает, то степень воздействия на него растёт.

Малодушие всегда являлось моей ахиллесовой пятой, и его можно выразить следующей формулой: мне проще украсть, чем попросить; мне проще обидеть, чем извиниться; мне проще искать причины своих слабостей, чем бороться с ними; а в тот вечер мне было проще прыгнуть с балкона, чем открыть дверь и посмотреть в глаза своей жене... И бедная моя Леночка уже колотила ногами со всего маху и в коридоре были слышны тревожные голоса соседей, – особенно выделялся пропитый и прокуренный баритончик майора Позднякова; насколько мне было слышно, он уже предлагал «надавить монтировкой, и она сама ёбнется с петель».

После этих слов меня чуть не вырвало: в душе как будто разлагался труп и по всему телу расплзались черви; мерзость душила и выворачивала меня наизнанку; подкашива-

лись ноги и градом катился пот; брюхо, как всегда, предательски подвело. Танька смотрела на меня с лёгким презрением и криво ухмылялась – по ту сторону двери люто ненавидела Мансурова. Я обречённо опустил в кресло и начал натягивать носок... Это была патовая ситуация.

Удары стали крепчать – кусками посыпалась штукатурка. – Потом ещё дверь чинить... – невнятно промямлил я, словно оправдываясь, и пошёл открывать; сдёрнул лифчик с люстры и кинул его в Таньку со словами: – Одевайся! Что ты разлеглась как Даная?!

Это был первый случай, когда Ленка *всё* увидела своими глазами. До этого момента не было ничего, кроме подозрений и сплетен доброжелательных подруг, которые всегда были склонны преувеличивать. К тому же Мансурова была здравомыслящей женщиной и прекрасно понимала, что все мужики – особенно такие обаятельные мерзавцы, как Эдичка, – либо изменяют своим жёнам, либо помышляют об этом. В этой игре она придерживалась только одного правила: не пойман – не вор, но если поймали, отвечай по всей строгости военного времени...

Она всегда догадывалась о моих изменах, но предпочитала на этом не заикливаться. В отличие от многих женщин, она не любила причинять себе боль, в то самое время как многие её товарки только этим и жили: они упивались своей ревностью, они устраивали бесконечные разборки и скандалы своим мужьям, они расходились с ними и вновь сходи-

лись, они страдали и вечно жаловались на своих непутёвых мужей... Им просто нечем было заняться: вся их жизнь проходила в альковах, в пустой болтовне за чашкой кофе, в беспросветном табачном дыму, за которым они не видели элементарной истины – разве можно kota отвадить от сметаны? И нужно ли вообще это делать?

Долгое время Елена закрывала глаза на мои невинные шалости, но весной она почувствовала неладное: во-первых, я окончательно к ней охладел и мы совершенно перестали заниматься любовью, и даже трахаться; во-вторых, расплывчатые бледные аллюзии по поводу моих измен вдруг начали вырисовываться в конкретный образ девушки, которую она сперва увидела в своём подъезде и при этом почувствовала запах знакомого одеколона, а потом встретила эту девушку в обществе своего мужа и вокруг опять витал сладковато приторный «Fahrenheit»; в-третьих, она узнала эту девушку...

На этот раз её жестко поставили перед фактом, и не было уже никакой спасительной уловки: а вдруг я ошибаюсь, а если я что-то путаю, а если это чудовищное совпадение? Не было уже аргументов, за которые можно было спрятаться, и правда насмешливо смотрела ей прямо в глаза.

Когда медленно открылась дверь и она увидела на пороге своего пьяного Эдичку, то слабая надежда ещё теплилась в ней, но когда перед глазами, как в бреду, поплыли смятые простыни, забитая окурками пепельница, пустая бутылка вина и бокал с красной помадой на журнальном столике,

и уже более отчётливо – молодая полуобнажённая девушка, застегивающая лифчик на спине, то она как будто ударилась о землю... Не осталось никаких сомнений – это действительно была Татьяна Шалимова, что само по себе являлось для неё самым страшным унижением. Она даже представить не могла, что месть этой девочки будет настолько расчётливой.

На какое-то время её разум помутился, но она ещё продолжала улыбаться, – «keep smiling» и прочие издержки воспитания, – она была предельно вежлива, хотя удушающий комок ярости подступал к самому горлу и готов был уже изрыгнуться огненной лавой.

– Дамы! – Я стоял, покачиваясь, в проёме комнатной двери, в застиранных трусах, в одном носке, и вид у меня был, судя по всему, довольно глупый и пошлый. – Мы же интеллигентные люди – не будем из этого делать проблему. Знакомьтесь! Итак, она звалась Татьяной... Ни красотой сестры своей, ни свежестью её румяной...

– Не напрягайся, – прервала меня Мансурова.

Лена стояла посреди комнаты в длинной кожаной куртке, с которой на пол стекали капли дождя. Она прошла в комнату, не раздеваясь, брезгливо отодвинув меня пальчиком, словно боялась чем-нибудь заразиться, и теперь вздымалась на огромных каблуках над маленькой босоногой Татьяной, которая с каждой секундой становилась ещё меньше под давлением её нарастающего гнева.

– Мы давно уже знакомы, – сухо добавила она.

– Здравствуйте, Елена Сергеевна, – пролепетала Таня несвойственным для нее блеющим голоском.

– Ну здравствуй, голубушка. Как ты здесь очутилась? – спросила Елена; в этот момент она уже упиралась головой в потолок и начала заполнять всё пространство комнаты – даже я почувствовал себя карликом.

– Он привел, – тихонько молвила Шалимова, ткнув в меня указательным пальцем.

– Ну и зачем тебе это надо? Не первой свежести ловелас и юная девочка. В этом возрасте, голубушка, тебе нужно со сверстниками встречаться, с каким-нибудь Никитой или Дениской.

– Знаете, дорогая Елена Сергеевна, мне эти тупорылые малолетки совершенно не интересны, – ответила Шалимова, соорудив серьёзное личико; в это же время она прыгала на одной ноге, пытаясь другую протолкнуть в колготки.

Я, ничего не понимая, удивлённо смотрел на них.

– Послушайте, дамы, – выступил я вперед с этакой гусарской бравадой. – Я бы хотел понять... Откуда вы знаете друг друга?!

– Нет! – рявкнула Мансурова; это было совершенно не в её духе, и я даже вздрогнул от неожиданности. – Это я буду задавать вопросы! И очередь до Вас ещё дойдёт, Эдуард Юрьевич!

– И вообще, милочка, можете поторопитесь, – строго, поучительно, подстегнула она Татьяну, которая в тот момент,

извиваясь словно змея, пыталась протащить в юбку свою ядрёную задницу.

– Раздеваетесь Вы, наверно, быстрее, чем одеваетесь, и с большей охотой? – спросила она Шалимову с лёгким сарказмом.

Непрошенная гостья долго искала кофточку, которую в итоге нашла под диваном. Потом она долго застёгивала пуговики, играя на нервах у моей жены; после чего отправилась в гардероб, где очень долго скреблась, копошилась, роняла какие-то вещи, – ни то губную помаду, ни то зеркальце, – и было совершенно невыносимо ждать, пока она уберется.

Я попытался разрядить обстановку:

– Леночка, может, кофейку?

– А водка есть? – спросила она хриплым голосом, слегка кашлянув.

– О-о-о-о, о чём ты говоришь? В этом доме может не оказаться хлеба, а водка здесь никогда не переводится, – ответил я.

Она пошла на кухню, небрежно кинув в мой адрес:

– Ну тогда наливай... муженёк.

Я, конечно, подсуетился, и мы выпили не чокаясь, потом деловито закурили.

– Она ещё здесь? – спросила Мансурова раздражённым тоном, но в ту же секунду я услышал, как Таня застегивает молнию на сапогах и с облегчением выдохнул.

Она вышла из кладовки в лихо заломленном берете, в дву-

бортном чёрном плаще с пояском, подчёркивающим её тонкую талию. На ней были высокие ботфорты и кожаные перчатки, и всем своим видом она напоминала задиристого гасконца – только усов не хватало и шпаги.

Танька ехидно улыбалась: её буквально распирало от чувства собственного превосходства и глубокого удовлетворения. Мне даже хотелось ляпнуть по этой наглой физиономии, настолько она была отвратительна в этот момент. Положив мне руку на плечо, она промурлыкала словно кошка:

– Ну что, влип, очкарик?

– Проваливай отсюда. Без тебя разберемся, – пробурчал я, открывая входную дверь; в углу, у самого косяка, я увидел ярко-голубой зонт, на поверхности которого резвились весёлые афалины.

– И зонтик свой забирай... Своего барахла хватает.

– Может... проводишь? Поздно уже... – Она замешкалась на пороге и даже попыталась устроить маленький скандалец: – Ну почему я должна тащиться одна?! Ты меня привез – ты меня и отвози!

Она топала каблучком, надувала щёки, гнула свои чёрные брови, бесцеремонно толкала меня в грудь, пытаясь выжать из этой ситуации максимум дивидендов, как вдруг мембрана моего уха буквально прогнулась под напором насыщенного и очень плотного баса, исходящего с кухни, – это прозвучало как паровой гудок:

– Послушайте!!! Деточка!!! А не пойти ли Вам на хуй!!! –

И уже гораздо мягче: – Хотя Вы там уже были полчаса назад.

Таня вздрогнула, замерла и посмотрела на кухню тревожным взглядом – самодовольная улыбка исчезла с её лица.

– Ну ладно, сама доберусь, – сказала она шёпотом и тут же крикнула с пионерским задором через моё плечо: – До свидания, Елена Сергеевна! Извините за беспокойство!

Вразвалочку, с достоинством, оттопырив и без того оттопыренную задницу, она выкатилась в коридор. Я закрыл дверь и с облегчением выдохнул. В тот момент я был уверен, что наши отношения закончились раз и навсегда. Всё! Хватит! Нагулялся!

На кухню я вернулся, как побитая собака. Было слышно, как гудит холодильник, – в доме установилась кладбищенская тишина. Лена сидела у окна и задумчиво смотрела в одну точку. Я помог ей раздеться, снял с неё ботильоны на высоченных каблуках и обнаружил, что у неё совершенно мокрые ноги; стянул с неё носочки, бросил их в стиральную машину и принёс тёплые шерстяные... Потом налил водки – мы выпили молча, и на бледном лице её появился слабый румянец.

Всё это время она не проронила ни слова – она как будто окаменела. Даже когда она отойдёт от шока и постарается забыть этот неприятный вечер – её сердце не забудет и она ещё долго будет поглядывать на меня с опаской и недоверием, ожидая от меня очередной подлости, и отныне она будет искать в каждом моём слове какой-нибудь подвох.

Она уже курила третью сигарету подряд, а я крутился тут же на кухне: помыл посуду, протёр полы мокрой тряпкой, поскольку она наследила, поставил чайник на плиту, нарезал бутербродов с сыром и с колбасой, – а что, естество своё берёт... И вдруг, словно очнувшись, она спросила:

– Ты меня любишь... хоть немножко? Или всё кончено?

От неожиданности я замер и вытянулся в струнку, словно лежавая на дичь... Я даже слегка очумел – в этом балагане совершенно неуместный вопрос. «Заманивает... – подумал я. – Заманивает в какой-то блудняк. Прямо сейчас придумала. Что может быть страшнее раненой волчицы?»

Я мог бы понять всё что угодно: буйное помешательство, хлёсткий удар по щеке, прилетевшую в голову сковородку, отчаянное битьё подаренных на свадьбу китайских сервизов, опухшую физиономию с размазанными подводками и чёрными зигзаги в тональной пудре, небывалые пророчества и жестокие проклятия, обильно перчёные трёхэтажным матом, – но этот витальный вопрос совершенно выбил меня из колеи, ведь я приготовился врать и защищаться. «Мсть – это такое блюдо, – подумал я, – которое подают холодным, и она сейчас пытается себя остудить. Интересно, что она задумала? Как решила использовать эту ситуацию?»

Я пытался выдавить из себя хотя бы слезинку, мне хотелось окутать её красивыми словами о любви, я хотел прижать её к сердцу, чтобы растопить лёд между нами, но у меня ничего не получалось: внутри не было никакого огня, только

космическая пустота и какой-то странный рокот, нарастающий с каждой секундой и вызывающий животный страх.

Я смотрел на неё не отрываясь, я искал хоть что-то, за что можно было зацепиться, но передо мной сидела совершенно чужая женщина, к тому же некрасивая. Почему я прожил с ней девять лет? Почему я считаю её самым близким человеком на свете, ведь я абсолютно её не знаю и она не знает меня? Мы встретились случайно, зацепились языками, через неделю переспали, а потом... Я не помню, как она стала единственной и неповторимой, и вот сейчас она сидит с таким видом, словно я ей что-то должен – обязан как земля колхозу.

Лена смотрела на меня вопрошающим взглядом и ждала ответа, – пауза слишком затянулась, – и вдруг я обратил внимание, что через дырку в носке у неё вылез большой палец с облупившимся розовым ногтём... Это было так трогательно, что у меня навернулась слеза, как будто в глазик попала ресничка, и я заморгал, заморгал, заморгал, и на меня снизошла благодать: горячие слёзы катились по щекам, я плакал и улыбался, словно не понимая, что со мной происходит, словно радуясь неожиданному облегчению, и восторженная Мельпомена парила над моей головой и тихонько хлопала в ладоши.

– Лена! Леночка! Девочка моя! Совесть у тебя есть?! – истошно закричал я, а она удивленно смотрела на моё поплывшее лицо, словно я окончательно спятил. – Конечно!

Конечно! Я люблю тебя! А если ты про эту маруху... так это баловство! Страшно бывает одному пить! Страшно бывает одному спать! Ы-ы-ы-ы-ы-ы...

– Ты почаще приезжай домой, как сегодня, – полушёпотом закончил я свою чувственную тираду.

– Ты издеваешься, придурок? – спросила она, выпучив на меня глаза, а я судорожно захныкал, изображая подобострастный смех.

За окном шёл дождь. Из темноты прилетали жирные струи и ложились на внешнюю поверхность стекла. Расплылись огни фонарей и окна соседних домов. Продолжал полыхать огромный газовый факел, освещая ядовито-жёлтыми зарницами нависшие над ним свинцовые облака. Лена задумчиво смотрела вдаль, как будто смотрела в будущее. Выпустила из лёгких густой клубок дыма и швырнула окурок в открытую форточку.

– Давай отсюда уедем, – дрожащим голосом сказала она, – из этого проклятого города... Начнём жизнь с белого листа.

Помолчала несколько секунд и добавила очень тихо:

– У меня никого нет, кроме тебя, и мне никто не нужен. Понимаешь?

После этих слов она повернулась ко мне и посмотрела прямо в глаза, – это был чистый родниковый взгляд, от которого бесы в моей душе шарахнулись в разные стороны. Я обнял её и крепко прижал к груди, да так что захрустели косточки. Я нашёптывал ей на ухо нежные слова, губами каса-

ясь мочки:

– Маленькая моя, глупенькая... О чём ты вообще говоришь? Да я за тобой хоть куда – хоть на север, хоть на юг...

– Но лучше – на юг, – с хитринкой в глазах добавил я.

На плите закипал чайник – разошёлся, распыхтелся, пронзительно дребезжала крышка, но я боялся пошелохнуться – боялся испугнуть ангела, опустившегося мне на плечо. Потом она тихонько молвила, смахнув слезинку с кончика носа:

– Я сегодня испугалась, когда ты не встретил меня на вокзале. – Она трогательно шмыгнула распухшим сопливым носиком, от чего моё сердце дрогнуло в пароксизме безграничной нежности. – Ну а потом меня чуть кондрашка нехватила, когда ты не открыл дверь и при этом играла моя любимая Селин Дион.

Веки у неё были припухшие, с красными прожилками, щёки лоснились от слёз, и она была непохожа на себя – какая-то незнакомая тётка, крепко пьющая и потрёпанная жизнью. Лена никогда не распускала сопли, в отличие от меня – большого любителя поплакать. Мансурова была крепким орешком и не страдала вычурной сентиментальностью. Я прекрасно помню, что она не плакала даже на свиданках в тюрьме, держалась бодрячком и постоянно шутила, – «Ты на мужиков тут не поглядываешь?» – интересовалась она и шкодно подмигивала, – но в тот день она дала волю слезам и женским слабостям.

– Пейджер оставил в куртке, – оправдывался я, – а она висела в гардеробе... Не слышал сигнала, вот и просохатил твой приезд.

– А потом ещё и открывать не хотел своей законной жене. Да, Эдичка? – подколола она с кривой ухмылкой, как мне показалось, по-доброму и без обид, но в бледно-голубых глазах её мелькнула на секунду настоящая ненависть: «Какая же ты всё-таки сволочь, Эдичка!»

– Я сперва подумала самое страшное, – продолжала она, а я сочувственно кивал головой, словно речь шла о каком-то другом человеке, – но когда я услышала бабский хохот и твой голос, я так обрадовалась, ты даже не представляешь!

– Ну слава богу, думаю, живой, – практически шёпотом молвила она; в этот момент у неё был наивно распахнутый взгляд и светлое выражение лица, но уже через секунду её личико потемнело, брови сошлись в одну линию, на переносице появилась глубокая борозда, голубенькие глазки стали серыми и беспощадными как сталь, и она закончила историю о моём чудесном воскрешении словами: – Кобелина ты злобучая! Лучше б ты сдох!

Я аж скривился весь как от зубного боли.

– Ну не надо, Ленусик, напоминать мне про этот конфуз.

– Конфуз?! – заорала она, да так что у неё на лбу вздулась синеватая жилка. – Ты говоришь таким тоном, словно забыл поднять стульчак или испортил воздух, а ведь мы обсуждаем твоё гнусное предательство. Ты самый настоящий иуда. Ты

пользуешься тем, что я тебя люблю.

Я молчал, опустив голову, и всем своим видом выражал смирение... «Главное – это прикинуться ветошью», – подумал я.

– Ты помнишь, что я сказала, когда тебя забирали на жёлтом бобике?

Она имела ввиду душещипательную сцену во дворе прокуратуры после подписания районным прокурором ордера на арест в апреле 1991 года. Мы прощались перед открытой дверью милицейского уазика, и Ленка тогда поклялась в вечной любви и обещала ждать меня до тех пор, пока я не стану «нормальным человеком», как она выразилась. В тот момент у неё было такое же заплаканное лицо и опухшие веки с красными прожилками... По всей видимости, она убедила меня в том, что является самым близким и преданным человеком на свете, именно поэтому я женился на ней после выхода из тюрьмы, хотя имел крайне негативное отношение к браку. Насколько я помню, другой мотивации у меня не было.

– Да, – ответил я, и гримаса раскаяния стянула мою пьяную рожу.

– Так вот, я свои слова на ветер не кидаю.

– Ну прости ты меня, дурака! Ну что мне на колени встать?! – взмолился я.

– Зачем? – с ноткой глубокого разочарования спросила она. – Если бы мне полегчало, я бы тебя раком поставила.

Вот такая она была – Елена Мансурова. Всё в ней было перемешано в равных пропорциях: и христианское милосердие, и иезуитская жестокость, и безразличие далай-ламы, с глубоким пониманием взирающего на этот мир, на этих людей, на своё отражение в зеркале...

.6.

Моя мама называла Ленку «перелётной птицей» и была совершенно права: она не могла долго жить на одном месте и всегда куда-то рвалась. Нижний Тагил она покорила, Екатеринбург валялся у её ног – впереди было Черноморское побережье, Краснодар, Новороссийск, Сочи... Да она бы в Тугулым поехала, лишь бы не сидеть на одном месте, и там прыгала бы в поселковом клубе, и замуж выскочила бы за какого-нибудь лесоруба в ватнике и в лохматых унтах, а потом бы бросила его и уехала бы в Нижний Волочок. Она была легка на подъём.

– Натуральная кукушка! – возмутилась мама, когда я сообщил ей о том, что Мансурова улетает на юг и что я отправляюсь за ней «прицепом».

– А ребёнка вы оставляет с нами? – спросила Людмила Петровна.

– Ну-у-у-у... Мы сперва там устроимся, а потом уже будем думать о ребёнке, – промямлил я.

– Ну понятно, – заключила Людмила Петровна, – о ребёнке вы всегда думаете в последнюю очередь. Вам его совсем не жалко? Сирота при живых родителях! Маму по фотогра-

фиям знает!

– Не перегибай...

– Что?! Это ты, похоже, не догоняешь, что на самом деле происходит! Ребёнок очень нервный, замкнутый, постоянно болеет... – бушевала Людмила Петровна. – Какое вы готовите для него будущее?! А кто его в школу поведёт первого сентября?! А кто будет с ним уроки делать?! У нас с дедом уже терпенья не хватает!

Вопросы сыпались на мою голову как из рога изобилия, но ответов у меня не было: я сам плохо представлял все последствия этой авантюры.

– Ой! Не поднимай кипиш! Может, ещё ничего не получится, и она вернётся через месяц или вообще никуда не уедет.

Людмила Петровна взглянула на меня укоризненно.

– Ты ведешь себя как тряпка! Стукни кулаком по столу, загони под лавку, а то она совсем обнаглела!

– В этом есть некоторое преимущество, мама...

– Какое может быть преимущество в том, что у тебя жена гуляет, как кошка, сама по себе?

– Я тоже делаю всё что угодно, и мне не нужна женщина, которая будет ходить за мною попятам.

– А ребёнка вы зачем родили?! – крикнул отец из туалета, шурша последним номером «Московского комсомольца». – Вот уроды! Натуральные раздолбаи!

– Дети появляются по промыслу Божьему! – ответил я.

– А воспитывать их тоже Господь должен?! – возмутился папенька, сдёргивая воду.

В этот момент на шум прибежал Костя из дальней комнаты, шкодливо выглянул из-за угла и спросил строгим голосом:

– Что вы тут кричите? А где мама?

– Мама на работе, сынок... Иди к папе на ручки.

Он посмотрел на меня недоверчивым взглядом, обошёл стороной и демонстративно уселся к бабушке на колени. Я виновато улыбнулся и сделал ещё одну попытку купить его расположение:

– Костюша, хочешь, мы в субботу пойдём в пиццу, а потом в кино?

Он смотрел на меня небесно-голубыми глазами, расстреливая в упор... Невозможно было уйти от этого взгляда или отмахнуться от него, настолько он был открытым и по-детски бескомпромиссным.

В этом возрасте – ему было семь лет – дети ещё не умеют врать и лицемерить, но уже способны улавливать фальшь взрослых. Костюша был развитым ребёнком – более развитым, чем многие его сверстники... Говорить он начал в девять месяцев довольно внятно и целыми предложениями, и, как только он заговорил, я сразу же понял, что он осознаёт гораздо больше, чем я мог себе представить.

С трёх лет он рисовал акварелью или карандашами яркие сюрреалистические сюжеты, по насыщенности цветовой

гаммы напоминающие творения Ван Гога. Он с пелёнок интересовался книгами и настойчиво заставлял его читать, – в основном этим занимался дедушка Юра. В шесть лет он уже сам читал и даже написал своё первое стихотворение, посвящённое маме.

Это был очень спокойный и адекватный ребёнок. Он никогда не устраивал истерик и ничего не просил. С малых лет он прекрасно понимал, что ему позволено, а что категорически запрещено. Он не производил в домашних условиях свойственного для детей технического шума: никогда не орал, не носился по квартире как ужаленный, не выворачивал содержимое шкафов, ничего не ломал и никуда не лез, – всё его игры имели сугубо интеллектуальный характер.

Иногда мне казалось, что это не мой ребёнок, поскольку он был похож на ангела, в отличие от меня – черного брутального татарина. Его вьющиеся льняные локоны и огромные голубые глазки, словно холодные северные озёра, были совершенно далеки от южных степей, в которых зарождалась моя кровь. Я подозревал свою жену в том, что она нагуляла ребёнка с каким-нибудь белокурым аполлоном в балетных трико. Да и характер у Костюши был ангельский, в отличие от меня – дерзкого, агрессивного, неуправляемого, самоуверенного, эгоцентричного, хвастливого и по большому счёту довольно поверхностного человека.

Однажды он буквально ошарашил нас и поставил на место всего лишь одной фразой, которая прозвучала в его устах

как сверхъестественное откровение. Мансурова приехала в тот день из Екатеринбурга, и мы забрали ребёнка домой – поужинали и тупо смотрели какой-то фильм. Она сидела на одном краю дивана, я развалился на другом, а Костюша за-тих где-то между нами. Тишина – и только телевизор бормо-тал что-то невнятное голосом «с прищепкой на носу».

Отношения в тот момент у нас были крайне натянутые: мы практически не разговаривали, а если приходилось как-то взаимодействовать, то разговаривали через губу; мы не проявляли никаких телячьих нежностей, то есть не обнима-лись, не целовались, не трахались и даже спали под разными одеялами.

– Вы что, совсем друг друга не любите? – неожиданно про-звучало в этой амбивалентной тишине.

Мы синхронно повернулись на середину, и, честно гово-ря, я даже не понял, о чём идёт речь...

– Почему ты так решил, Костюша? – спросила Лена и роб-ко улыбнулась; у неё был ошарашенный вид, а я смотрел на него так, как смотрел Голиаф на Давида, когда ему в лоб при-летел камень.

– Старичок, а ты вообще откуда знаешь про любовь? – спросил я, сглатывая слюну.

– В фильмах показывают... В книгах пишут... Бабушка с дедушкой до сих пор целуются, а вы как чужие... Вы даже не разговариваете друг с другом.

За этим последовала немая сцена, а через минуту я ушёл

покурить в ванную и там, сидя на унитазе, крепко задумался... Мне было безумно жалко нашего сына, потому что он был несчастным ребёнком, а ещё я думал о том, что нам, наверно, придётся за это ответить. С годами чувство вины будет только нарастать и достигнет своего апогея, когда ему поставят *диагноз*...

– Ну что, пойдём завтра в пиццу? – переспросил я, заискивающе глядя на Костю.

Он упрямо молчал и косо поглядывал на бабушку, слегка прищуренным взглядом, как будто искал её поддержки.

– А давай прямо сейчас пойдём! – радостно воскликнул я и даже махнул рукой, как заправский кутила. – Не будем на завтра откладывать то, что можно сделать сегодня.

– Я сегодня не могу, – деловито ответил он. – Мы сегодня с дедушкой пойдём в парк. Он сделал мне лук и стрелы. А ещё он сказал, что мы будем запекать картошку на костре, как самые настоящие индейцы.

– Костюша, ты иди сегодня с папой, – нежно сказала Людмила Петровна и пригладила ему льяняную чёлку. – Дедушка пускай сегодня отдохнёт, а завтра пойдёте в парк.

– Я вообще-то не устал! – бодренько воскликнул Юрий Михайлович, роясь в кладовке и громыхая инструментами. – Уговор дороже денег! – А я подумал в тот момент: «Мой хитрый папаша никогда не упустит возможность преподать урок».

Юрий Михайлович был честным и порядочным челове-

ком, поэтому он не хотел и не мог мириться с моим безнравственным образом жизни. Сколько себя помню, с того момента, как он взял меня за руку и повёл в детский сад по февральской вьюге, замотанного в серую шаль, обутого в тяжёлые валенки, охваченного ужасом грядущих перемен, вопиющего во всё горло, и вплоть до нынешнего времени я с отвращением принимал любые социальные роли. Мне всегда казалось, что я по недоразумению попал в этот ужасный мир. Особенно это чувство усилилось, когда я появился на пороге школы и меня встретила бритоголовая, безликая, беспощадная, вечно бурлящая масса моих одноклассников. Казалось, что в этом мире для меня нет пристанища: чужое здесь всё было – не моё.

В 1985 году я окончил школу. В аттестате у меня была одна четвёрка по труду, а по всем остальным предметам были пятёрки. Физический труд я ненавидел с самого детства – особенно «филигранную» работу напильником и ножовкой по металлу.

Мой отец оттрубил сталеваром 22 года и, выходя на пенсию, получил маленькую алюминиевую медальку «Ветеран Труда» и радиоприёмник «Луч». В мартене он оставил здоровье и в общей сложности шесть пальцев на обеих руках. Его кожа была покрыта рубцами многочисленных ожогов, и каким-то образом в ушную раковину залетела капля раскалённого металла, от чего он оглох на левое ухо, но вопреки всему папа гордился своей трудовой биографией и любил

повторять: «Эта работёнка – для настоящих мужиков». Собственно говоря, это он вручил мне кайло и лопату осенью 1985 года, прекратив моё разгульное лето и серебристый полёт стрекозы.

– Я подыскал тебе работу у нас в цехе, – сказал он как-то воскресным утром.

– Какую? – поинтересовался я, широко зевнув.

– Ферросплавщик.

– Звучит гордо, – пошутил я, махнув кусок масла на батон. – Ты знаешь, папуля, я пока не нуждаюсь в работе... Надо осмотреться после школы, подумать о своём предназначении... Тем более скоро в армию.

Папа свёл в кучу густые чёрные брови и ударил кулаком по столу, от чего посуда подпрыгнула в едином порыве.

– Юрочка, успокойся. Тебе нельзя нервничать, – запела мама свою «колыбельную», но отец уже орал во всю глотку:

– А жрать ты хочешь каждый день?!!

Глаза его в тот момент горели, как у Мефистофеля в известном спектакле.

– Юра, ну что мы ребёнка не накормим? Пускай погуляет до армии.

Бедная мама! Она всю жизнь была амортизатором между нами, и частенько ей доставалось больше, чем мне.

– Он и так уже всё прогулял! – шквалисто ревел мой предок. – Не хочет учиться – пускай идёт вкалывать! Тоже мне стрекозёл выискался! Одни девочки на уме да гулянки!

Я медленно положил на тарелку золотистый бутерброд с маслом и так же медленно поднялся со стула...

– Вернись, я тебе сказал! – крикнул мне в спину отец, когда я выходил из квартиры.

– Да пошёл ты... – прошептал я и хлопнул дверью.

Через неделю я уже кидал в бункер ферросплавы и, закуривая «приму», вспоминал прошедшее лето, и неизменная улыбка появлялась на моей грязной физиономии. Я вспоминал, как скрипели уключины прокатной плоскодонки, как щурилась на солнце моя девочка, раскосая и без того похожая на кошку, гибкая, шоколадная от загара, с чувственной смоляной чёлкой, как она постоянно поправляла сползающую бретельку, как смотрела на меня тревожным взглядом, когда кипучая волна захлёстывала лодку, и, словно обёрнутый в туманную органзу, впереди маячил Остров Любви.

В то жаркое лето он как будто всплыл для нас из недр Тагильского пруда, поросший дикими яблонями и цепкими клёнами. Этот остров был только для нас: мы ни разу никого там не встретили и не нашли даже человеческих следов, – нам казалось, что он существует только в нашем воображении.

Фатима – так звали эту девочку – приехала из далёкого солнечного Темиртау к своей тагильской тётушке погостить. Мы познакомились в парке Бондина, на набережной, – она под села ко мне на лавочку и спросила, что я читаю... Я пристально посмотрел на неё и отметил для себя, что она чертов-

ски хороша. Азиатские глаза и сияющая улыбка подчёркивали её неповторимый шарм. С первой же секунды она окутала меня гипнотическим обаянием. Когда она улыбалась, от неё исходила такая мощная энергетика, что только с ног не сбивала, а если к этому ещё прибавить её слегка изогнутые голени, отполированные солнцем до шоколадного блеска, смуглые жилистые ляжки, грязные щиколотки и маленькие аккуратные пяточки, обутое в песочные сандалики, то я не смог остаться к ней равнодушным и сердце моё дрогнуло.

В то время я был крайне замкнутым и молчаливым, но Фатима каким-то образом сумела меня разговорить, и я поведал ей краткое содержание книги, на обложке которой было вытеснено позолотой «Над пропастью во ржи».

– Великая книга, – закончил я свой анонс, – хотя поначалу кажется, что ни о чём... пустышка... поток сознания какого-то малолетки... Но через двадцать страниц ты настолько проникаешься этой историей, что она становится частью твоей жизни, а этот пацанчик становится твоим лучшим другом. А какая здесь неповторимая архитектура повествования, какой неожиданный концепт!

– Когда я прочитаю эту книгу до конца, то начну читать её заново, поскольку мне будет не хватать Холдена Колфилда, – подытожил я, а она мило улыбнулась и спросила:

– А может... я его заменю?

Я удивлённо посмотрел на неё, совершенно не понимая, что ей от меня нужно, ведь она такая чёткая, а у меня – брю-

ки от школьной униформы и застиранная майка.

– Хочешь покататься на лодке? – спросил я, задыхаясь от волнения и глядя себе под ноги; на асфальте колыхалась сетчатая тень огромного тополя, раскинувшего ветви над моей головой, а там вдалеке, за чугунной оградой, сверкала солнечными отражениями глянцевитая поверхность пруда.

Мы шли вдоль аллеи, сквозь строй гренадёрских тополей, стоящих навтыжку, и держались за руки.

Отныне мы встречались каждый день и шли на лодочную станцию. Каждый раз я стирал ладони до пузырей, но вознаграждение за мои страдания было несоизмеримо выше: эта смуглая хрупкая девочка, неопикуемой восточной красоты, словно обволакивала меня горячим шоколадом. Она была настолько потной и знойной, что буквально выскользнула из моих объятий, как кусок мыла. Мы возвращались домой, когда тусклое багряное солнце в раскалённом мареве катилось к горизонту. Я чувствовал себя рабом на галерах.

Однажды я привёл Фатиму в гости, хотя побаивался неадекватной реакции моих родителей, что, собственно говоря, и случилось... Папа вышел из комнаты и посмотрел на неё поверх очков уничтожающим взглядом; в руках у него была газета «Московский комсомолец».

– Здравствуйте, – пролепетала она, робко взглянув на него исподлобья.

– Сэлам, кечкенэ кыз, – ответил папа и тут же спросил: – Исемен ничек?

– Фатиме.

Юрий Михайлович, огромный, двухметровый, широкоплечий, без единого седого волоска в богатой чёрной шевелюре, возвышался над ней словно колос Родосский. Она, конечно, оробела, сконфузилась, сжалась в комочек, а он спросил её небрежным тоном:

– Син нигэ килдең?

– Мин яратам аны, – ответила Фатима не задумываясь.

– Ул сине алдый, – пообещал отец и ушёл в комнату, тихонько прикрыв за собой дверь, но щёлочку всё-таки оставил, и это было совершенно в его духе.

Мы прекрасно слышали, как он сказал Людмиле Петровне:

– Иди, мать, полюбуйся, кого он в дом привёл... Натуральная замухрышка. Одета как пугало. Ноги кривые, короткие...

Мама тоже никогда не жаловала моих девушек: по всей видимости, она считала, что её бесподобный ребёнок, которого она героически выносила, родила, вскормила своей роскошной грудью, достоин лучшей партии.

– Что он тебе сказал? – спросил я Фатиму.

– А ты не понял?

– Последнюю фразу...

– Твой папа сказал, что ты плохой человек. – Её раскосые глаза жалили меня, словно змеи; она была в бешенстве.

– Я, наверно, пойду, – тихонько молвила она и начала за-

стёгивать сандалии, резко дёргая ремешок.

Я тоже начал обуваться... Когда мы вышли из подъезда, она сказала мне:

– Не ходи за мной!

– Почему?

– Потому что наше время истекло, – ответила она и пошла от меня прочь.

Я смотрел, как она удаляется, и ничего не мог с этим поделать: мои ноги словно вросли в землю, а горло перехватило кручёной петлёй. Мне бы побежать за ней, схватить за руку, остановить, попросить прощения, но между нами стоял мой отец, в том смысле что его мнение было для меня неоспоримо: если он сказал, что «замухрышка», значит так оно и есть, – это я могу ошибаться, а папа всегда прав, папа нас всех выкупит.

Я смотрел, как она уходит в небытие, и вдруг мне стало смешно: она действительно была кривоногой и даже слегка косолапила, загребая правой ступнёй, и талия у неё была слишком длинной, и ноги – слишком короткими... «Старик был прав, – подумал я. – А ещё, если человеку с малых лет говорить, что он плохой, то рано или поздно он сам в это поверит».

Когда Фатима скрылась за поворотом, я выдохнул и жизнь пошла своим чередом. Я потрянул в кармане мелочь и отправился в «гадюшник» на углу Матросова и Гвардейской. Там я вкрутил стакан портвейна «777» и окончательно успоко-

ился. Стрельнул сигаретку, закурил, и пьяной печалькой подёрнулось настроение – так было приятно грустить в клубах едкого дыма, с гранёным стаканом в обнимку сожалеть о загубленной юности; поминая Холдена Колфилда, примерять на себя его узкоплечий пиджачок и дурацкую красную шапку.

А на следующий день я всё-таки поехал в парк Бондина... Я просидел на лавочке несколько часов, но Фатима не появилась, хотя я не очень на это надеялся. Я дочитал книгу до конца, и мне стало совсем грустно. Над головой сгущались свинцовые облака. Порывистый ветер перевернул страницу, и под ноги упал первый осенний лист. Лето закончилось – а что дальше? Дальше будет жизнь – извилистая тропинка к гранитному камню с твоим именем; последняя дата, как и первая, на нём уже выбита.

Пошёл дождь – аллея наполнилась грязными ручьями. В конце тёмного тоннеля не было просвета с голубой крышей лодочной станции. Она исчезла, растворилась в зыбкой пустоте. «Хватит грустить», – подумал я и направился к центральному выходу, а книга осталась лежать на лавочке: я был абсолютно уверен, что никогда больше не возьму её в руки, что никогда больше не прикоснусь к этому ядовитому олеандру.

Когда я вернулся домой, на пороге меня встречал недовольный отец. Он спросил меня:

– Сколько можно шляться? Ты собираешься заниматься

делом?

– Каким? – ответил я вопросом на вопрос.

– Неужели ты ничего не хочешь от жизни?

Я на секунду задумался и ответил ему с серьёзным видом:

– Я хочу только одного... Стоять над пропастью во ржи.

– Что, совсем дурак?! – возмутился он, а я ушёл в комнату и закрылся на шпингалет.

Папа был жёстким человеком и никогда не давал мне спуска. Он всегда насаждал в нашем доме дисциплину и порядок, чем вызвал у меня стойкое отвращение к любым проявлениям самоорганизации. Он пытался контролировать мою жизнь, что сделало меня патологически лживым и изворотливым. Я очень любил папу, но гораздо больше я боялся его, хотя подвергал обструкции любые его практики в области моего воспитания. Я даже возненавидел шахматы, которые мне очень нравились до тех пор, пока он не решил сделать из меня чемпиона мира.

Папа собирался реализовать во мне свои несбывшиеся мечты, совершенно не считаясь с мои предпочтениями, – он вообще никогда меня не слушал и абсолютно не понимал. Когда до него дошло, что из меня не получится гений, несмотря на все его потуги, он испытал чудовищное разочарование и, как мне показалось, махнул на меня рукой. После того как меня посадили в апреле 1991 года, он капитально захандрил и даже начал пить, – как потом высказалась мама: «Я никогда не видела его таким пьяным и уж тем более –

плачущим».

С тех пор утекло много воды, и мы всё-таки научились друг друга терпеть, но я чувствовал, что отец по-прежнему мною недоволен, – да что там говорить про папу, я сам собою был недоволен: классический социопат, лентяй и неудачник с замашками непризнанного гения.

– Ну ладно, ребята... – Я поднялся с дивана. – Развлекайтесь без меня.

– А почему бы тебе не пойти с ребятами в парк? – вкрадчиво спросила мама; её большие выразительные глаза были наполнены жалостью и тревогой.

– Если бы меня об этом попросил *он*, – шёпотом ответил я и покосился в сторону прихожей, откуда доносилось бодрое пение: «Я буду долго гнать велосипед... В глухих лугах его остановлю... Нарву цветов и подарю букет той девушке, которую люблю...»

Когда я покинул родительский дом, у меня на сердце лежал не просто камень, а целая гора, поэтому я сразу же отправился в «гадюшник», где заказал сто граммов водки и бутылку пива. На всякий случай осмотрелся: в тёмных углах плохо освещённого подвала, за круглыми столиками, гнездились какие-то деклассированные личности. Они таранились на меня, словно крабы на утопленника, – от них за версту несло падалью и кровью.

У барменши был такой вид, как будто она десятку отмотала. Пока я собирал по карманам мелочь, она сверлила меня

шустрыми глазёнками и загадочно улыбалась, словно Джоконда. В кабаке было оглушительно накурено, в том смысле что от дыма закладывало уши, и слабенький вентилятор пыхтел из последних сил, разгоняя густой липкий туман.

Я почувствовал непреодолимый страх в этой жуткой дыре под названием «Косой переулок», – только в российской глубинке и где-нибудь в Тихуане есть подобные места, в которых можно легко словить пулю или заточку под ребро, – поэтому я решил там не засиживаться, опрокинул полстакана водки и отправился на свежий воздух.

Потом я бродил по району и даже выпивал с малознакомыми людьми у пивного ларька. Долго сидел на трамвайной остановке, собираясь куда-нибудь поехать, но ехать было некуда: в этом городе не осталось ни одного человека, с кем бы мне хотелось поговорить, – и я опять куда-то шёл, не разбирая дороги, не имея цели, запинаясь на ровном месте, и это было моё привычное состояние, так сказать, квинтэссенция моей жизни.

Мне не хотелось возвращаться в пустую квартиру, и ехать к Ленке в Екатеринбург мне тоже не хотелось. О Тане в тот момент я старался не думать, и поначалу мне это удавалось, но чем больше я пил, тем навязчивей становились мысли о ней. Доходило до абсурда: я пытался вспомнить её лицо и не мог, потому что оно распадалось на десятки чёрточек и линий, не связанных между собой. Это было мучительное деструктивное состояние. Я понимал, что боль под воздей-

ствием алкоголя превращается в параноидальный бред, и я уже давно поставил себе диагноз...

Сидя на спортивной площадке возле школы, я отхлёбывал пиво и смотрел с увлечением, как дюжина пацанов гоняет по полю футбольный мяч, словно это был «мундиаль», а не дворовое толковище.

Вечерело. На землю постепенно опускался космос: небо становилось всё глубже и прозрачнее, появились первые звёзды, и выглянул краешек луны. Когда раскалённое солнце коснулось заброшенной аглофабрики, там вспыхнуло всё: и мрачные промышленные постройки, и сквозные фермы крановых пролётов, и обугленные чёрные трубы, и тёмно-зелёные хребты, волнами уходящие на запад.

Я застегнул куртку, накинул на голову капюшон и закутался в рукава, потому что поднялся холодный пронизывающий ветер. Я крутанул колёсико зажигалки Zippo, прикурил сигарету, с жадностью затянулся, надолго удерживая в лёгких горячий дым и согреваясь его теплом.

Кроны высоких тополей, в которых утонула наша маленькая школа, казались изумрудными в лучах заходящего солнца. Серые панели «хрущёвок» окрасились в разные оттенки лилового, и ярко-карминовые окна смотрели на закат. Невозможно было оторваться от этого зрелища.

В холодном воздухе удары по мячу и крики ребятишек становились более отчётливыми, эхом отражаясь от дворовых стен. Последний лучик коснулся моих ресниц, и фут-

больное поле накрыла туманная дымка, которая путалась в ногах у пацанов и заползала мне под штанину. Через пять минут они закончили играть и дружно закурили. Ничто так не режет мой слух, как детский мат. Я лихо свистнул и попросил их заткнуться – они тут же собрались и ушли. Меня, одиноко сидящего на краю поля, окутали холодные сумерки и гнетущая тишина. Пиво закончилось. Я вытащил из пачки последнюю сигарету и закурил.

Вспомнились мамины слова, которые она сказала мне на прощание:

– Сынок (очень вкрадчиво), не торопись бежать за Ленкой. Подожди пару месяцев. Пускай она там освоится, определится со своими желаниями... Человеку надо дать свободу выбора, и тогда, возможно, он поймёт, что никакого выбора нет. И ещё, перед тем как ехать, не увольняйся с работы, а возьми законный отпуск и добавь к нему парочку недель без содержания. Просто скатайся туда на разведку. Присмотрись. Оцени обстановку. Вдруг это не твоё, да и вообще, может, Ленка сама одумается за это время. У тебя сейчас – очень хорошая работа. Ты инженер-программист высшей категории с соответствующей зарплатой и уважением в обществе. А кем ты будешь там? Спасателем Малибу? Вышибалой в баре?

– Ты знаешь... – Я задумался буквально на секунду. —... на берегу Чёрного моря я могу заниматься чем угодно, даже собирать пустые бутылки. Сейчас не это главное, мама.

– А что главное, сынок? – спросила она, широко распахнув пепельно-серые глаза и слегка приоткрыв пухлые губы; так она пыталась изобразить крайнюю степень участия.

– Речь идёт о спасении нашей семьи, – ответил я, – о нашем будущем, о будущем наших детей... Ты пойми, мама, если всё получится, мы будем жить в раю.

– А мы?! – воскликнула она с некоторой обидой. – А про нас вы подумали? Мы любим тебя, Леночку, Костю. Как мы будем жить без вас?

– Как-нибудь проживёте, – сухо ответил я. – Так устроен мир: птенцы встают на крыло и покидают родные гнёзда. К тому же вам с папой по большому счёту никто не нужен... Когда людей связывает такая любовь, для других места не остаётся.

– Зачем ты так?

– Мне всегда казалось, что я для тебя природная данность, а Юрочка – это самая большая и, пожалуй, единственная любовь.

– И поэтому ты ревнуешь? – усмехнулась мама.

– Я не ревную, а констатирую. Я с этим уже давно смирился.

Повисла неприятная пауза. Я долго не мог отвести взгляд от этих умных прищуренных глаз, красиво обведённых карандашом, и от этого строгого надменного лица, словно вырубленного из камня и покрытого тонкой паутиной трещин.

Я пытался проникнуть в матрицу её души, но вход туда был закрыт для всех, хотя внешне она выглядела довольно общительной, радушной, отзывчивой, обходительной, и даже могла кому-то показаться слишком мягкой и покладистой, что являлось на самом деле поверхностным суждением, потому что мягкой она была только снаружи, а внутри у неё был титановый стержень.

Я боготворил эту женщину, но почему-то на меня не пролился её свет, – она так и осталась для меня недостижимой. Никто и никогда не сравнится с ней, никто и никогда не заменит её, и самое ужасное заключается в том, что эта неповторимая индивидуальность сулит мне одиночество до конца дней моих.

Любовь – это максимальное сочетание критериев. Исходя из этого, можно сделать вывод, что по-настоящему – без эротических иллюзий – я любил только маму. Одухотворённая красота, мудрость, железная воля, неповторимое обаяние, негибаемый дух и настоящая христианская добродетель, – ни одна из мох многочисленных женщин не обладала такой комплектацией.

Кстати, я никогда не чувствовал ответного обожания: она была чуточку холодна, как все уникальные женщины, и относилась ко мне с некоторой долей иронии и остракизма. Она

могла щёлкнуть меня по носу и сказать: «Перестань выпендриваться!» – и я покорно замолчал, потому что чувствовал себя пигмеем по сравнению с родителями. Я так и не смог до них дотянуться, оставшись навсегда недалёким избалованным инфантом.

В их понимании не было мелочей, и любовь у них была великая: когда встречаются два таких человека, по-другому быть не может. Они пронесли свои чувства через всю жизнь и умудрились их не растерять, а только приумножили и дополнили их настоящей преданностью. У мамы Юрочка был единственным мужчиной за всю жизнь, а папа никогда не изменял маме – ни разу. На моё удивлённое «Почему?» он ответил просто: «Не хотел». В наше время подобные отношения – антропологическая редкость, а следующим поколениям такие высоты духа будут абсолютно неведомы.

Я знаю, что они были фантастически счастливы... до определённого момента.

Жизнь – это чудовищная скупердяйка и жутко меркантильная тварь, которой за всё приходится платить. Если она что-то даёт, то забирает потом с процентами. Сперва она попросила у мамы щитовидную железу – отдали. Через какое-то время она попросила яичники – отдали скрепя сердце.

Потом у мамы начал прирастать размер обуви и появились какие-то неприятные чёрточки в лице, а через несколько лет

я перестану её узнавать. У неё надломится голос, начнут выпадать волосы, её примут в свои объятия обшарпанные больницы и равнодушные люди в белых халатах, и до меня вдруг дойдёт, что болезни даются человеку в качестве оплаты эпикурейских радостей.

«Всё, что приносит наслаждение, исцеляется страданием», – сказал старец Иосиф Исихаст. После такого ультиматума не хочется жить, – по крайней мере, полной жизнью. Существовать нужно тихо и скромно, как сверчок под половицей.

«Религия – это удел аскетов и фанатиков, а мне с ними не по пути. Я не могу больше жрать это идеологическое дерьмо о светлом будущем: мне хватило комсомола. Я хочу жить только здесь и сейчас», – подумал я, отправляясь в «гадюшник» на углу Матросова и Гвардейской.

.7.

Отъезд наметили на 4 июня 2000 года (это было воскресенье), а потом начались дикие сборы, напоминающие подготовку к кругосветному плаванию. Ленка увозила на юг семь человек из шоу-балета – самых лучших, самых отборных «лошадок».

– Я не оставлю костюмы этой профурсетке! – сгоряча рубанула она. – Пускай Галька умоется крокодилыми слезами! Я заработала эти тряпки кровью и потом!

– Откуда вдруг появилась такая неприязнь? – спросил я с усмешкой. – Ведь ты ещё недавно была от неё в восторге?

– Неприязнь – дело наживное, – ответила она, а я сразу же понял, о чём идёт речь. – Ты лучше посоветуй, как отжать у «Малахита» костюмы... Хотя бы девять комплектов. Шагалова их просто так не отдаст, а если за деньги, то она такую сумму выкатит, что нам за всю жизнь не расплатиться.

Будучи закоренелым преступником, я предложил без единой морщинки на лице:

– Давай украдём.

– Как?! – воскликнула Мансурова. – Через вахту не получится! Ты представляешь, протащить через охрану такую кучу барахла? Они даже наши сумочки проверяют.

– А зачем через вахту? Можно выкинуть из окна вашей гримёрки... Одни бросают – другие собирают и в машину грузят... И провернуть это нужно ночью, чтобы не было свидетелей. Что там на вашей стороне? Какие-то гаражи, хозяйственные постройки... Есть только одна проблема: на другом конце здания – служебный вход.

– Там гоблины по ночам курят, – заметила она с легкой хрипотцой. – Ты прикинь, какой поднимется кипиш, если нас накроют.

Глядя на неё, я невольно улыбнулся... Она была гениальной актрисой и могла сыграть любую роль, а в тот момент она органично вплетала в эту ситуацию маргинальный образ воровки: закуривая очередную сигарету, она шкодно прищурила один глаз, а второй лихорадочно бегал в разные стороны, и плечики были приподняты, словно она уже «на фоксе», и

тонкий мизинчик манерно оттопырен, и голосок был такой, как будто она всю жизнь пила ядрёный самогон и крепкий чифирь.

– Вот будет хохма, когда шмотки полетят из окна, – сказала она и начала тихонько похрюкивать, изображая «камерный» смех.

– Эта проблема решается просто, – успокоил я. – Когда охранники покурят, я махну рукой, и вы начнёте швырять барахло. На следующий перекур они выйдут минут через двадцать, а за это время мы уже управимся. Я буду на шухере. Серёга Медведев и Андрюха Варнава будут собирать внизу. Валера будет грузить в машину. Значит так, третьего июня выступаем в последний раз. Четвёртого – вылет. И не дай бог, если кто-то проболтается Шагаловой...

– Ты уже заикалась насчёт увольнения или костюмов? – спросил я, испытующе глядя ей прямо в глаза.

– Ты меня за кого принимаешь?

– Ну тогда сверим часы, – в шутку предложил я.

Отъезд шоу-балета проходил в полной секретности. Квартирка на улице Испанских рабочих напоминала штаб какой-нибудь террористической организации: окна были плотно зашторены, дверь открывали по условленному сигналу, на телефонные звонки никто не отвечал.

Лена даже не расстроилась по поводу моего внезапного решения остаться в Тагиле. Я объяснил это тем, что на работе мне нужно закончить серьёзный проект, который нахо-

дился на стадии внедрения.

– И вообще, – подытожил я, – присмотрись там, прийохайся, прощупай обстановку... И если всё будет ништяк, то я подтянусь в конце лета.

– Всё понятно, – миролюбиво ответила она на моё заявление, – как всегда, пропускаешь меня вперёд по-джентельменски... Мол, присмотрись, прийохайся, прощупай, накрой там поляну, а я подтянусь, когда всё уже будет на мази... Да-а-а-а, я уже давно поняла, что не могу рассчитывать на твою... хотя бы моральную поддержку.

– Тебе просто нечего терять, поэтому ты и летишь очертя голову... Это не моя тема – мне и в Тагиле хорошо. Я приеду к тебе через пару месяцев, если ты не приедешь ко мне раньше. Согласись, что это разумно!

– Это очень хитрожолая позиция... Ну да ладно, я подожду тебя пару месяцев, – сказала она, потрепав меня по щеке. – Но если ты не приедешь в августе, я подам на развод. Мне уже надоела твоя нерешительность.

– Ты это серьёзно? – Моё лицо вытянулось от удивления.

– Нет, шутка! Но в каждой шутке есть доля правды.

Вот так запросто она перевернула очередную страницу своей жизни.

Квартира была завалена барахлом до самого потолка: огромные баулы, дорожные сумки, чемоданы, мешки, чего там только не было. Особенно волновались в субботу, третьего июня, перед последним выступлением, но всё прошло

как по маслу, и мы дёрнули «Малахит» на кругленькую сумму.

Ночью шампанское лилось рекой, и ребятишки отплясывали с таким энтузиазмом, как будто не было двухчасового выступления в клубе. Отхлёбывая тёплое пиво, я щерился на них блаженной улыбкой, словно мартовский кот. Мне передалось их неиссякаемое жизнелюбие и даже захотелось вместе с ними улететь к Чёрному морю и забухать там по-чёрному. Они уже в девятый раз крутили модную композицию Modjo «Lady» и отрывались под неё так, что трещали половицы и раскачивалась люстра на потолке. Их молодые красивые тела наполняли комнату едким запахом пота и сексуальными флюидами. В конце концов я тоже пошёл в пляс и выдал такой зажигательный «электрик», что девочки пищали и хлопали в ладоши от восторга.

Когда я вернулся к столу, слегка запыхавшись, Ленка заметила с ироничной усмешкой:

– А у тебя неплохо получается... Не хочешь на меня поработать?

Я улыбнулся и прижал её к себе.

– Ленок, ты же знаешь, что я могу танцевать только подшофе, только соло и только импровизацию. Я не смогу запомнить последовательность движений в твоей постановке, и уж тем более сплясать это под музыку и синхронно.

– Ну тогда будешь всю оставшуюся жизнь сидеть за компьютером... Фу! Как это скучно!

– Всю жизнь плясать – это тоже скучно и утомительно... Тем более за компьютером я смогу сидеть до девяноста лет, а у тебя в тридцать – уже мениск, грыжа, артрит... А в сорок ты будешь ходить с палочкой.

Она вяло улыбнулась и тут же широко зевнула. У неё был очень уставший вид и веки закрывались сами собой.

– Так! – рявкнул я. – Выключаем музыку и ложимся спать!

Всё дружно замерли, повернув головы в мою сторону, – немая сцена длилась несколько секунд, – и танцевальный марафон продолжился дальше.

– Ребятушки, ну сколько можно скакать?! Отдохните хотя бы пару часов! Сегодня будет тяжёлый день! – взмолился я, но они меня не услышали.

– Да чё ты с ними разговариваешь? Они же упоротые, – одёрнула меня Мансурова, схватила за руку и повела в спальню; там мы рухнули на кровать не раздеваясь – Ленка тут же захрапела, а я уснул через несколько минут.

Утром мы погрузились в микроавтобус Hyundai и поехали в аэропорт «Кольцово». Мы въехали на площадь аэровокзала и начали выгружать багаж... Водитель автобуса спросил меня:

– А это кто такие? Куда полетели? Девчата уж больно красивые, и пацанчики такие яркие, как петушки.

– Это шоу-балет Елены Мансуровой, – ответил я, протягивая ему смятые купюры. – Слыхал?

– Не-е-е, – ответил он, глупо улыбаясь, – я на балет не

хожу.

– И правильно делаешь: ничего хорошего в этом нет. Лучшее – на рыбалку.

Потом начинается регистрация. Ленка носится вокруг своих подопечных, словно курица без головы, а меня разбирает смех... Варнава и Медведев толкают девушке в синей униформе огромные тюки, набитые барахлом, а у неё глаза открываются всё шире и шире... Я кричу: «Ленка! Ты что творишь?! Самолет не взлетит!» – очередь улыбается, а служащая аэропорта машет рукой, отсылая назойливую блондинку доплачивать за багаж. Мансурова мгновенно исчезает в толпе.

Она прибегает через пять минут, взмыленная, с мелким бисером пота на раскрасневшейся физиономии, с какими-то квитанциями, и буквально падает на стойку в полном изнеможении. Все выдохнули, когда наши огромные баулы отправились в багажную телегу, – не до конца опохмелившийся грузчик кидал их с такой лютой ненавистью, словно это были дородные пьяные бабы.

В зале ожидания царит сонная тишина, – её изредка прерывают сообщения диктора. До взлёта еще осталось время, и мы сгрудились за одним столом в привокзальном кафе. Ребята очень возбуждены, кричат наперебой и пытаются беспрестанно шутить. Девушки истерично смеются, как будто их хватают за подмышки, и это замечательно, что они ещё могут таким образом реагировать на стресс, а вот Ленка уже

третий раз бегаёт в туалет...

Я безумно устал и пытаюсь пережить этот бесконечный день, который тянется уже сорок восемь часов, и только водочка помогает мне оставаться на ногах. Она порождает эмоциональные импульсы, которые, проникая в мышечные волокна, заставляют моё тело двигаться, а сердце биться. Наверно, я бы уже давно упал, как загнанная лошадь, если бы не подстёгивал себя алкогольной плетью.

В зале ожидания народу не много. Блестят мраморные полы. Тишина доминирует в лёгком гомоне голосов и редких включений репродуктора. За окном проплывает огромный фюзеляж лайнера ИЛ-96. Утомлённый долгим ожиданием своего рейса до Ашхабада, на лавочке задремал толстый туркмен, подобрав под себя ноги и обнимая волосатыми руками дорожную сумку. Я прохожу мимо, пристально вглядываясь в его широкое скуластое лицо кирпичного цвета: открытый рот, стекающая в бороду слюнка, редкие почерневшие зубы... Маленькая девочка поднимает упавшую на пол тубетейку и тащит её на вытянутых руках к маме... «Верни дяде шапочку!» – шёпотом «кричит» мать, словно боится разбудить дорогого гостя.

В который раз уже подхожу к барной стойке, чтобы заказать выпивку... «А можно в гранёный стакан?» – спрашиваю бармена. Он наливает холодную тягучую «Финляндию» из бутылки, покрытой инеем, и толкает в мою сторону гранёный стакан, – он катится по гладкой полированной поверх-

ности и ложится прямо в мою ладонь.

За последние два дня я очень устал от этой навязчивой публики. Артисты – энергетические вампиры: они каждую секунду требуют внимания. Хочется побыть одному, но слышу за спиной певучий голосок Ольги Кустинской:

– Эдуард... А куда Вы водочку понесли?

Оборачиваюсь – она стоит фертом, слегка подбоченившись, в короткой джинсовой куртке со стразами, в облегающих светлых джинсах, подчёркивающих её рельефные ноги. У неё – небесно-голубые глаза и пухлые капризные губки. Это очень красивая девочка, но я отвожу от неё взгляд: она как будто стоит предо мной голая. Мне всегда неловко в её присутствии, словно мы по пьяни переспали, а теперь скрываем это от моей жены.

– Собрались втихаря её откусывать? – интересуется Ольга, подходя ко мне ближе; она пьяна и чертовски притягательна, её глаза говорят о многом...

– Просто хочу побыть один... Хотя бы пару минут, – оправдываюсь я. – Что-то я подустал от этой бесконечной движухи.

– Я-я-я... тоже устала и хотела бы оказаться в Вашем одиночестве, – подыгрывает она и опускает указательный палец прямо в стакан, отмачивает его несколько секунд, медленно вынимает и облизывает мясистым шершавым языком; желаемая цель достигнута, и я чувствую упругую волну, которая поднимается у меня в штанах.

Протягиваю ей свой указательный палец.

– А закусить?

– Не-а, – говорит она с наглой ухмылкой, – размер не тот. –

Разворачивается и уходит от меня, цокая высоченными каблуками по мраморному полу.

Прозрачная стена отделяет меня от взлетной полосы, и, затаив дыхание, я слежу, как могучий ИЛ-96 поднимается над бетонкой; заваливаясь на бок, делает вираж и неторопливо исчезает в бледно-голубом мареве. Я опрокидываю стакан, и на глазах наворачиваются слёзы, сердечко замирает от волнительного предчувствия полёта, словно кто-то поймал его на крючок и тянет, тянет, тянет...

Неважно, что я сегодня остаюсь на земле, – я молча сопереживаю тем, кто уже находится в воздухе. Так хочется оказаться рядом – испытать перегрузки и неподдельный восторг в момент резкого подъёма. Так хочется куда-нибудь улететь, но не с этой компанией, которая осталась у меня за спиной...

Я представляю, как через несколько часов Ленка будет носиться с широко открытыми глазами, а ребяташки будут сидеть на кожаных диванах в просторном холе гостиницы «Югра», будут, как обычно, смеяться, щебетать, будут пить минералку из маленьких бутылочек, а в небо поднимутся пирамидальные кроны тополей, и море будет просвечивать сквозь платановую аллею.

Оглянувшись назад, на этих девчонок и мальчишек, я понимаю, что мне с ними уже не улететь: моя грешная жизнь

держит меня, как ядро на цепи, и я волочу его за собой с невыносимым кандалным звоном. «Всё тщетно. Я погибаю. Меня уже нет», – вслух говорю я, и страшная боль опоясывает мою грудь – в ту же секунду я ловлю взгляд жены; её милостивое лицо становится по-мальчишески строгим, я бы даже сказал, напуганным... «Неужели мы расстаёмся навсегда?» – спрашивает она, чуть шевельнув губами.

И вот женский скрипучий голос из репродуктора объявляет посадку на рейс до города Краснодара. Я подхожу к столу с радостной физиономией и, подняв гранёный стакан, произношу заключительный тост:

– Ребятюшки! Я желаю вам... никогда не возвращаться на эту землю. Валите отсюда! Бегом! Встали и ушли!

Все заулыбались и начали подниматься со своих мест.

– Эдуард, – услышал я томный голос и, повернув голову, встретился с плотоядным взглядом Оленьки Кустинской, – а Вы к нам когда подтянетесь?

– Я купил билет на тринадцатое августа, – сухо ответил я.

– Как будто на другое число не было, – буркнула Мансурова.

– Родная, ты забыла, какого числа я родился? Для меня тринадцатое мая – это красный день календаря. Я даже в рулетку выигрывал на число тринадцать.

– О боже, ты ещё и в рулетку играешь? – спросила Ленка, с укором взглянув на меня.

– Пороки не приходят в одиночку, – ответил я, стыдливо

опустив глаза.

Прежде чем нырнуть в зону посадки, жена ластилась ко мне, словно кошка, и я чувствовал, как её колотит нервная дрожь.

– Я представляю, как эта сучка разозлится, – сказала она, ехидно улыбаясь, – как она закрутится волчком и будет кусать собственный хвост.

– Ты про кого..?

– Про эту жирную тварь!

– Я не понимаю, откуда в тебе столько злости, ведь вы были закадычными подругами. Какая чёрная кошка между вами пробежала?

Она посмотрела на меня расплывчатым взглядом и ничего не ответила. Тут же прижалась ко мне всем тельцем, положив голову на грудь. Она не умела и не любила врать, а если не могла сказать правду, то отмалчивалась – хлопала своими длинными ресницами и отводила глаза в сторону.

Но если ей всё-таки приходилось врать (например, по моей просьбе), то она начинала потеть, заикаться, задыхаться, покрывалась алыми пятнами, плела на пальцах невидимое макраме, а ведь многие женщины врут как дышат – от них правды под пытками не дождешься. Задумайтесь – почему? Да потому что хотят казаться лучше или хуже, чем они есть на самом деле. Мансурова не пыталась «казаться» – она была совершенно органичной и самодостаточной, поэтому никогда не врала и верила другим.

– Что случилось в мае? – не унимался я. – Почему ты вдруг решила уехать? Ведь у тебя было всё: деньги, признание, квартира.

Она спряталась у меня подмышкой, и я решил не развивать эту тему, поскольку имел некоторое представление о том, как закончилась её дружба с Шагаловой. Я смотрел сверху на эту белокурую маковку с тёмным пробором, на эти хрупкие плечи, и вдруг до меня донеслось, как она шмыгает носом...

– Поклянись, что приедешь ко мне, – потребовала она, не поднимая головы, и продолжила моросить жалобным тоном: – Ты мне нужен, несмотря ни на что... Ты, конечно, тот ещё крендель, но я знала, на что подписываюсь... Помнишь ментовской уазик? Я ведь тогда не шутила... Я слово держу и за базар отвечаю.

Я ласково погладил её по головке, и она подняла на меня свои мокрые воспалённые глаза.

– Что ты молчишь? – спросила она, а я смотрел на неё как зачарованный и не мог шевельнуть языком.

Я потерял дар речи, потому что был не в состоянии больше врать, – это было отравление собственной ложью.

И вот я медленно утопаю в её глазах, которые каждую секунду меняют цвет, как море перед штормом, перебирая все оттенки от бледно-голубого до пепельно-серого. Когда она перестаёт улыбаться, то во внешности её проявляются волевые черты настоящего бойца, от чего она становится похожа

на задиристого мальчишку.

– Поклянись! – кричит она, и я вздрагиваю всем телом.

– Гадом буду, Ленчик! Можешь даже не сомневаться! – Бью себя кулаком в грудь, рву тельняшку, делаю жутко убедительное лицо.

– Девушка, заходите! – врзается в моё ухо неприятный женский фальцет, и я опять вздрагиваю; мои нервы на пределе, и я хочу только одного, чтобы это всё побыстрее закончилось.

– Вас только и ждём! – пищит девушка в синей униформе. Лена смотрит на неё напуганным остекленевшим взором.

– Я не-не-не хочу никуда улетать, – произносит она, немного заикаясь, и вновь прижимается ко мне.

– Вы с ума сошли?! – напирает на неё служащая аэропорта. – Быстро в автобус!

Я обнимаю Ленку, да так что хрустит её позвоночник. Она задыхается в моих объятиях и хрипит сдавленным голосом:

– Береги себя. Не пей много. Не шатайся по ночам. А девушке в белом лифчике передай, чтоб держалась от тебя подальше. В следующий раз уже не отделается легким испугом.

Она вырывается, грубо оттолкнув меня; бежит к перронному автобусу и запрыгивает на подножку...

Я поднимаюсь в зал ожидания.

– Сто граммов «Финляндии» в гранённый стакан, – повторяю я свой обычный заказ.

– Может, хотите что-то откусать? – спрашивает вертля-

вый «халдей», изображая на лице фальшивое участие и даже некоторое сочувствие. – У нас имеются блинчики в ассортименте, прекрасный гуляш, жаренная курица...

– Прекрасный гуляш? – спрашиваю я в полном недоумении, пристально вглядываясь в его невыразительные черты. – Что-то я не могу представить, как выглядит гуляш в этой забегаловке... Поэтому налей-ка мне водочки, любезный. Вот её, родимую, я и откушаю.

– Всенепременно! – восклицает наглый «халдей» с явной издёвкой.

Он наливает из бутылки, покрытой инеем, а я мысленно представляю, как ломит его тонкие пальчики и холод пробирает до самых костей.

«Как мы это пьём, ведь это горит? Это же настоящий яд», – размышляю я, макая губы в горькую обжигающую субстанцию, но трезветь ни в коем случае нельзя, а иначе выплывает множество неразрешимых проблем и тогда хочется положить голову на плаху. Мысли осаждают невыносимые, но даже не это самое страшное, а самое страшное заключается в том, что ты становишься самим собой, то есть возвращаешься в диапазон своей жалкой, ничтожной личности. Когда ты пьёшь, у тебя появляется возможность перевоплощения.

И вот я опять стою перед взлётной полосой, от которой меня отделяет мутноватое стекло, и вкушаю распахнутый до самого горизонта простор – картину настолько величественную, что огромные крылатые машины кажутся игрушечны-

ми самолётиками. Очень много воздуха, голубого неба и тишины.

А потом я увидел, как их высаживают возле самолёта, увидел, как они поднимаются по трапу, и в толпе мелькнула её светлая головка. Потом отъехал трап, и время остановилось...

На внутренней поверхности век побежала какая-то бледная анимация...

Я вздрогнул и открыл глаза – самолёт плавно выруливал на взлётную полосу. Бежать, бежать, бежать со всех ног, а иначе сердце взорвётся от этой тишины. Бежать!

Я выскочил на привокзальную площадь... Она показалась мне удивительно пустой: не было людей, не было машин, и только чёрный пакет, подхваченный ветром, кружился над пыльным тротуаром как в замедленном кино.

Когда сверкающий в лучах солнца ТУ-154 появился в небе, я скинул с себя ярко-красную ветровку и начал крутить её над головой. Я орал во всю глотку: «Ленка-а-а-а!!! Я обязательно приеду!!! Слышишь?!! Обязательно!!!»

Лайнер пролетал очень низко, поэтому я был совершенно уверен, что она меня видит, и она действительно меня увидела: маленький человечек размахивал красной тряпкой посреди выпуклой земли, апокалиптически голой и обезлюдевшей. Она тронула пальцем стекло иллюминатора, словно хотела прикоснуться к этому человечку, но картинка смазалась и поплыла на радужных волнах.

А потом был автобус 640А. Сквозь пыльную занавеску просвечивало солнце. Я громко чихнул и начал проваливаться в глубокое забытие, нащёптывая под нос: «Леночка... миллия... родная моя... я обязательно приеду... я обязательно приеду... верь мне... верь... верь... пожалуйста».

.8.

Оглядываясь назад, я понимаю, что улетать надо было вместе, если я хотел вырваться из липких, удушающих объятий этого города. Надо было натуральным образом бежать, как бегут люди от войны и стихийных бедствий, – всё бросить, собрать небольшую сумку и запрыгнуть в самолёт, но вместо этого я задержался в Тагиле на два роковых месяца – июль и август. За это время многое изменилось и многое произошло.

Летом 2000 года я пытался забыть Татьяну. Я даже вырвал из записной книжки листок с её номером телефона под псевдонимом «Татарин», но его цифры буквально врезались в мою память, как и всё что было между нами. С самого утра я начинал убеждать себя в том, что она не имеет для меня никакого значения, хотя нередко вспоминал наши прогулки по весенним улицам, вспоминал апрельскую капель, падающие с крыш ледяные глыбы и эти волшебные ночи, в которых не было места для скуки и сна.

Я вспоминал, как под утро светилося узорчатое окно на кухне и как пробивались первые всполохи рассвета, наполняя обледеневшие стёкла янтарным сиянием, вспоминал

этот тревожный взгляд и воспалённые от сигаретного дыма глаза, её загадочную улыбку и неповторимый тембр голоса.

Она никогда не болтала впустую, как это делают многие девушки. Она высказывалась редко, но её замечания всегда были предельно точными и краткими, к тому же она не любила моего краснобайства и пресекала его время от времени: «Ты говоришь слишком много, а это признак неуверенности в себе. Много говорят люди, которые не способны на поступок. Ты поэтому придаёшь такое значение словам, чтобы можно было ими ограничиваться. С помощью слов ты рисуешь свой образ, но ты же не литературный герой, твою мать!» Она любила крепкое словцо и могла так загнать, что у меня уши заворачивались в трубочку. Однажды я ответил ей с лёгкой иронией: «Ты знаешь, золотце, я по натуре разрушитель, поэтому упаси тебя Господи оказаться рядом, когда я перейду от слов к делу».

«А ещё скука порождает многословие, – кидала она мне вдогонку. – А тебе, Мансуров, последнее время совершенно нечем заняться. Ты не видишь продолжения своей жизни, а это означает только одно... что его не будет». До определённого момента её уколы меня абсолютно не трогали, а только лишь умиляли, как умиляет откровенность ребёнка или дурочка, но очень скоро она взломает мою защиту, благодаря которой я удерживался долгое время в состоянии неустойчивого равновесия.

В июне моя жизнь постепенно заполнилась одинокими ве-

черами... В такие моменты на столе не было ничего, кроме бутылки и гранёного стакана, в такие моменты я гасил свет и открывал окно, в тёмном проёме которого я видел мерцающий зигзаг Млечного Пути, рассыпанный в глубинах космоса мириадами карат. От дуновения ветерка с кончика сигареты срывался пепел и тонкая витиеватая струйка уносилась в распахнутое окно. Курить не хотелось. Водка не ложилась на душу. Четырёхступенчатые ямбы, написанные обломком карандаша, резали ухо и казались невероятно банальными. На шлаковом отвале вспыхивало огненное зарево, будто приоткрыли печную заслонку в тёмно-фиолетовом небе, а потом были слышны глухие удары передвижного копра.

С каждой рюмкой наваливалось одиночество, и навязчивые мысли опять бежали по кругу, как цирковые лошадки... Она сидела на этом табурете, положив ногу на ногу, и сбрасывала пепел, небрежно касаясь указательным пальцем кончика сигареты; она медленно опускала бархатные веки с чёрными длинными ресницами, засыпая от моей бесконечной болтовни, а в это время я гладил её смуглое тонкое запястье в цыганских фенечках и браслетах, целовал её бледные сухие губы с терпким привкусом никотина и красного вина, — эти яркие воспоминания вызывали во мне приятную грусть.

Мне хотелось верить, что мы никогда больше не встретимся, но моё сердце взволновано билось от предчувствия неминуемой встречи. «Мы живём в одном городе, — рассуждал я, — а это значит, судьба нас обязательно притянет друг к

другу», – но в это же самое время звучал голос разума: «Вы расстались на пике – это классно! Вы никогда не познаете унылого разочарования и гадкого вранья, а ты никогда не увидишь её старой. Она будет твоим лучшим воспоминанием».

– Прощай, моя девочка, будь счастлива, а мне пора возвращаться в стаю, – бормотал я, наливая на самое доньшко.

Выпивал. Закуривал. Пускал дым колечками. Плевал в открытое окно.

– Продержаться два месяца. Всего лишь два месяца... Всего лишь! – повторял я как мантру, но мне не становилось от этого легче.

– Что ты делаешь? Позвони ей... Она ждёт... – услышал я отдалённый голос с улицы и замер на секундочку, а потом как рывкнул в открытое окно:

– Хватит!!! Я запрещаю-ю-ю-ю о ней говорить!!!

– Горит-горит-горит, – смеялось надо мной эхо в дальнем углу двора.

– Вот же – сволочь, – буркнул я и тихонько закрыл окно.

Прошло ещё две недели. Навалилась бессонница. Любая еда вызывала отвращение. Особенно – мясо. Я выпивал уже на работе – чуть-чуть после обеда и уже конкретно напивался к вечеру. Левая рука сама тянулась к телефону, чтобы позвонить Шалимовой, и тут же получала от правой. «Не... не буду звонить... никогда», – бормотал я в пьяном угаре и тихонько матерился, а в это время в колонках хрипела печаль-

ная композиция Дельфина «Обратный отсчёт».

Я уже не выходил на пожарную лестницу, а курил прямо в кабинете, что считалась великой наглостью, как и всё что я делал или не делал в рамках своей должностной инструкции. Я даже интернет использовал не по назначению, что всегда очень строго каралось на комбинате, – за это лишали премии, за это отключали доступ, и в службе безопасности появился специальный отдел, контролирующий трафик, но, не смотря на это, работники комбината всё-таки продолжали шляться по порно-сайтам.

– А для чего ещё нужен интернет? – спросил я у своего начальника, когда он пошёл распекать одного молодого программиста.

– Для того чтобы искать... – Он запнулся.

– Что?

– Ну-у-у, документацию по информатике... по электронике... какие-то данные.

– Александр Анатольевич, у нас этой документацией забиты все сервера, – парировал я. – А вот мировая паутина изначально создавалась для распространения порнографического контента. Там девяносто девять процентов информации носит сомнительный характер, и только одна сотая – это какие-то технические данные.

– Но это не означает, что вы можете драть на работе, – пошутил начальник. – Дома – сколько угодно!

Иногда на рабочий телефон звонила Мансурова и дели-

лась со мной восторженными впечатлениями. Она, как всегда, смотрела в будущее с оптимизмом и делала скоропалительные выводы.

– Володька такой классный! – кричала она на высокой ноте, а я подольше отодвигал трубку от своего уха. – Он окружил нас такой заботой. Он выполнил все обещания. Мы живём в шикарном номере. Едим на шведской линии. Получаем хорошие бабки. И знаешь, какой у меня ежемесячные отклады? Ты сейчас со стула упадёшь!

– Я уже на полу валяюсь... Дальше падать некуда, – брякнул я с лёгким сарказмом и добавил: – Да-а-а, Леночка, жизнь тебя ничему не учит.

На том конце провода воцарилась настороженная тишина – она словно принохивалась ко мне.

– Когда ты поймешь, – говорил я заплетающимся языком, – что хороший человек – это не тот кто сделал тебе что-то хорошее, а тот кому можно доверять.

Она молчала, а я продолжал заводиться:

– Я устал тебе повторять, что люди добрые и отзывчивые до тех пор, пока им это ничего не стоит.

– Мансуров, скажи мне честно... Ты пьяный? – спросила она тревожным голосом.

– Есть немного.

– Немного? Да у тебя язык заплетается. Ты на работе находишься. Время – два часа дня, а ты лыка не вяжешь. Ты что, в полный разнос пошёл?!

– Ленок, остынь... Всё нормально, – ответил я решительным тоном. – Я просто сжигаю мосты, чтобы не было соблазна вернуться. Понимаешь?

– Откуда вернуться?! – крикнула Мансурова. – С того света, что ли? С того света не возвращаются!

– Не гони волну, крошка, – мурлыкал я в телефонную трубку, словно зачитывал рэп. – Я просто заболел немножко... Пропал иммунитет к жизни... Я прилечу – только свистни.

– Что? Что ты несёшь?! – возмутилась она.

– Я пишу по ночам стихи и пью водку в полном одиночестве.

– Так я тебе и поверила, – смеялась она на том конце провода. – Одиночество – это не про тебя. Рядом обязательно какая-нибудь юбка крутится. Зуб даю!

– Ты зубки свои побереги, а то ведь выщелкаю! – орал я в телефонную трубку. – Родная! Я чё тебе толкую: меня тут меланхолия дрючит по полной! Я кушать не могу! Работать не могу! Спать не могу! Я с телевизором уже разговариваю, а ты мне всё про каких-то баб...

– Так какого чёрта ты остался в Тагиле?! Почему с нами не полетел?!

– Испугался, – чуть слышно ответил я. – Решил отсидеться... переждать.

Ленка замолчала, и мне показалось, что она шмыгает носом, а может, это птички садились на провода. Я тоже мол-

чал и даже слегка задремал. Повисла длинная пауза, но, когда вы прожили в браке девять лет, она едва ли может быть неловкой.

Совместное проживание настолько стирает грани полов, что пропадают любые неловкости. Первые полгода я думал, что она вообще не ходит по большому, но уже через год она кричала мне из туалета, распахнув дверь: «Эй, придурок! Ты что оглох? Принеси туалетную бумагу!» – и это не самое откровенное, на что способна жена: через пару лет она такое вытворяла в постели, что у меня глаза с каждым днём открывались всё шире и шире. Я с лёгкой грустью вспоминал ту невинную девочку, которая на все мои похабные предложения отвечала с гордостью: «Ты за кого меня принимаешь?» – но это был всего лишь аванс целомудрия, перед тем как окунуть меня в омут разврата.

– Эдуард! – послышалось в телефонной трубке, и я открыл глаза. – Я тебя умоляю, прекрати жрать водку. Начни собирать чемоданы. И вообще – соберись! Куда только твой начальник смотрит?

– Он предпочитает со мной не связываться, потому что у меня – жуткая репутация.

– Нет... Ты никогда не повзрослеешь, – сказала она разочарованным тоном и повесила трубку; даже не попрощалась.

После этого разговора я накидался по самые гланды. Мне осталась одна забава: пальцы в рот и весёлый свист. Прокапталась дурная слава, что похабник я и скандалист... В тот

день мои коллеги, затаив дыхание, слушали в своих кабинетах, как на полной громкости хрипели колонки и я орал во всю лужёную глотку: «Всё будет не так, как хотелось бы мне, и лёгкий озноб пробежит по спине, когда ты шагнёшь за открытые двери, пополнив собою список потерь!» – Марина Лопахина стучала в тонкую переборку из соседнего кабинета, а потом неожиданно появился начальник – Александр Анатольевич Мыльников. В тот момент я был уже совершенно в хлам, и мне даже показалось, что он разговаривает на каком-то шумерском языке. Я выключил музыку и попытался сфокусироваться на нём...

– Ну что-о-о-о... ну что за безобразие, Эдуард? – спросил он нарочито жалобным голосом, глядя на монитор, где похотливые немецкие малолетки скакали на огромных бугристых членах.

Его слегка торкнуло. Он зачарованно следил за фрикциями масляных поршней и колыханием ягодиц, пока я не скинул картинку с рабочего стола, – он тут же пришёл в себя и начал говорить какие-то странные вещи:

– Слушай, тут работёнка подвалила... Надо добавить несколько параметров на пилах «Вагнера» для модуля четырёхметровых заготовок УНРС. И ещё... мне нужно, чтобы в ведомости и в макете ввода отражались следующие данные... – Он протянул исписанный листок, с поверхности которого мне корчили ехидные рожи какие-то чернильные чёртики.

– Это что такое? – испугался я и оттолкнул от себя бумажку.

Александр Анатольевич удивленно таращил на меня свои маленькие колючие глазки. Он растерялся настолько, что не знал как реагировать на моё неадекватное поведение.

– Ты знаешь, я давно хотел с тобой поговорить, – сказал он очень сдержанным тоном, хотя у меня возникло ощущение, что он сдерживает в себе кипящую лаву; он даже покраснел весь от ушей до белого воротничка рубахи.

Я глупо улыбался и не мог поймать его в фокус: он постоянно куда-то пропадал из поля моего зрения, потом опять появлялся и снова пропадал... Кабинет принял сферическую форму, как будто начальник надувал его изнутри. Перфорированный навесной потолок угрожающе прогнулся. Неприятно щёлкала и моргала ртутная лампа. Потёртый кражистый гардероб вздрогнул и маленькими шажками направился к выходу, а Мыльников в этот момент стоял, облокотившись на подоконник, и вокруг его лысого черепа сиял солнечный нимб.

– Слушай, Анатолич, давай завтра перетрём... А сегодня уже не получится... Ты опоздал, —промямлил я, широко зевнув и устраиваясь в кресле поудобнее.

– Ты что там бормочешь? Как можно было нажраться на работе?! Я просто в шоке! – Он был действительно в шоке и выражал это всем своим видом.

– Накатишь вместе со мной? – предложил я, закидывая

ногу на столешницу, и всё как будто устремилось в перспективу: потолок начал вытягиваться и вместе с переборкой поехал от меня прочь, Мыльников как-то странно изогнулся в районе спины, и голова у него поплыла в том же направлении, при этом картинка была настолько яркой, что я измождённо прикрыл свинцовые веки и всё потухло...

А потом послышались крадущиеся шаги и чей-то незнакомый голос произнёс: «Не могу понять, что с тобой происходит. Пару месяцев назад ты был ещё нормальным человеком, а теперь ты ставишь на себе крест», – дверь захлопнулась, и я облегчённо выдохнул.

«Наверно, напишет докладную», – подумал я и с закрытыми глазами отодвинул ящик стола – внутри покатилося нечто стеклянное и полое... Александр Анатольевич оказался человеком с большой буквы, удивительно благородным и великодушным: он просто сделал вид, что ничего не было. Отныне я закрывался на ключ, когда был слишком подшофе.

В тот же день у меня состоялся откровенный разговор с Сергеем Шахториным, который за долгие годы нашей совместной работы стал для меня практически другом. В первую очередь он восхищал меня (и где-то раздражал) своей порядочностью, переходящей всякие границы. К тому же у него была благородная внешность испанского идадьго, – именно таким я представлял себе Дон Кихота, – и тёмно-серые глаза, сквозящие глубокой мудростью и печалью, дополняли его одухотворённый образ.

Он удивлял меня широтой своих познаний в области электроники, компьютерных технологий и не только: его эрудиция простиралась во все сферы человеческой жизни. В основном наши разговоры ткались из высших материй, и мы редко затрагивали какие-то бытовые темы, никогда не сплетничали и не обсуждали общих знакомых.

Поздним вечером мы курили в машинном зале. Там работала охлаждающая вентиляция, от чего меня слегка поколачивало – мелким бесом. К этому моменту я уже очухался, но голова всё ещё была тяжёлой и предметы двоились в глазах.

– Сергей, а вот скажи мне: чтобы быть истинным христианином, так уж необходимо принимать на веру всю эту устаревшую догматику Ветхого и Нового завета? – спросил я.

– А что конкретно ты имеешь в виду? – насторожился Шахторин.

– Ну, допустим, божественное происхождение Иисуса, его непорочное зачатие, воскрешение, чудеса, которые он творил на потеху праздной шатающейся толпы. Мне кажется нелогичным даже то, что исчезло его тело из гроба, вырубленного в скале. Его могли похитить какие-нибудь фарисеи, зелоты, римляне... Я считаю, что Христос не мог отправиться в мир иной, прихватив с собой мёртвое тело. В библии очень много нестыковок, и, когда люди здравомыслящие об этом говорят, ортодоксальные христиане просто бесятся и обвиняют их в богохульстве. Они вообще относятся крайне нетерпимо ко всем, кто пытается осмыслить библию. Рань-

ше они уничтожали таких людей физически или подвергали анафеме, а сейчас просто закрывают глаза и уши, не желая воспринимать очевидные истины. Ну давайте не будем забывать, что библейские постулаты утверждались обычными людьми, а им свойственно заблуждаться.

Шахторин курил, задумчиво глядя куда-то вдаль, и казалось, что он меня совершенно не слушает.

– Ну давай на секундочку предположим, – я как будто уговаривал Серёгу поучаствовать в дискуссии, – что Иешуа га-Ноцри был обыкновенным человеком, ну хотя бы чисто физиологически... Что он был рождён, как и все мы, *во грехе*... Но! – Я возвёл указательный палец к небу. – К концу своего земного пути он стал пророком, спасителем, да и вообще – сверхчеловеком, который оживлял мёртвых и превращал воду в вино. А? Что в этом крамольного? В моих глазах это обстоятельство делает его образ ещё более привлекательным.

Казалось, мои слова не производили на Серёгу никакого впечатления. Они нисколько не пошатнули его веру и даже не заставили задуматься – они проносились над его головой, как стая чёрных крикливых ворон.

– Не буду спорить, – продолжал я, украдкой поглядывая на его безучастное лицо, – что в нынешних реалиях Иисус является сыном Божиим, что он находится рядом с матерью и отцом своим, что он определяет судьбу человечества и решает глобальные вопросы, но мне всё-таки кажется, что в земном бытие он был прежде всего человеком... Ну сам по-

думаю, разве смогли бы эти жалкие людишки убить Бога? Ну конечно же – нет. Они убили человека, который после смерти не воскрес, а вознёсся на небо. А то, что его видели *живым*, представляется мне типичной фальсификацией из разряда тех, которыми никогда не гнушались догматики. За эти слова меня бы сожгли в средние века, но я современный человек и верю только в абсолютного Бога. Я не придерживаюсь общепринятого христианского триединства, потому что это слишком упрощённая схема для таких сложных понятий.

– Ты не устал?

– К тому же, если учитывать, что в абсолютном мире не существует линейного времени, а время для Абсолюта – это единое пространство, сотканное из множества точек бытия, то я могу уверено заявить... – Я затушил сигарету в пепельнице и продолжил: – ... что прошлого не существует, как и настоящего, а значит Иисус всегда был сыном Божиим.

– Именно! – подхватил Серёга.

– ... и для Бога совершенно не имеет значения, каким способом отправить мессию в нашу реальность, которая всего лишь является фрагментом абсолютного бытия.

– Так какого чёрта ты занимаешься софистикой?!

– Не-е-е, не я, а ваши догматики... Почему они боятся традиционного способа размножения? Кого они обманывают? Зачатие и рождение ребёнка – это великое таинство, привнесённое в нашу жизнь Богом. Какое они имеют право подвергать остракизму и называть *грехом* то, что является

божьем промыслом? А что касается его матушки, с какой стати они вообще рассуждают о подобных вещах? Они что, свечку держали? Прилетел голубь мира и принёс на веточке зиготу. Бред какой-то! Я бы сказал, что это просто неприлично – копаться в подобных вещах. Истина лежит на поверхности, а мы копыя ломаем уже две тысячи лет.

Я замолчал, совершенно не понимая, к чему произносить столько ненужных слов, когда истина лежит на поверхности и предельно проста. Сергей тоже молчал, и это тягостное молчание повисло в перманентном шуме вентиляторов системы охлаждения. В темноте перемигивались красные и зелёные индикаторы на панелях сетевого оборудования. В потоке лунного света, льющегося из окна, тускло отсвечивали стальные поверхности серверных шкафов. Мы снова закурили. Вентиляционная решётка с жадностью глотала рваные клочья белёсого дыма.

– Неужели так сложно? – вдруг спросил он.

– Что такое? – всполошился я.

– Просто верить, – ответил он, и кончик вспыхнувшей сигареты осветил его тонкое лицо, – не вдаваясь в интимные подробности *его* зачатия, рождения, личной жизни. Просто верить – это значит просто любить, без каких-либо сомнений и оговорок.

– К чему эти порожняки?! – крикнул Серёга.

– Извини, – тихо ответил я. – У меня просто личина играет. Колотит меня с похмелья.

– У меня спирт есть... Правда технический, но его все пьют.

– А ты?

– А я им контакты протираю. Ты же знаешь, я не пью.

– Ну, Серега! Ты просто святой!

После этого разговора мы помолчали несколько минут, и я вновь полез ему под кожу:

– Слушай. Я вот знаю тебя много лет и считаю тебя крайне порядочным человеком...

– Хорош, Мансуров! – парировал он мою неприкрытую лесть, широко улыбаясь и демонстрируя свои железные зубы. – Говори сразу, что нужно.

– Это – потом, а сперва – вопрос.

– Ну валяй тогда.

– Ты совершал в своей жизни поступки, о которых ты по-настоящему сожалеешь?

Он задумался на секундочку и ответил с полной уверенностью, даже не моргнув глазом:

– Я не могу простить себе убийство...

– Что?! – закричал я в ужасе, не поверив свои ушам. – Вот это попадос! – А он продолжил с чувством глубокого покаяния и даже с некоторой дрожью в голосе:

– ...крысы... Я убил её в армии на пищевом складе – забил шваброй. До сих пор не могу себе простить эту неоправданную жестокость.

– И это всё? – спросил я разочарованно. – Прикальываешь-

ся?

Он ответил после некоторой паузы:

– Был ещё один спорный момент... Я долго каялся, что довёл свою жену до самоубийства, но потом Господь открыл мне глаза: не было моей вины в том.

– А ты можешь подробнее рассказать?

– А тебе зачем?

Я задумался: «И вправду – зачем мне это надо?»

– Понимаешь, Серёга... Мне просто интересны люди, и чужой нарратив мне всегда помогал разобраться в своих проблемах или хотя бы отвлечься от них.

И он поведал мне очень грустную историю:

– Я любил свою жену, но мы никогда не были счастливы, потому что она не любила меня. Каждый раз, когда мы ложились в постель, я чувствовал, что ворую её молодость и красоту, а ещё я чувствовал, что она врет. Потом она начала постоянно исчезать по вечерам. Возвращалась поздно, с запахом алкоголя. Сваливала всё на подруг: то день рождения, то у кого-то отпуск, то поминки, то обмывали новый холодильник, и всё – в таком духе. Я, конечно, верил ей и постоянно сидел с нашей маленькой дочуркой... А ещё знаешь, Эдуард, у неё постоянно бегали глаза, когда она со мной разговаривала. Однажды я спросил её: «У тебя кто-то появился?» – она устроила мне истерику, а потом закрылась в ванной и осколком блюдечка перерезала себе вены. Когда я взломал дверь, вся ванна была в крови: пол, стены, раковина, зеркало... Это

было страшно. Потом была скорая помощь, больница, куда я таскал охапками цветы и апельсины. Я никогда не забуду этот опустошенный, ускользающий взгляд. Она долго лечилась в психушке и вышла оттуда другим человеком. На какое-то время бесы отпустили её, но не навсегда. На следующее лето мы поехали к ней на родину. Маленький сибирский городишко. Сперва всё было замечательно: тёща жарила грибы, постоянно лепила пельмени, тесть выставлял каждый вечер полбанки самогона и топил баню... Но идиллия продолжалась недолго: в один прекрасный вечер она пропала, даже на утро не явилась, и к обеду её не было. Все делали вид, что ничего страшного не происходит. Тёща, как всегда, лепила пельмени, тесть уехал на рыбалку, а младшая сестра с ухмылочкой поведала мне о том, что Ольга встретила какого-то Валеру, бывшего одноклассника, а первая любовь, как известно, не ржавеет...

– Ну а ты?! – воскликнул я, разматывая последний клубок терпения. – Я бы разнёс этот проклятый городишко по кирпичику!

– Ну я же не *варвар*, – спокойно ответил Серёга, глубоко затягиваясь и выдыхая дым через ноздри. – Я спокойно собрал вещи, потрепал дочурку по головке и поехал домой. Я никогда её больше не видел. Нас даже развели заочно. После развода я погрузился в упоительное пьянство.

– Послушай, Серега, – заговорил я после некоторой паузы; эта история произвела на меня неизгладимое впечатле-

ние. – Ты как-то странно себя вел... Индифферентно. Почему ты позволял ей гулять? Почему не выследил? Не поймал с поличным? Набил бы морду её хахалю, ей бы набил... Отвёл бы в конце концов душу. Установил бы статус-кво. А ты как-то всё пустил на самотёк. Вёл себя как прекрасодушный идиот. Неужели тебе не хотелось увидеть правду своими собственными глазами?

– А зачем? – спокойно ответил Шахторин. – Чтобы убить последнюю надежду? Понимаешь, любил я её, любил.

– Кого ты любил?! – Я даже подпрыгнул на табурете от злости. – Эту выхухоль?! Эту подлую мразь?!

– Так бывает, братишка, – ответил он с горечью. – Не дай Бог тебе подобной любви, ибо она даётся в наказание за наши грехи.

– Чур меня, чур! – И я три раза плюнул через левое плечо. В окно пялилась любопытная Луна, заливая голубым светом наши окаменевшие фигуры. В слоях табачного дыма плавали зыбкие очертания серверных шкафов. По полу тянулись наши длинные тени. Гудела вентиляция, постепенно поглощая сизый туман.

– Ты сегодня домой пойдешь? – спросил Шахторин.

– А зачем? Меня дома никто не ждёт – только водка. Покемарю на диванчике в своём кабинете и пойду на длинные выходные, – ответил я и тут же добавил: – Ты знаешь, о чём я хотел тебя попросить?

– Нет.

– Мне нужен телефонный ретранслятор... Можешь спаять?

Он посмотрел на меня долгим вопросительным взглядом.

– А зачем тебе это надо?

Я ответил, состроив смущённую физиономию:

– Всегда хотел знать больше, чем мне дозволено.

– Странно... А я ещё подумал: к чему эти откровения?

– Нет, Серёжа, ты меня не переубедил... А напротив – я ещё больше убедился в правильности своей позиции.

– А ты помнишь, что сказал Соломон по этому поводу? – улыбнулся Серёга, обнажив свои тускло сверкающие железные зубы.

– Да всё я знаю, но мне очень нужно. Уж лучше чёрная смердящая тоска, нежели слепое неведение, а в сущности – тот же самообман. Помоги, если можешь, а я тебе хорошо заплачу.

– Не нужны мне твои деньги, – ответил Серёга. – Дело твоё... но я бы не советовал.

Он повернулся к монитору и взял в руки «мышь». Через Rambler он зашел на какой-то форум по радиотехнике и долго рылся в каталогах... Потом развернул на экране принципиальную схему какого-то устройства и с гордостью заявил:

– Ну вот, благодаря интернету я решил задачку за пять минут.

– Что это? – спросил я.

– УКВ-ЧМ-телефонный ретранслятор, – ответил он. –

Простенькое устройство для прослушивания телефонных разговоров. Подключается параллельно в сеть в любом месте от коробки до телефона. Шарашит на расстояние от 100 до 200 метров. Сигнал принимается любым радиоприемником, но чем лучше приемник, тем качественнее звук.

В душе я ликовал: всё оказалось гораздо проще, чем я думал.

– Серега! Ну ты – красавчик! Ну ты – башка! А спать долго?

Он мотнул головой:

– Нет, за пару часов... Вся плата поместится в спичечном коробке. Очень компактная.

«Я выведу эту хитрую выхухоль на чистую воду, – подумал я. – Я выверну её наизнанку, как варежку».

Через две недели после «погружения» я начал искать старых друзей: мне казалось, что они помогут мне избавиться от этого паталогического влечения, но когда я напивался в компании так называемых старых друзей, то начинал ещё острее чувствовать свою неприкаянность и одиночество, поскольку это были совершенно чужие для меня люди, с которыми не было самого главного, а именно – духовного родства.

С каждым следующим днём усиливалось чувство, что на всей этой грёбанной планете и в окрестностях нашей Вселенной существует только один человек, который меня по-настоящему понимает и находится на одной волне. Татьяна Шалимова была для меня не просто объектом сексуального

вождедения – она была той незаменимой субстанцией, которая основательно и надолго заполнила в моей душе пустоту.

Её энергетика была настолько яркой и неповторимой, что все остальные краски перестали для меня существовать. Я даже выпивал с какими-то гопниками возле её дома только потому, что они имели к ней опосредованное отношение: все эти ребята знали Танюшку с малых лет и были пропитаны её флюидами насквозь.

Однажды поздним вечером я сидел под большим раскидистым клёном и с лёгкой грустью наблюдал за её горящими окнами. Сердечко замирало, когда в проёме окна, на фоне ярко-красной шторы, появлялась её изящная тень. Так было приятно гонять по жилам эту сладкую боль, подпитывая воспоминания маленькими глоточками из фляжки 250 мл.

Но когда в наушниках щёлкало, на том конце провода поднимали трубку и начинали раскручивать телефонный диск, с каждым поворотом нагнетая концентрацию адреналина в крови, то сердце начинало пульсировать в таком ритме, что темнело в глазах и ноги становились ватными. За две недели до этого я запустил в её телефонную коробку «жучка», с помощью которого прослушивал все её телефонные разговоры на частоте 87.2 МГц.

В основном это была пустая болтовня с подругами, совершенно не интересная для меня, не имеющая интимной подоплёки, но однажды ей позвонила Сашенька и после долгого обсуждения грядущего экзамена по биохимии спросила

как бы между прочим: «Ты до сих пор встречаешься с Эдиком?» – к моему удивлению Таня ответила: «Да, встречаемся, хотя довольно редко, потому что я готовлюсь к экзаменам, а по большому счёту у нас всё нормально», – и добавила с лёгкой иронией и вплетённой в неё сентиментальной ноткой: «Он у меня каждый вечер под окнами сидит, как верный пёс». Сашенька удивилась и даже хмыкнула с некоторым презрением: «Хм! Ему заняться больше нечем?» Когда я услышал ответ Татьяны, я был сражён наповал, и самое страшное заключалось в том, что это была абсолютная правда: «А он у меня... на коротком поводке». После этих слов мне захотелось сорваться с поводка и бежать до самой «Югры», закинув язык на спину, но тут подошли какие-то архаровцы и очень интеллигентно попросили подкинуть червонец на опохмелку.

– Вместе и раскумаримся, – предложил вертлявый пацанчик с опухшим пропитым лицом и сногшибательным перегаром; он разговаривал со мной так, будто знал меня тысячу лет, и мне это показалось крайне подозрительным.

Я протянул ему деньги, а он, ловко перехватив купюры двумя пальцами, тут же пожал мне руку и представился:

– Дёма.

– Андрей, – промямлил я без всякого настроения.

– Андрюха, значит? – спросил он с загадочной улыбкой, плывущей на лице словно лодочка.

– А я уже давненько хотел с тобой познакомиться. – Он

разворачивал меня, будто конфетку.

– С чем связано такое любопытство? – спросил я, пристально вглядываясь в его черты.

– А я тебя с Танюшкой видел, – ответил он, коротким движением перекинув своему собутыльнику пачку лохматых купюр, и тот молниеносно растворился в темноте.

– Уже вторую неделю наблюдаю тебя в окрестностях нашего двора, – продолжал он изобличать меня, обжигая лицо удушливо-горьким амбре. – То ты на этих лавочках пасёшься, то у разбитой общаги сидишь, то на крыше дома загорашь... Что бы это значило, Андрюха?

Я загадочно улыбался, а он медленно – очень медленно – опустил на соседнюю лавочку, не выпуская меня из поля зрения. У меня в голове сразу же возникла мысль: «Ну-у-у, если эти вечно пьяные бандерлоги меня срисовали, то про Таньку и говорить не приходится. Тоже мне конспиратор!»

– Андрюха, мы уже находимся в полной непонятке, – продолжал меня окучивать Дёма. – Мы тут уже на деньги бьёмся. Рафа, к примеру, топит за то, что ты работаешь в ментовке и кого-то здесь пасёшь... Тем более у тебя в правом ухе постоянно сидит наушник.

– А вот я думаю, – сказал широкоплечий, коренастый паренёк, который представился Володей, – что ты просто мутишь какую-то мутную тему... Только мы не поймём какую...

– Ребята, что вам от меня надо? – спросил я миролюбиво.

во. – Денег я вам дал... Закурить? Пожалуйста. Хотите, чтобы я ушёл с вашего места, не мелькал перед глазами? Пожалуйста. Вот только в душу ко мне лезть не надо!

– Упаси Господи, Андрюша! – испугался Дёма и даже лапки поднял кверху. – Ни в коем случае мы тебя не напрягаем. Это всего лишь пустой трёп. Так... для поддержания разговора. Мы вообще-то люди культурные и в чужие дела не лезем.

Через некоторое время из ларька вернулся гонец, блаженно побрякивая стеклянной тарой, и мы покатались дальше под горочку. Они даже развели небольшой костерок, притащив с помойки какие-то сломанные ящики и рулон старых обоев, после чего к нам на огонёк прилетели две «ночные бабочки» преклонного возраста, а если без лишних эвфемизмов, то это были обыкновенные дворовые прошмандовки лет сорока.

– Ребята, окоченели в корягу... Налейте хотя бы полстакана, – жалобно попросила одна из них.

– Продёрнули отсюда, шалавы! – орал на них Дёма и словно отмахивался от комаров. – От вас за версту триппером несёт... Не надо сюда присаживаться! Вас никто не приглашал!

А мне почему-то их стало жалко, – две такие бледные поганочки на тоненьких ножках, – и я отдал им недопитую чекушку. Они долго благодарили и пятились от меня задом, исполняя реверансы. Какого чёрта? Все мы тут попутчики

и движемся в одном направлении, хотя и застряли в разных его координатах – в разных точках на пути в *ад*.

– Андрюха, может портвейном шлифанёшь? – спросил Дёма и протянул бутылку с какими-то «чернилами», тускло отливающими синевой в огненных бликах.

Как выяснилось, это был Танькин сосед и бывший одноклассник. В свои двадцать лет он прошёл зону для малолетних преступников, потом откинулся, потом «сгоряча присел на иглу», как он сам выразился, «что было по понятиям совершенно неправильно», и, наконец, плавно погрузился в перманентный запой.

– Так ты говоришь, до восьмого класса с *ней* учился? – завёл я вновь эту старую шарманку, оставив его «заманчивое» предложение без ответа.

– С Танькой-то?

– Ну а с кем? Меня интересует только *она*.

– Братан! – с приблатнённой хрипотцой заорал Дёма. – У тебя к Таньке – какой-то нездоровый интерес!

– Что значит нездоровый? – возмущился я, щелкнув недокурный бычок, улетевший в темноту по изогнутой траектории.

– Ты задаешь много вопросов, – продолжал он, растопыривая пальцы всё шире и шире. – Вон, смотри, у неё окна горят... – Я покосился на её пурпурные занавески, ярко освещённые изнутри. – Пойди лучше и трахни её, чем порожняка гонять!

Вся его пьяная камарилья дружно ударилась в хохот, а у меня зачесались кулаки, но я сдержал себя волевым усилием, чтобы не размотать всю эту компанию среди лавочек; без летального исхода точно не обошлось бы.

– А ты её трахал? – грубо спросил я, вглядываясь в тёмный овал его лица, периодически вспыхивающий при каждой затяжке.

В свои двадцать лет он выглядел довольно потрёпанным, хотя парнишка был симпатичный, – была в нём какая-то изюминка, или гнилая червоточина во всём.

– Не-а-а-а, – ответил лихой пацанчик, манерно вытягивая в пространстве букву «а», словно подчёркивая этим своё пренебрежение. – Танюха – девчонка хорошая, но не в моём вкусе.

Не могу сказать, что меня порадовал его ответ, а если быть более точным, то меня просто покорила его самоуверенность и чувство собственного превосходства. Я смотрел на него обалдевшим взглядом и абсолютно не мог понять, откуда берётся у таких ничтожных людей настолько высокая самооценка.

– Я смотрю, бормотуха ударила в башку, – процедил я сквозь зубы, вкладывая в каждое слово предельно уничижительный смысл. – Дёма, мальчик мой, ты хоть понимаешь, кто *она* и кто ты? Или ты вообще нихуя не отдупляешь?

В этот момент *она* погасила свет, и меня сразу же потянуло в сон, как будто и в моей голове щёлкнула выключателем.

Я буквально поплыл по радужным волнам, широко открыв рот от нехватки кислорода. Что я делаю в обществе этих ублюдков? С кем я просаживаю время? Что это для меня? Экскурсия на самое дно? А может, я просто боюсь признать-ся, что это моя родная стихия?

Свинцовой тяжестью наваливалось похмелье, и холодный ветерок стелил мурашками по спине. Глядя на тёмные окна, я понимал, что сегодня уже ничего не будет. Электро-магнитная волна мирно улеглась в моей ушной раковине, да и мне было самое время укладываться в постельку.

После моего агрессивного выпада Дёма снисходительно улыбался и разочарованно мотал головой, словно сокрушаясь: «А я-то думал, что мы с тобой подружились и в силу выпитого прониклись взаимным уважением, а ты мне вдруг, ни с того ни с сего, вlepил такую пощёчину», – он как будто оставлял мне возможность хорошенько подумать о своём поведении. Его верные псы слегка приподнялись в холке и недовольно заурчали:

– Андрюша-а-а, ты базар-р-р-р фильтруй, – вежливо, но настойчиво попросил Володя, по всей видимости, бывший спортсмен и драчун, поскольку вся морда его была в шрамах и белыми рубцами была покрыта лысая голова, об которую, наверно, разбились не одну бутылку портвейна и переломали целую кучу табуреток.

– А то наскочишь на перо, – упредил тощий носатый парень по кличке Рафа; у него были подвижные резиновые

пальцы и страшные цыганские глаза, холодные и пустые, как у всех мокрушников.

– Некрасиво как-то получается... Ты с нами сидишь и в то же время думаешь про нас всякую хуйню, – пропел Дёма весёлым речитативом и сплюнул сквозь зубы в тлеющие угли.

– А тебе-то самому не запахло с нами сидеть? – спросил Рафа и многозначительно положил руку в карман; я понял, что у него там – нож.

В голове мелькнуло: «Вот оно – знакомое чувство обочины, плавно переходящей в убийственный кювет», – хотя не было животного страха и колючего холода внутри. В первую секунду что-то ёкнуло в сердце – тут же растворилось в полном безразличии к себе и к этому миру. «Наверно, так будет лучше», – подумал я, поднимаясь с лавочки и последний раз взглянув в её окна. Чёрная громада пятиэтажного дома наваливалась на меня, словно Полифем, во лбу у которого горел мерцающий голубой глаз.

– Скучно мне с вами, – небрежно бросил я, поворачиваясь к ним спиной.

– Куда ты собрался? Стоять! – крикнул Володя, но я даже не посмотрел в его сторону, а продолжал вразвалочку удаляться; за спиной послышалось лёгкое движение, которое Дёма погасил довольно резким окриком:

– Ну что, блядь! – и уже более спокойно: – Парашу давно не нюхали, бакланы?

– Да я ему кишки выпущу! – всё никак не мог успокоиться

Рафа. – Хули он тут пальцы гнёт, фраерок убогий!

Я спокойно ему ответил, даже не повернув головы:

– Ага, бодался телёнок с дубом.

– Так оно и есть... натуральный дуб... стоеросовый!

.9.

Ночное кафе «Альянс» постепенно заполнялось людьми, по мере того как усиливался дождь. В зыбком прокуренном воздухе колыхались свечи, многократно отражённые в зеркалах и окнах. Тощая неопрятная официантка с лицом опойки и жидкими волосёнками металась вокруг столиков. Какой-то мрачный тип в ковбойской шляпе брэнчал на гитаре возле барной стойки. Он сидел на высоком табурете, положив ногу на ногу. Иногда в его аккордах прослеживалось нечто самобытное, а иногда что-то неуловимо знакомое: не то Led Zeppelin, не то Deep Purple, не то Dire Straits. Этого доморощенного Эрика Клэптона никто не слушал, и постепенно его меланхолический блюз потонул в жизнеутверждающем пьяном гомоне.

«Альянс» выглядел как забегаловка будущего – этакий футуристический шалман. Он был построен преимущественно из стекла и металлического профиля. В самом центре города, на проспекте Ленина, появился светящийся «аквариум», наполненный сигаретным дымом и пьяными «рыбками», – проходящие мимо граждане могли наблюдать этот бесшабашный разгул во всём его великолепии, особенно с наступлением темноты.

Популярность этого шалмана обеспечивалась целевой аудиторией: в основном это были озабоченные представители обоих полов, то есть молодые мужчины и женщины, жаждущие знакомств и быстрого воплощения своих сексуальных потребностей, – попросту говоря, это был самый настоящий гадюшник.

– Вот таким образом я потерял и жену, и любовницу, – подытожил я, заканчивая свой рассказ и закуривая сигарету.

– Ну зачем так категорично? – спросил Слава Гордеев, прихватывая двумя пальчиками горлышко графина. – Просто девочки дали тебе возможность подумать и сделать правильный выбор.

– Это и есть самое страшное – выбор. Как выбрать между хлебом и водой? Без хлеба ты умрёшь от голода, а без воды – от жажды.

Гордеев с задумчивым видом разливал водку по рюмочкам.

– Ты знаешь, дружище, передо мной никогда не стоял такой выбор, – с кривой ухмылкой заметил он. – Потому что я никогда не придавал женщинам такое значение... Эка ты хватил – вода и хлеб!

Слава был мент, и он идеально был создан для этой работы, поскольку у него был пронизательный ум, прекрасно подвешенный язык, эрудиция, чудовищная физическая сила в сочетании с мужественной внешностью, но самым главным его козырем являлась жуткая изворотливость, – это был са-

мый настоящий *питон*, который мог ласково придушить любого. Иногда какой-нибудь человечек даже не успевал глазом моргнуть, как его проглатывал капитан Гордеев.

Несмотря на свои молодые годы, – а было ему в тот момент всего лишь двадцать девять, – он выглядел очень солидно и гораздо старше своих лет, к тому же он начал ни с того ни с сего пухнуть, превратившись из стройного паренька в дородного мужчину с габаритами борца сумо. Ко всему прочему у него началось преждевременное облысение: роскошная шевелюра, которую он любил пятернёй зачёсывать назад, буквально за пару лет превратилась в «паутинку», которую он сбрил в один прекрасный момент и отныне сверкал идеально гладким и круглым черепом. Лицо у него было широкое, красивое, с чертами былинных героев, этаким Добрыня Никитич, но при этом глаза у него были хитрые, насмешливые и, я бы даже сказал, рысьи, что абсолютно не вязалось с образом простодушного богатыря.

Летом 2000 года у него случились серьёзные проблемы по службе: в отношении капитана Гордеева начинается служебная проверка, которая могла закончиться не только увольнением из рядов МВД, но и реальным сроком лишения свободы. Причинами этой проверки явились многочисленные злоупотребления служебным положением, которые он совершал будучи заместителем начальника отдела по борьбе с экономическими преступлениями, а как известно, в нашей стране каждый ворует то, что охраняет.

Совершенно потеряв чуйку и всякий страх, капитан Гордеев нагибал коммерсантов в своём районе... Он ни с кем не считался, ни с кем не делился, всех называл недоумками, а начальника своего отдела, майора Салихова, злоупотребляющего алкоголем, даже за человека не считал.

Я прекрасно помню, как у него начинался синдром Икара: он заносился всё выше и выше, и в какой-то момент достиг предельной высоты, падение с которой было всего лишь вопросом времени. Выражение лица его становилось всё более самодовольным и чванливым. У него появились королевские замашки. Он смотрел на окружающих презрительно-насмешливым взглядом хозяина жизни.

«Жизнь – это не шашки. Жизнь – это шахматы, – любил повторять он. – Я настоящий гроссмейстер, который продумывает каждый шаг на двадцать ходов вперёд». Это была всего лишь фигура речи, если его партия закончилось настолько тривиально. Русская народная поговорка гласит: «На каждую хитрую жопу найдётся хуй с винтом». В переменчивой жизни капитана Гордеева эта пословица найдёт ещё неоднократно своё подтверждение.

А если честно, то и шахматист он был никудышный. Не понимал он шахматной парадигмы, а именно: осторожными действиями обеспечить стратегическое преимущество и заставить противника обороняться, но не наступать, а потом плавно подвести его к сдаче всех позиций. Славка придерживался следующей тактики: он пытался кавалеристским рей-

дом пройтись по тылам и на двадцать втором ходу поставить мат. Для этой вдумчивой игры он был слишком импульсивным и совершенно не умел ждать. В жизни он был таким же торопыгой.

Однажды он поведал мне за кружкой пива: «Я очень рано повзрослел... В двенадцать я потерял девственность, в шестнадцать я зарабатывал больше родителей, а в двадцать пять я созрел для настоящих свершений... Александр Македонский в моём возрасте уже был императором, а я всё ещё старший лейтенант. Стыдно, батенька. Стыдно».

У Гордеева был очень эклектичный разум. Как-то раз он ляпнул без единой морщинки на лице: «Ты знаешь, Эдуард, я решил поступить в духовную семинарию. Хочу людей направлять на путь истинный. А кто их ещё направит, если не я? Кто? Вон, посмотри, какое мракобесие вокруг! Содом и Гоморра отдыхают! Я вижу свет и чувствую право, данное мне Богом». – «Дерзай, если не боишься», – сказал я, глядя на него выпученными глазами. – «А чего тут бояться? Это же не схима», – спокойно ответил он, подливая водочки.

Славян был человеком, обладающим множеством талантов и кипучей энергией, которая не давала ему возможности остановиться и сосредоточиться на чём-то одном. Он летел по жизни, перескакивая через заборы, в которых, между прочим, были калитки. Его кидало из одной ипостаси в другую: он строил воздушные замки, а мог бы построить дом и посадить дерево, он очень быстро загорался и так же быстро

угасал, ему хотелось быть творцом, но он умел только разрушать, – во многом мы были с ним похожи, хотя и относились к друг другу с некоторой иронией и частенько подкалывали друг друга. Это была странная дружба: она заключалась не в единстве, а в противостоянии, и началась она именно с соперничества между нами.

Его привела в нашу компанию подруга моей жены, и я сразу почувствовал к нему острую антипатию, как и он ко мне, потому что редко кому нравится собственное зеркальное отражение. Как сейчас помню, это был Новый 1995 год. После того как отшумел праздник и многие уже разошлись по домам, мы с какой-то стати вдруг решили помериться на ручках. Борьба завязалась на прокуренной кухне, с запотевшими окнами от нашего жаркого дыхания, заваленной грязными тарелками и салатницами, заставленной пустыми бутылками...

Мы долго пыхтели, сопели, пердели, пытались сломать друг другу руки, но никто не смог победить. «Давай – на левых», – предложил Гордеев, и мы снова упёрлись... Всё было тщетно – силы были равные, и тогда он произнёс сакраментальную фразу: «Ты мне не нравишься, но я бы пошёл с тобой в разведку». Я ответил ему широкой улыбкой и прибавил к этому: «Такая же хуйня, брат». С этого момента началась наша странная дружба, в которой мы частенько ставили друг другу подножки, постоянно что-то делили и частенько ссорились, но неизменно мирились и прощали друг друга.

Несмотря на то что Гордеев был суровым реалистом и законченным циником, он иногда ударялся в высшие материи: растекаясь мыслью по древу, любил философствовать, пописывал оригинальные стишки, пытался брэнчать на гитаре и даже замахнулся на великий труд под названием «Народ и власть». Не имею понятия, написал он хотя бы несколько страниц этой книги, но он часами мог обсуждать свой гениальный замысел – в том числе по телефону.

Он изводил меня демагогией и пустословием до такой степени, что я просто клал трубку на стол и продолжал заниматься своими делами... Было слышно, как он бухтит там внутри, сыплет метафорами, определяет тенденции, выдвигает гипотезы, вычленяет «парадигму» (это было его любимое словечко). Он совершенно не нуждался в диалоге с целевой аудиторией. Этот человек обладал гипнотическим талантом красноречия и мог бы даже каменную статую обратиться в свои адепты.

– Старичок, – обратился ко мне Гордеев и даже напустил холода; в этот момент официантка принесла нам следующий графин со «слезой», – это, конечно, твое дело, но, если ты променяешь свою надёжную, верную, любящую жену на эту плутовку, я перестану тебя понимать...

– ...и уважать, – добавил он, сделав многозначительную паузу.

Я потупил глаза. Я всегда так делал, когда приходилось оправдываться, и Гордеев довольно часто повергал меня в

это состояние. Он был ловким манипулятором, поэтому методично развивал во мне чувство вины, понуждая вспоминать о совести, о принципах, хотя у самого их было не много. Нельзя сказать, что у него вообще их не было, но Славущка оставил себе только те принципы, которые не усложняли ему жизнь. Капитан Гордеев был воплощением современного конформизма.

– Ты собираешься к ней ехать? – строго спросил он.

– Я люблю свою жену, – промямлил я, – но я не знаю, чем обернётся её следующая авантюра. К тому же у меня есть дела в Тагиле, и я должен их закончить.

Он посмотрел на меня с огромным недоверием, словно вопрошая: какие у тебя могут быть дела, жалкий человек?

– Она постоянно куда-то летит... Я не могу всё бросить и быть носильщиком её чемоданов, – продолжал я. – В конце августа я поеду в «Югру» и попытаюсь провентилировать обстановку.

– Я одного не могу понять, как *он* умудрился её уболтать, – сказал Гордеев, имея в виду Белогорского. – Вот же хитрый лис!

– Да он любого убаюкает. Ты бы видел эти честные глаза, эту ангельскую улыбку... Ему невозможно не поверить. Даже я ему верил, когда он обещал заплатить на следующей неделе. А ты вспомни Грановского... Аркадий Абрамович не был лохом по жизни, но наш пострел и тут поспел.

– Да-а-а, – задумчиво произнёс Славян. – Ты знаешь, ка-

кие люди являются самыми опасными преступниками?

– Те, на кого не подумаешь?

– Вот именно! – крикнул Славян, радостно хлопнув меня по плечу.

– А что касается твоей Таньки, – сказал он, после того как мы выпили, – то у неё на лбу стоит печать Люцифера.

– Ну ты загнул, – усмехнулся я.

– Если ты хочешь сохранить семью, – продолжал он, – если ты хочешь уехать из этого города, не вздумай с ней встречаться. Увидишь её на улице – перебегай на другую сторону. Будет звонить на работу – не отвечай. Никому не открывай дверь. Займи круговую оборону. Нужно продержаться всего лишь месяц, а потом тебя ждёт вечный рай.

Он со всей богатырской силушкой сдвинул моё плечо – аж косточки захрустели.

– Мне кажется, ты драматизируешь, – парировал я, дёргая плечиком и пытаюсь скинуть его железную лапу. – Она обыкновенная девушка. С чего ты взял, что она *ведьма*?

– Дурачок! Ох, дурачок! Я тебе так скажу: в своей жизни я редко встречал людей, которых бы боялся... Я могу любой нечисти хребет сломать... – Он сделал мхатовскую паузу и продолжил накручивать пьяную канитель: – ... но я не могу этой девочке смотреть в глаза.

– Ты что, нажрался?

– И это тоже... – успокоил он и сообщил полушёпотом: – Есть в *ней* какая-то энергия, которая меня совершенно обес-

кураживает.

– Я не верю в эту чушь.

– Зато *она* в тебя верит, ведь ты даже не крещённый.

Он разминал в пальцах сигарету и задумчиво смотрел куда-то вдаль. Я понимал, я всё понимал, и чувство безысходности надвигалось на меня, как грозовой фронт, медленно и неотвратно. С этим невозможного было бороться. От этого невозможно было убежать.

«Я сяду в поезд и уеду навсегда, – думал я. – Я буду гордиться собой. Всего лишь месяц. Всего лишь четыре недели. А потом – бархатный сезон. Бархатный сезон. Бархатный сезон», – повторял я как мантру, но в душе моей не было надежды: там выпустила бесконечные корни и всё затмила ужасная Сикомора. *Ficus Sycomorus L.*

«Альянс» гудел как растревоженный улей. Несчастный менестрель – в потёртой кожаной куртке, в ковбойской шляпе – с неопишуемой нежностью укладывал гитару в чёрный футляр. Публика так и не проявила к нему должного внимания: не было прощальных оваций и даже жиденских аплодисментов, – я хлопал ему в одиночку и даже несколько раз крикнул браво. На мой вкус задумчивые переборы струн прекрасно дополняли этот дождливый вечер. Когда этот парень, слегка ссутулившись, выходил на улицу под проливной дождь, какой-то шутник кинул ему вослед мелкую монету и зычно выкрикнул: «А это твой гонорар, чепушила!» Мне захотелось подняться и дать ему по роже.

– Теперь ты понимаешь, почему интеллигенция бежит из этого города?! – воскликнул Славян и приподнял левую бровь, взрыхлив широкий лоб праведным негодованием.

В какой-то момент (после третьего штофа) его по-настоящему торкнуло. На лице распустился бледно-алый цветок блаженства. Его рысьи глаза заполнились благодатным теплом и внимательно прощупывали зал в поисках лёгкой добычи. Он сидел в расслабленной позе, вальяжно облокотившись на край стола и водрузив на мощные столпы ног свой огромный живот, наполненный пивом и водкой. Большой гладкий череп смахивал на телевизор старого поколения с выпуклым экраном – он непрерывно транслировал аналитический канал под названием «Народ и власть». Богатырские плечи его обтягивала чёрная кожаная куртка, из которой индейцы смогли бы пошить целую пирогу. Тяжёлый квадратный кулак мирно покоился на столе. На среднем пальце тускло отсвечивала золотая печатка. Большой палец был слегка задран кверху, словно выражая душевное состояние его обладателя. Хочу так же заметить, что силища в этом человеке была невероятная. На самом деле – богатырская.

Когда два русских интеллигента выпивают и доходят до стадии опьянения «а вот теперь можно и поговорить», то разговаривают они, как правило, о политике. После третьего графина Славка запрыгнул на своего конька и начал его подстёгивать пухлой ладошкой, – это был ораторский приём: он плавно размахивал рукой во время своих продолжительных

монологов, словно дирижируя каким-то внутренним оркестром.

Что примечательно, для него была характерна биполярная система убеждений, то есть в своих политических взглядах он был рьяным консерватором и, я бы даже сказал, ультра-правым, но когда ему было выгодно, становился просвещённым либералом.

К примеру, он считал, что всех евреев нужно депортировать из России, ибо они всегда находятся в оппозиции и расшатывают основу любого государства.

– Может показаться, что они интегрируют в любое общество, но это не так... Вспомним хотя бы историю Российской империи... Народовольцы, социалисты-революционеры, большевики... Они полвека расшатывали царскую власть и в конце концов обрушили эту махину.

– Мне кажется, эту махину, как ты говоришь, уронили русские интеллигенты, а евреи всего лишь оказались шустрее наших либералов, потому что всегда были вероломными, жестокими и особо не заморачивались на принципах. Вспомни сикариев древней Иудеи, или как Давид вырезал филистимлян, или как Ирод побил младенцев... Их методы всегда были радикальными.

– Согласен. А правозащитники и диссиденты Советского союза, все эти Сахаровы, Солженицины, Синявские, Буковские, разве не они обрушили очередную российскую империю?

– Мне всё-таки кажется, что англосаксы... – с сомнением ответил я. – А евреи, как всегда, воспользовались плодами очередной революции... Все эти Березовские, Лисовские, Абрамовичи и так далее по списку наших олигархов.

– Не зря всё-таки Сталин душил этих космополитов, – с мстительной ноткой в голосе заметил Гордеев. – Да и Гитлера, в принципе, можно понять...

– Как и Филиппа Красивого?

– Ты не подумай, что я какой-то упоротый антисемит, – оправдывался Славка. – У меня самый близкий друг – еврей, и я даже испытываю к ним некоторую симпатию, но иногда эти ребята бывают просто невыносимы.

И уже через пять минут – после очередной рюмашки – он мог удариться в полемику о свободе личности:

– Интеллигентный человек априори должен быть антагонистом любой власти, потому что любая формация направлена на подавление личности. Поддерживать какую-либо власть – это моветон для приличного человека. Либералы – это прививка от всеобщего «одобрямса». В демократическом обществе должен быть рычаг, противодействующий сваливанию этого общества к автократии и деспотизму. Общая масса людей не нуждается в свободе и готова целовать хромовые сапоги очередного вождя ради стабильности и порядка, но мы-то знаем, чем всё это заканчивается. – Гордеев подмигнул.

– Чем?

– Лагерями для тех, кто понимает...

В тот день он был решительно настроен против *всех* – это был воинствующий либерал, готовый пролить реки крови ради свободы личности. Я ещё подумал тогда: «Наверно, хорошенько его прижал отдел собственной безопасности».

– Для меня не является секретом, что любая власть боится свой собственный народ, – заявил опальный капитан, – причём самых лучших его представителей, самых умных, самых сильных, самых честных и непоколебимых. Испокон веков власть имущие изобретали разные технологии порабощения людей. Государству не нужен свободно мыслящий народ, потому что гораздо проще управлять послушным стадом баранов. Поэтому любая идеология направлена на то, чтобы превратить свой собственный народ в послушное быдло...

Я прервал его затянувшийся монолог:

– Ну это и ежу понятно! Я не пойму, куда ты клонишь.

Он снисходительно посмотрел на меня и продолжил с лёгким раздражением:

– Ты послушай и не перебивай. Так вот, первые технологии были религиозные, как правило, монотеистические. Все они призывали своих адептов к смирению и послушанию, а ещё – к аскетизму. Всё это расценивалось как высшая добродетель. – Гордеев широко улыбнулся, обнажив свои большие белые зубы, и продолжил насмешливым тоном: – Был помазанник божий, и было окружение помазанника – высшая знать, дворянство, духовенство... Все они купались в

роскоши, жрали лебедей в яблоках и молочных поросят, а духовенство обеспечивало им на это моральное право. Работайте, работайте, работайте и смиренно несите повинность, призывал священник своих прихожан. Главная идея: если ты не можешь принять свой крест, то ты не можешь принять Бога.

– А ещё это проповедовал мулла и раввин, – заметил я. – И ко всему прочему любая религия превращает наши естественные потребности в грех.

– Намеренно, – басом подчеркнул Гордеев, вознеся указательный палец кверху. – И совершенно безосновательно.

– Чего бы ты не захотел – всё грех, – продолжал я с комсомольским задором. – Они говорят, что сама сущность человека греховна и что все наши помыслы – это сплошная похоть. Так почему же Всевышний нас такими создал? Ведь мы смогли выжить только благодаря своей греховной сущности в этом жестоком мире.

– Вот именно... А нам говорят: «Ребята, вкалывайте всю жизнь на *nanu* и влачите свою христианскую юдоль!»

– Работайте и поститесь, дети мои. Работайте и поститесь. И больше вам ничего не нужно, чтобы попасть в рай.

– Да! А мы будем за вас жрать в три горла!

– А ты помнишь в учебнике знаменитую картину Перова «Чаепитие в Мытищах»? – спросил я и громко заржал.

– Конечно! – ответил Гордеев и тоже покотился со смеху. – Там ещё у попа – вот такая харя! Величиной с самовар! И

солдатик – худой весь, измождённый, обтёрханный.

– Это всё мелочи, – молвил я, состроив серьёзную мину. – Ты вспомни, что творила католическая церковь... Во истину – самая жуткая сатанинская секта в истории человечества. Сколько веков они людскими телами растапливали священные костры? Я считаю, что католическая церковь себя полностью дискредитировала.

– Любая... И наша – в том числе, – подхватил Гордеев и продолжил дальше развивать мысль: – Поэтому люди уже не верят в это фуфло. Как и не верят в коммунистическую идеологию или в либерально-демократическую риторику. Правоверные мусульмане жрут свинину, употребляют алкоголь и нюхают кокс. Евреи женятся на русских, и многие из них даже Талмуд в руках не держали и Тору в глаза не видели.

– Господа! – воскликнул Гордеев, и все вокруг начали оглядываться, не понимая откуда исходит голос. – Поздравляю вас! Мы вступили в эпоху полного нигилизма!

Кто-то выкрикнул из зала:

– Да нам по хуй!

– Все догмы рухнули, – спокойно продолжил Славян, даже не моргнув глазом. – Теперь существует только объективная реальность, которая зиждется...

– ... на деньгах, – подхватил я.

– Так вот, Эдуард, я хочу подытожить...

– Валяй! А то я уже сгораю от нетерпения, – иронично заметил я.

Капитан Гордеев задумался и даже глубокомысленно возвёл глаза к небу. Я в этот момент подлил ему водочки – он шарахнул и продолжил вещать утробным голосом:

– Они придумали новую технологию. Именно кредитная система явилась новым инструментом закабаления масс. Но для этого нужно было создать новое общество, совершенно безыдейное и глухое к любым призывам, кроме одного – SALE 50%. А с этой задачей прекрасно справился Голливуд.

– Каким образом?

– Начиная с середины восьмидесятых, он проводил в нашей стране активную пропаганду американских ценностей. Их кино – это жуткий суррогат, которым отравился весь мир.

– Так вот, – продолжал Слава, – послушный советский народ был безнадёжно развращён, и в начале девяностых сложилась революционная ситуация, а наша страна в очередной раз утонула в крови. Это был последний ультиматум охуевшего от тягот и лишений народа...

– А мне кажется, что это был беспредел со стороны власти...

Он не обратил внимания на мою реплику, а продолжал спокойным размеренным голосом, мягонько сжимая и разжимая увесистый кулак (глаза его были серые, холодные, как февральское утро):

– В Кремле слышали этот ультиматум и начали создавать скрытую систему подавления. Как превратить народ в послушное быдло в условиях демократии? КГБ уже никто не

боится. Партии нет. Национальной идеи нет. Милиция коррумпирована. Армия полностью деморализована. Вот и задумались умные дядьки, как вернуть народ в стойло. Благо у наших западных партнёров такой опыт уже имеется.

– И что это за секретное оружие?

– Они создают глобальную систему кредитования. Поверь мне, отделения Сбербанка будут даже на северном полюсе, чтобы любой пингвин мог получить ипотеку.

– Пингвины не водятся в Арктике, – скромно заметил я.

– Ничего-о-о, – пообещал Славян, – когда ипотека станет доступной даже для пингвинов, они туда переедут, потому что там теплее.

– Ну ладно, а прикол-то в чём?

– Тебе зарплату на комбинате начали платить? – спросил он, хитро прищурившись.

– Потихоньку.

– Главный принцип любого государства – держать народ в повиновении...

– Да заебал ты уже! Что дальше?!

– А деньги – это свобода. Это дополнительные возможности. Поэтому нельзя доверять деньги народу. Они должны оставаться в банке или находиться под контролем банка. Нельзя давать простым людям бабосы! Понимаешь?! – Славян пытался перекричать нарастающий гомон. – Но! При этом народ нужно заставить работать, да так чтобы он за эту работу держался обеими руками и даже не бухтел! Как это

сделать, и при этом оставить бабки у себя?

– История повторяется, – задумчиво произнёс я. – Кортес расположил к себе индейцев, и они меняли золото на стеклянные побрякушки, а Колумб для этого использовал шнурки с металлическими наконечниками, которые просто завораживали индейцев.

Славян щёлкнул пальцами в знак одобрения.

– Молодец! – воскликнул он. – Простые работяги будут вкалывать на эту власть за побрякушки, шнурки и прочее барахло, которое на самом деле ничего не стоит, но народу это будут преподносить как великие блага. Вы отнесёте свои кровные в банк и никогда их больше не увидите. Точнее сказать, вам их переведут на карту и тут же снимут в счёт погашения долгов. Вы всё отдадите: и свободу, и бабки – одним росчерком пера. А потом и душу заложите в банк под проценты и будете в ладоши хлопать от радости, что вам за это дали ещё побрякушек. Пикнуть никто не посмеет.

– И ты это называешь латентной системой порабощения? – Я скорчил удивлённую физиономию. – Согласись, что это гораздо приятнее, чем ГУЛАГ.

– Любая диктатура недолговечна, – парировал Славян. – Самый послушный раб – это тот кому внушили *иллюзию* свободы. На этом весь демократический мир держится.

Я замахал руками в знак протеста.

– Русские – это маргинальная нация! Нас могут только силой запрягать и лупить вожжами до кровавого пота, но про-

сто так мы этот воз не потащим!

– Да ладно, – снисходительно обронил Гордеев. – Хотел бы я шагнуть в светлое будущее и увидеть, с какой блаженной физиономией ты сунешь голову в этот хомут... сам... по собственной воле.

– Не увидишь! Я быстрее хлопну банк, чем возьму кредит. Он посмотрел на меня с жалостью и молвил с лёгким еврейским акцентом:

– Моня, я умоляю вас, эти понты уже никому не интересны.

– Да мне плевать на всех остальных! Я как был бродягой по жизни, так и останусь! – кричал я, брызгал слюной и бил себя кулаками в грудь.

В этот момент мимо нашего столика проходила красивая статная брюнетка лет тридцати. На ней была обтягивающая водолазка и короткая юбка, что вызывающим образом подчёркивало её роскошные формы. По всей видимости, дамочка шла из туалета к своему столику в глубине «Альянса». Гордеев щёлкнул её взглядом, как Кот Баюн, и, слегка коснувшись её руки указательным пальцем, заговорил с ней волшебным певучим голосом:

– Мадам, я дико извиняюсь, но позвольте заметить... В этом шалмане вы смотрите неестественно. Разрешите Вас как-нибудь пригласить в «Александровский». (Прим. авт. Самый фешенебельный ресторан в городе на тот момент).

– А что вы тут сами делаете, молодые люди? – спросила

дамочка, озарив нас обаятельной белозубой улыбкой.

Она была воплощением эротической мечты со всеми её атрибутами: оттопыренная бразильская попа и большая грудь, пухлые губки и глаза, сияющие неприкрытой похотью, идеально гладкая кожа и тёмно-каштановые волосы, напоминающие моток медной трансформаторной проволоки. Я считаю жутким моветоном подкатывать к таким женщинам, ибо все комплементы в их адрес кажутся такими же замызганными и банальными, как поздравления с Новым годом.

– Именно в этом месте нас застал ливень, – с некоторым пафосом ответил Гордеев, на что она снисходительно улыбнулась и ласково промурлыкала:

– Купите себе зонтик, молодой человек... А лучше – машину.

Я увидел у Гордеева некоторое замешательство, словно посыпалась штукатурка на праздничном фасаде его широкого самодовольного лица, но это длилось недолго, буквально пару секунд, и вновь восторжествовала его непобедимая мужская сущность. Готовых вариантов ответа у него не было, поэтому он ещё какое-то время широко улыбался, слегка подмигивая правым глазом, а она продолжила удивлять нас своей непосредственностью:

– Пытаетесь за мной приударить? – спросила она, пожирая его своими завидующими глазами; он сглотнул слюнку и молча кивнул головой. – Боюсь, что это может Вам дорого стоить.

– А никто и не собирается мелочиться, – парировал Гордеев.

– Ну тогда берите ручку и записывайте, – предложила она, взглянув в мою сторону и слегка приподняв уголки губ; я тоже улыбнулся ей в ответ, довольно натянутой улыбкой.

– Я запомню, – уверенно сказал Гордеев. – Я злопамятный.

Девушка произнесла шесть цифр и вкрадчиво добавила: «Кстати, меня зовут Мариной». Потом она отправилась на своё место, а мы молча следили за её легкой грациозной походкой в фарватере между столиками. Постепенно она растворилась в табачном дыму.

– Вот это женщина! – восхищённо воскликнул я. – Будешь ей звонить?

– Нет, конечно, – спокойно ответил Славян.

– А на кой чёрт ты попросил у неё номер телефона?

– Я попросил?! – возмущённо воскликнул Гордеев. – Да она буквально навязалась на мою голову, эмансипированная сучка!

– А чё ты с ней вообще языками зацепился? Мадам, я дико извиняюсь... Тоже мне – светский лев.

– Я не узнал её вначале... Раньше она была блондинкой, – оправдывался Гордеев. – А когда узнал, отступить было уже поздно.

– А кто она? Кручёная, как пороссячий хвостик?

– Вот именно... Это бывшая жена Трофима. Бывшая подруга Ноля. С Вовой Бешеным путалась ещё в начале де-

вяностей, пока его не грохнули. Короче – бандитская подстилка.

– А в чём, собственно, проблема? – удивился я. – Ты на мента совершенно не похож, и с распальцовкой у тебя всё в порядке. Подъехал бы тихим фраером...

– В том-то и дело, что она меня знает... У неё – продуктовый магазин на Пархоменко.

– И как-то странно она себя повела, – задумчиво произнёс Гордеев. – Меня вообще настораживает, когда женщина проявляет инициативу.

– И что означает её фраза «это будет Вам дорого стоить»? – От удивления я даже почесал затылок. – Она кто – лакшери-проститутка или чёрная вдова? Что за понты?

– Да все они проститутки! – резко ответил Гордеев, прихватив двумя пальчиками горлышко графина. – Только одни продают себя в розницу, а другие ищут оптового покупателя. Я даже не хочу заморачиваться на тему – что она имела в виду?

Мы опрокинули по рюмашке и ещё раз внимательно осмотрели зал. Наша новая знакомая веселилась в компании каких-то дородных баб, – они отсвечивали золотыми побрякушками и явно смахивали на работников торговли. За барной стойкой сидели две шикарные девицы, – они цмыкали кофеёк из маленьких чашечек, курили длинные чёрные сигареты, о чём-то мило беседовали, и было понятно по их надменно вздёрнутым носикам, что они давно уже пристроили

в тёплое местечко свои аппетитные попки.

В основном какие-то бледные поганочки были разбросаны по залу, – как говорится, ни кожи ни рожи. В темноте шарахались пьяные тётки, натываясь на стулья. В проходе уже кто-то танцевал под группу «Демо». По большому счёту мне было плевать на эту субботнюю кутерьму, на эту развязанную публику, на этих пьяных баб, поскольку моя задача была предельно проста: напиться до полной потери чувственности и каким-то образом «обмануть» ещё один выходной. Телефонов повсюду было как грибов после дождя, и я в любой момент мог сорваться, но капитан Гордеев контролировал ситуацию и никогда бы этого не допустил.

– Да-а-а, на многое придётся закрыть глаза, – молвил Славка, обводя разочарованным взглядом собравшихся для разврата.

– Ты хотел сказать – *залить*? – Я громко рассмеялся, а он даже не улыбнулся в ответ; всё продолжал озираться, словно параноик.

– В прошлый раз мы тоже искали компромисс, – начал я вспоминать нашу последнюю вылазку на «охоту». – Ты помнишь, в какой бедлам мы попали? Я всю ночь боялся, что нас либо отравят клофелином, либо затрахают до смерти, а ты на следующее утро не мог поднять глаза... Как её там звали? Людок?

– Ну прекрати-и-и, – мучительно застонал Гордеев и сморщился как от зубной боли. – Я неделю пытался её за-

быть, но в памяти постоянно всплывала эта чёрная бородавка на щеке. Блядь! Зачем ты мне об этом напомнил?

– А что бы не допускать подобных ошибок! – воскликнул я. – Пока трезвые, с амбициями всё в порядке, но стоит нажраться и потерять с первыми лучиками солнца последнюю надежду, хватаем уже всё подряд, словно голодные псы. Я не вижу в этом смысла – зачем убивать последние иллюзии? – Небрежно стряхиваю пепел мимо пепельницы. – Мы столько раз уже это делали, что совершенно потеряли к этому вкус.

– Давай в шахматишки перекинемся, – предложил я, – или поедem в бильярдную...

Он ущипнул меня очень больно.

– Что?! – закричал я с таким видом, будто истекаю кровью.

– О таких вещах даже не смей заикаться... Слышишь? – он шипел, словно прохудившийся шланг.

– Только представь на секундочку и сразу же забудь... Сразу! – Он даже рубанул по воздуху ребром ладони, словно отсекая любую возможность катастрофических последствий. – Представь, что эта крамольная мысль придёт в голову не только тебе, а очень многим людям, и они поймут бессмысленность этой вечной возни под одеялом и репродукции таких же, как они, идиотов и неудачников... Тогда секс перестанет быть единственным органичным культом на планете и перестанет цементировать общество, объединяя в комплементарную систему чужеродные антагонизмы, кои-

ми являются мужчины и женщины. Что последует за этим? Страшно подумать – ни то что высказать! Не шали с такими мыслями, Эдичка. Не надо нам этого.

Взывая к моей гражданской ответственности, Гордеев скорчил такую уморительную физиономию, что я покати́лся со смеху и ответил ему тоном дегенеративного подростка, который поклялся больше не дрочить:

– Ну ладно (гундосо и протяжно), давай тогда искать тёлочек, а то болтаем-болтаем о всякой ерунде, только время тратим зря.

Конечно, я понимал, что он валяет дурака, и он ещё долго поглядывал на меня с опаской и тихонько покачивал головой: мол, не надо, Эдичка, не надо, не буди лихо, пока оно тихо.

Так вот, повторюсь: Слава Гордеев был довольно незаурядным человеком, обладающим массой талантов, но его кипучий темперамент не позволял ему сосредоточиться на чём-то одном, поэтому он был увлекающейся натурой, крайне непостоянной в своих увлечениях, и это касалось не только женщин...

Он переобувался в воздухе, словно акробат, совершая головокружительные кульбиты. Не успеешь глазом моргнуть, как он уже бросил писать стихи и брэнчать на гитаре, а готовит себя в православные клирики: изучает акафисты и каноны, штудирует библию, отправляется к святым местам... Не успеешь привыкнуть к его новому качеству, а он уже

ударяется в политологию и собирается писать титанический труд. Ты, казалось бы, только-только подхватил нужную интонацию общения, ознакомившись с основными геополитическими постулатами Владимира Гельмана и Роберта Даля, а он уже кардинально меняет тему и произносит с такой лёгкой ухмылочкой:

– Для кого-то режиссура – высшее предназначение, чуть ли ни мессианство... – Пытается поймать зубочисткой ускользающую жилку отбивной. – А для меня – это привычная форма существования, потому что я каждый день занимаюсь режиссурой...

Я вопросительно на него посмотрел, а он тут же попытался всё объяснить:

– Если бы ты видел, дорогой мой Эдичка, как тонко я организую отъём денег у коммерсантов, как изящно обрабатываю каждую сцену, как легко навязываю им второстепенные роли и как безупречно отыгрываю свою... главную роль. В данный момент я пытаюсь вычленить из этого, так сказать, бомонда маленькую антрепризу, после чего мы отправимся к тебе на флэт и разыграем там настоящий спектакль по моему сценарию. Ты знаешь, я сторонник передвижничества в искусстве – я несу его в массы.

Я всегда восхищался его гордыней, такой же безграничной, как Вселенная.

– Кстати, на следующий год собираюсь поступать во ВГИК, – заявил Славка, чем поверг меня в полное замеша-

тельство.

Я молвил с некоторым придыханием и восторженно-глупым видом:

– Ты же ещё недавно собирался в духовную семинарию, и вот тебя уже кидает в дьявольские чертоги.

– Ну ладно, не бухти! – отмахнулся он с добродушным видом. – Я ещё молодой пацанчик, поэтому нахожусь в постоянном поиске и не боюсь экспериментировать.

– Обязательно стану крёстным отцом нашего российского кинематографа, – пообещал он, с аппетитным хрустом откусывая попку у корнишона, и добавил, глумливо усмехаясь: – Тем более на сегодняшний день это место вакантно...

– Ух ты! А меня возьмёшь на роль маниака в длинном чёрном пальто?

Гордеев ничего не ответил, почувствовав иронию в моих словах, а продолжал возноситься всё выше и выше, и голос его звучал всё громче и громче, и уже многие посетители поглядывали на него с любопытством, особенно женщины, коих было большинство в этом зале.

Потом он скинул роскошную лайковую куртку на спинку стула, расстегнул лощённую сиреневую рубаху на богатырской груди и щёлкал официантке, требуя топлива для своего прожорливого мотора, а кабак в это время гудел тяжело и монотонно, как трансформаторная подстанция, заглушая его глубокий баритональный бас.

– Янки не хвастают своей многовековой культурой, ка-

кой-то там сложной загадочной душой, не тревожат беспрестанно в могилах своих опочивших классиков, но при этом выдают каждый год десяток блокбастеров. Люди на этих фильмах плачут и смеются. Мне иногда кажется, что Брюс Уиллис – это новый мессия. Прости меня, Господи, за богохульство!

– А наш кинематограф, товарищи, загоняет страну в глубокую алкогольную депрессию! – продолжал орать Гордеев. – Это же сплошная чернуха или пошлость!

– Я тут решил в кино сходить, – вдруг спокойным тоном произнёс он. – Вырвался в коем веке. Фильм называется «Мама». Ну что я могу сказать про эту картину? Дениска собрал такой актёрский состав, который уже никто и никогда не соберёт, а вместо откровения получился слабенький водевиль, и даже неповторимый Павел Лебешев не смог вытянуть этот фильм. Не получилось у Дениски ожидаемого эффекта «Родни», хотя, знаешь, такая лёгкая аллюзия всё-таки возникает...

– Единственная и неповторимая! – крикнул Славян. – Настоящая богиня спасает этот бездарный фильм от полного фиаско! Вот перед кем я приклоняю колено! Вот кем я не перестаю восхищаться! Великая женщина! Мать всех матерей!

Я уже не понимал, что он несёт и кому адресует эти слова, лучезарным взглядом отправляясь в радужную перспективу.

– Ну, что ты разошёлся? – пытался я его успокоить. – Это молодые режиссёры. Они ещё научатся снимать.

– Папенькины сынки, блядь! Рафинированное поколение! Жизнь видели только в замочную скважину! Пороху не нюхали, книжек не читали, а туда же – лезут кино снимать. Духовной основы никакой, да ещё природа, как известно, отдыхает на этих детишках... Поколение мажоров, блядь!

– Славян, хватит материться, – зашипел я. – Ты же культурный человек.

– Ты пойми, – сказал я, – раньше искусство было элитарным, и каждый продукт был штучным, а теперь мы вступили в эпоху массовой культуры, которая пришла к нам, как сифилис, с американского континента. Только в Соединённых штатах искусство поставили на поток и сделали инструментом для зарабатывания денег. Они совершили революцию – приземлили культуру до потребностей обывателя, вместо того чтобы обывателя тащить на новый культурный уровень. Американская культура – это зло, поглотившее весь мир. А что творится в нашей стране? Мы перестали снимать самобытные фильмы, и уже второе поколение молодёжи воспитывается на американских эрзацах. Что мы делаем? Выращиваем пятую колонну? Кино – один из самых мощных рычагов пропаганды, но у нас этот инструмент находится во вражеских руках. Мы – потерянное поколение, выращенное терминаторами и маньяками. Согласись, не самые лучшие учителя для наших детей... Но people хавают это дерьмо и платит за это деньги, а утончённые вкусы истинных ценителей никого не волнуют.

Он абсолютно меня не слушал и смотрел куда-то мимо впавшими цинковыми глазами. Я медленно повернул голову и увидел за спиной, за соседним столиком, двух субтильных блондинок, которые кокетливо улыбались ему. Девчонки были явно заинтересованы нашим диалогом.

Они были настолько одинаковые, что я назвал их для себя «матрёшками», к тому же одна из них была крупнее другой и чуточку симпатичнее. Вообще-то они были довольно миленькие, но даже в прокуренных сумерках ночного заведения было видно невооружённым глазом, что эти блондинки уж больно потрёпанные, повывавшие огонь, воду и медные трубы. Пьяные ужимки, глупое хихиканье, вульгарные шмотки, плохо покрашенные корни волос, откровенные взгляды, не таящие никаких загадок и сюрпризов, а напротив, подёрнутые мыльной поволокой доступности, – всё это безошибочно определяло их как девушек лёгкого поведения, и лёгкая победа нам была гарантирована. Гордеев поглядывал на этих жалких «матрёшек» без особого энтузиазма, но, слегка подмигнув мне, небрежно заметил:

- Эти готовы хоть куда, даже на рыбалку в пять утра.
- Славян, мне кажется, за барной стойкой...
- Ты что попутал? – вернул меня на землю Гордеев. – Хотел бы я посмотреть, каким холодом они тебя обдадут, когда ты начнешь моросить про гуманоидов и категорический императив. Это же центровые тёлочки, и они отдыхают только с крутыми.

И мы вновь обратили свой взор на «матрёшек», придиричливо разглядывая их, перебирая и выворачивая наизнанку, как дешёвые тряпки в секунд-хенд. Мхатовская пауза затянулась – их лица постепенно накрыла серая тень, через которую тускло просвечивали безрадостные улыбки. Нужно было определяться. Нужно было что-то решать.

– Лучшая птица – это синица, – заметил Гордеев, медленно поднимаясь и накрывая добычу плотоядным взором.

– Славушка, одумайся, – жалобно попросил я, но было поздно: капитан Гордеев уже завёлся.

Он подошел к их столику и расплылся во всю ширину своего безграничного обаяния.

Когда я познакомил Гордеева с Шалимовой, то она отнеслась к нему со свойственным ей недоверием. Она долго его слушала, курила одну сигарету за другой, то поглядывала на него с иронией, то пялилась на него с удивлением, а потом, когда Славян ушёл, она высказала своё мнение: «Хрестоматийный подлец и натуральный шизофреник. В первую очередь он врёт самому себе и за громадами пышных фраз прячет свою несостоятельность», – на что я ответил ей: «Иногда мы путаем незаурядность с безумием и навешиваем подобные ярлыки на всех, кто выходит за рамки наших представлений. Славку многие не понимают и поэтому недолюбливают. Я скажу от себя: он тоже не внушает мне доверия, но он настолько мне интересен как человек, что я могу с ним *просто* общаться, не обременяя его статусом друга. А если во-

обще абстрагироваться от каких-то личных критериев и воспринимать каждое существо как уникальное творение Бога, то, я считаю, можно полюбить даже самую последнюю гадину». – «Ты кого сейчас имеешь в виду?» – заносчиво спросила она. – «А ты как думаешь, золотце?» – ласково ответил я.

Гордеев любил преувеличивать своё социальное положение, поэтому девушкам он представился майором Никитиным, начальником отдела по борьбе с экономическими преступлениями, на что они отреагировали очень бурно: захлопали в ладоши и замычали словно коровы в унисон «Кру-у-у-то!»

Девчонки уже были довольно пьяные, поэтому майор Никитин произвёл на них неизгладимое впечатление. Эти трое мгновенно снюхались, а я в этой компании присутствовал лишь номинально. Пытаясь произвести оглушительный эффект на этих «синичек», Славка летал орлом. Он даже оплатил их скромный счёт (пару бутылок красного вина), после чего ловушка захлопнулась и они смотрели на него сияющими, широко открытыми глазами.

– Послушай, майор, – обратился я к Гордееву, когда девчонки, кокетливо виляя попками, отправились в туалет, – тебе не надоело ещё дурака валять? Может, слиняем, пока не поздно.

Он аж глаза выпучил и даже слегка отодвинулся от меня, как от бешеной собаки.

– Ты что, Эдичка, с канделябра рухнул? – с глубоким

сочувствием спросил он. – У нас только-только намечился прорыв и появилась возможность культурно отдохнуть, а ты опять начинаешь свою мутатень... Поборись... Поборись за девушку! Что ты сидишь, как китайский болванчик?! Что ты вгоняешь нас в тоску? Тоже мне – сумрачный Печорин. Мы сегодня гульнём или как?!

– Они меня не вдохновляют, – вяло ответил я и откинулся на спинку стула, слегка прикрыв веки. – Я не могу работать с таким контингентом.

– Ой-ой-ой! Какие мы гордые! Они, между прочим, тоже люди! – патетически воскликнул он. – Это простые русские женщины, которые хотят любить и рожать детей... для нашей страны!

– Ты что, благодетель тагильских шлюх? – спросил я и громко рассмеялся.

– Можешь себе представить, как им надоели эти дворовые ушлёпки, все эти наркоманы и гопники? От кого им рожать? С кем создавать семью? И это уже вопрос к нашей власти, которая допустила в стране натуральный *мор*, причём в молодёжной среде.

– И что? Ты решил из меня сделать спермодонора?

– Я тебе скажу как мент, как человек, владеющий информацией, – невозмутимо продолжал Гордеев. – Вот в этих дворах, – он обвёл рукой необозримое пространство вокруг нас, – в этих пятиэтажных коробках, общая масса ребятнишек сидит на игле. Из десяти человек в год умирают двое, а

с появлением дезоморфина эта динамика повысилась.

– Ты чё, майор! – крикнул я. – Какое-то фуфло толкаешь! Никого мне не жалко! Никого! Тем более этих сраных торчков! Пускай они хоть все передохнут! И этих шлюх обездоленных мне тоже не жалко. Каждый сам выбирает себе дорогу. И эти пацаны могли бы жить, и ты мог бы стать порядочным человеком, и я мог бы стать кем угодно, но мы выбрали дорогу в ад... Совершенно осознанно и без колебаний.

Слава натужно запыхтел. Он явно обиделся. Черты лица его стали угловатыми. Брови ощетинились над тёмными провалами глаз. Мелкие капельки пота выступили на лбу. Голова провалилась в туловище, и плечи накрыли её до самых ушей.

– Ты какой-то... – Он запнулся и добавил совсем тихо: – ... *неистовый*. Такие люди, как ты, в первую очередь жестоки по отношению к себе.

– Ой, да всех я люблю! Всем помогаю! Всех спасаю! Летаю над городом, как бэтмен, в чёрных трико...

Гордеев с видом глубокого разочарования мотал головой, словно отрекаясь от меня.

– Нет, ты делаешь это ради собственного тщеславия, – сказал он назидательным тоном, и весёлая искорка проскочила в его глазах. – Даже в этом ты используешь людей. Ты жонглируешь ими, словно булавами.

– Чья бы корова мычала, а твоя бы молчала.

В этот момент из туалета вернулись подружки. От них ра-

зило дешёвой парфюмерией, и я невольно скорчил на лице брюзгливое выражение – у меня закружилась голова и начало мутить в этом ядовитом облаке «иприта». По всей видимости, они очень хотели понравиться майору Никитину, поэтому слегка переборщили с приворотным средством. Девушки упали за столик и тут же начали хихикать над *его* шутками, а у меня внутри продолжало нарастать чувство досады...

Чтобы абстрагироваться от этой раздражающей реальности, я буквально на несколько секунд прикрыл глаза... Из темноты начали выплывать строгие черты лица: сперва – вытянутый овал и резкие скулы, оттенённые чёрными прядями волос; потом проявились миндалевидные глаза и тонкие надломленные брови; постепенно завершая портрет, нарисовались чувственные губы и подбородок с ямочкой, – и вместе с этим образом нахлынул тот удивительный аромат, которым она всю весну будоражила моё абстинентное либидо, – идеальное сочетание свежести Kenzo с пряным запахом её подмышек, который можно разливать по бутылочкам и продавать в самых дорогих бутиках.

Когда я впервые ощутил этот древесно-цитрусовый фиам, у меня мурашки побежали вдоль позвоночника и случилась потрясающая эрекция, и, по мере того как развивались отношения с Татьяной, запах жены постепенно становился отталкивающим...

В тот момент, когда я закрыл глаза и нахлынула эта чувственная галлюцинация, я совершенно перестал восприни-

мать окружающий мир: приторно-сладкий душок вульгарного парфюма растворился в моих грёзах, навязчивый шум кабака отодвинулся на дальний план, и даже майор Никитин на какое-то время замолчал...

Этот «сюр» возник настолько неожиданно и настолько явно, что я не сразу понял его происхождение, – на самом деле всё было гораздо проще: сперва она постучала в моё сознание, опережая реальность на несколько секунд, а потом уже открыла дверь и вошла в «Альянс»...

Когда я открыл глаза, то увидел нечто, напоминающее алкогольный делирий: напротив выхода, над которым светило рубиновое табло «EXIT», прямо в воздухе повисла фантастическая аквамариновая субстанция, на поверхности которой резвились гладкие сверкающие афалины. Краски были настолько яркими, что казались неправдоподобными. В тот дождливый вечер, в той беспросветной серости, не могло быть подобных красок по определению.

В такие дни, когда льёт с самого утра и до самой ночи, без перерывов и просветов, разум отвыкает воспринимать радикальные цвета, но этот зонтик, вместе с ныряющими на его поверхности дельфинами, словно вывалился из какого-то другого дня, из какого-то другого спектакля, из шкафа с забытым реквизитом... Откуда я его помню? Дежавю? Зонтик витает сам по себе, вращается вокруг собственной оси и вдруг начинает рывками складываться; в этот момент мы встречаемся глазами: Таня смотрит на меня, а я смотрю

на неё...

Она – в чёрном коротком плаще с поднятым воротником. Длинные вьющиеся волосы разбросаны по плечам. Лицо не накрашено. Бледное. Она смотрит на меня остекленевшим взглядом, а я чувствую, как подо мной тронулся стул, вокруг всё поплыло, публика растворилась, голоса смолкли, и даже потухло неоновое табло «EXIT».

И тогда я понял, что выхода нет.

– Любезная! Дайте шампанское! – крикнул Гордеев, и между нами оборвалась нить.

Я увидел её с другого ракурса... Рядом – две очаровательные девушки, стройные и подтянутые. Они, словно козочки, переминаются с ножки на ножку в некоторой нерешительности. Одна из них очень миленькая, я бы даже сказал, потрясающе красива, но взгляд мой отпускает её легко, без сожалений, и я вновь начинаю пожирать глазами простое ненакрашенное лицо. Не могу насмотреться. Не могу надышаться. Я как будто из тёмной холодной реки вынырнул, в которой просидел целую вечность. А потом она кивнула девчонкам на выход, и они тут же покинули «Альянс». За окном распахнулся голубой зонт и поплыл как будто сам по себе, постепенно растворяясь в серых сумерках.

Внутри что-то треснуло и окончательно сломалось. Я устал от бесконечных будней, дождливых и пасмурных. Мне захотелось праздника, который запомнится надолго. Мне нужна была настоящая страсть, которая превратила бы в пе-

пел мою бессмысленную нелепую жизнь. Мне хотелось вонзить клыки и когти в молодую плоть. Мне хотелось валять дурака, крутиться выюном, шутить каждую секунду, окунаясь в восторженные взгляды и радостный смех. Мне хотелось хлестать водку прямо из горла, из литровой бутылки, высоко закинув голову вверх. Я бы отплясывал совершенно голым какой-нибудь зажигательный краковяк. Распахнув окно в ночь, я бы ругался матом и обложил бы эти холодные звезды и жёлтую чопорную Луну. А после этого безобразия я бы превратился в тонкого нежного любовника, доставляющего самые изысканные ласки только одной – единственной и неповторимой женщине.

После ухода Татьяны меня одолела нервная дрожь, и я ещё долго не мог успокоиться. Я хотел налить водки – протянул руку и задержал её над столом: мелко тряслись кончики пальцев, в горле пересохло, вдоль позвоночника, между лопаток, пробиралась холодная струйка пота. Внутри всё летело галопом, внутри всё рвалось вдогонку, но я оставался недвижим, своей упиваясь болью. Гордеев вместо меня прихватил двумя пальцами тонкое горлышко графина, разлил оставшуюся водку по рюмкам и посмотрел на меня с некоторым восхищением.

– Молодец, – прошептал он и легонько потрепал меня по плечу. – Я думал, ты не устоишь. Я бы, наверно, не устоял... Она была реально хороша.

Я посмотрел на выход тоскливым собачьим взглядом.

«Какого чёрта я слушаю этого клоуна? – подумал я. – Кто он такой в моей жизни? Почему он взял на себя право решать мою судьбу? Да плевать ему на всех, и на меня в том числе. Ему просто нужна моя хата и приятель на вечерок. Иногда мы принимаем меркантильные интересы людей за их искреннее участие, но не всегда выгода сводится к деньгам. Её критериями могут являться любые привилегии, удобства и даже элементарное тщеславие. Я не могу понять, с какой стати Гордеев так горячо и бескомпромиссно желает моего разрыва с Татьяной. Почему он буквально выгоняет меня из города?»

– Ничего, Эдичка, всё перемелется... Всё перемелется, – повторял он и легонько похлопывал меня по плечу.

– Пойдём домой, – попросил я жалобным тоном. – Я задыхаюсь в этом шалмане.

И когда в очередной раз наши спутницы вернулись из туалета, припудрив носики, Гордеев сообщил им в классической манере конферансье:

– Девчонки, субботний вечер подходит к концу, – сделал небольшую паузу, – но его можно продолжить... Скажите честно – праздника хотите? – Прищуренные серые глаза его в этот момент настолько потеплели, что даже я поддался на его чудовищное обаяние.

Они переглянулись и начали глупо хихикать. Гордеев спокойно ждал.

– И не забывайте, *родные*, завтра – опять понедельник, и

старость – не за горами, – ненавязчиво напомнил он.

– Да-да!!! – крикнули они и захлопали в ладошки. – Мы хотим праздника! Хотим!

– У моего друга и соратника дома есть шикарная аппаратура и множество дисков. Устроим танцевальный марафон. Пускай соседи вздрогнут и запомнят эту ночь навсегда.

– Эй, чудовище, ты ещё не пропил свои колонки S-90? – спросил он меня шёпотом.

– Стоят! О чём ты говоришь? Это последнее, что я пропью.

– Ну и ладненько, – удовлетворённо подытожил Гордеев и добавил: – Пора их как следует прокачать.

И когда наша пьяная компания решила слегка прогуляться, перед тем как поехать ко мне, я совершенно убедился в том, что на всём белом свете и даже в других измерениях не было ни одной женщины, которая настолько бы меня понимала, настолько знала бы мою сущность и настолько же могла отвечать моим требованиям, на сколько им отвечала Татьяна. Только она являлась единственно возможной функцией в запутанном интегральном уравнении моей жизни, только она могла соответствовать пределам от минус-бесконечности до плюс-бесконечности, и только она могла сделать меня счастливым либо глубоко несчастным на всю оставшуюся жизнь.

– Пойдёмте на набережную, – предложил Слава.

– Холодно! – заныли девчонки.

– Зато дождик кончился, – оптимистично заметил Гордеев.

На набережной было темно и уныло. Упругий ветер гнал пенистые волны и обрушивал их на бетонный парапет. Тускло светили несколько уцелевших фонарей, а все остальные были разбиты. В тёмных косматых облаках путалась пьяная луна, отбрасывая на поверхность водоёма мерцающие отражения. Славочка был в ударе и, как всегда, блистал красно-речием: тонко шутил, на ходу придумывал байки, философствовал, затрагивал высшие материи, иногда абсолютно не к месту, потому что блондинки начинали откровенно скушать, разевая рты, словно плотва, выброшенная на берег. То он распахивал с гамлетовской страстью воображаемый чёрный плащ, то он захлёстывал его на плечо, красиво закругляя фразу и переходя с привычного баритона на шикарный бас, – я в это время маялся рядом, пьяный, измождённый, облакачивался на чугунную ограду, слушая в полном унынии, как плещутся нескончаемые волны в глянцевитой темноте, – а Гордеев уже закуривал новую сигарету, красиво жестикулировал, выжигая в пространстве многочисленные эллипсы.

Одна из этих блондинок (которая покрупней) спросила довольно косноязычно (вторая, между прочим, слегка шепелявила):

– А почему у нас Эдуард постоянно молчит? Эдик, ты можешь что-то сказать по этому поводу? Ну, просто хочется услышать твой голос.

Гордеев поддержал её:

– Действительно, Эдуард. Девушка просит. – И даже слегка похлопал.

Я взял и просто ляпнул:

– Канделябр! Какие ещё будут пожелания?

– Эдичка, не хаами, – попросил Слава, и они продолжили «гулять», а я задыхался от *их* глупости и примитивизма, от *их* пошлых размалёванных физиономий, от *их* нескончаемого смеха, кокетливых ужимок и заунывной трескотни; мне даже захотелось *их* прикончить, а после этого холоднокровно скинуть трупы в тёмные кипящие волны.

Они очень быстро нагулялись, и мы вышли на дорогу ловить такси. В туманной дымке появился зелёный огонёк, к этому моменту девочки были на исходе: их колотила мелкая дрожь, они зябко кутались в собственные рукава, натягивая их на ладони, а тощие кривоватые ножки ломались в коленках, когда шалый ветерок бесцеремонно забирался им под юбки. Они напоминали бездомных щенков, которых мы нашли на улице.

А потом мы заехали в ночной ларёк – капитан Гордеев решил обобрать его по старой памяти, как говорится, из лучших побуждений. По всей видимости, его там знали очень хорошо, о чём свидетельствовала жуткая гримаса продавщицы, должна означать гостеприимный «ассалям алейкум». Потом она летала мухой, собирая в пакеты нехитрую снедь: колбасу, сыр, фрукты, овощи, консервы, пять бутылок вина,

два литра водки, блок сигарет, несколько шоколадок и даже «Чупа-чупс».

– Что ещё, Вячеслав Александрович? Хлебушка возьмёте? – спросила она, заикаясь от волнения.

– Ну положи пару батонов, – небрежно ответил Гордеев.

Лицо у него было недовольное, придирчивое, брезгливое, – наверно, с таким выражением явится на землю Господь во втором своём пришествии, чтобы судить беззакония наши и сортировать грешников, – а ещё наглый мент сделал продавщице замечание: «Да-а-а, что-то ассортимент у вас бедноватый. Карим совсем мышей не ловит?» – От таких претензий бедная торговка напугалась пуще прежнего, чуть в обморок не упала, горячо оправдывалась, складывая руки на груди:

– Не дают работать, Вячеслав Александрович. Обложили со всех сторон. Проверками замучили. Плохо дела идут. Со всем плохо. И вообще ларьки скоро будут закрывать... Что нам делать, Вячеслав Александрович? Как жить? – спрашивала она плаксивым тоном, коверкая русские слова и задыхаясь от волнения, на что Гордеев отвечал, потирая розовые ладошки:

– Ничего страшного, тётушка Джамия, поедете домой. Там у вас тепло. Солнышко светит круглый год. Виноград растёт. Море шепчет.

Он ещё раз придирчиво осмотрел продуктовые полки и попросил у неё баночку маринованных корнишонов. Я начал

беспокоиться:

– Куда ты столько набираешь? Решил у меня блядскую коммуно устроить?

– Надеюсь, ты не против, если *мы* у тебя пару дней перекантуемся?

– Только давай без *этих*...

– Ну-у-у-у ладушки, – лениво протянул он и спросил, прищурив один глаз: – Ну *этих-то* надо оприходовать.

– Славян, меня тошнит от этих поварёшек (выяснилось, что они работают в школьной столовой). Могли бы в шахматки перекинуться, могли бы «Матрицу» посмотреть, могли бы пораньше лечь спать. В любом случае это будет гораздо интереснее, чем развлекать этих первобытных девиц.

Гордеев посмотрел на меня, как на больного человека, у которого не осталось ни единого шанса.

– Господи, ты стал таким скучным. Что *она* с тобой сделала?

– А может, это первые шаги к добродетели, – ответил я и как-то странно захихикал; некая обречённость была в этом смехе.

– Не болтай, – парировал Гордеев и открыл мне страшную тайну: – *Она* сделала из тигра коврик себе под ноги. Вот что *она* с тобой сделала. И я вижу спасение только в других женщинах. Тебе нужно больше трахаться и меньше думать о *ней*.

– Не смеди мои причиндалы! Плетью обуха не перебьёшь. Как могут две кухарки отвадить от королевы?

Славян поморщился от моих слов и пошёл к выходу, даже не кивнув на прощание тётушке Джамиле. В обнимку с пакетами мы вернулись в такси и поехали дальше. В магазинчике он, конечно же, не оставил ни копейки. «Терпеть не могу этих чурок», – пробормотал он себе под нос, когда мы выходили на улицу, но зато водителю он оставил хорошие чаевые, по-барски махнув рукой.

Прежде чем уютно устроиться на диване, девчонки обнюхали в моей квартире все углы, осмотрелись и попросили тапочки, а я в это время заправлял катушку в «Олимп – 005».

– Э-э-э, так дело не пойдёт, – возмутился Гордеев. – Вы что, в ресторан приехали? Сперва нужно поработать, а после этого можно будет отдохнуть.

– А что делать? – спросили они, послушно приподнимаясь с дивана.

– Да ничего особенного, – ответил Гордеев и мило улыбнулся.

Он отвёл их на кухню и там жестоко «изнасиловал»... Во-первых, они перемыли всю посуду, к которой я не прикасался две недели, – покрытая жиром и остатками еды она возвышалась над раковиной, словно Эверест. Я ненавидел мыть посуду, поэтому мыл её крайне редко, лишь тогда, когда заканчивались столовые сервизы, подаренные нам на свадьбу, – ими были забиты все кухонные шкафы. Обычно я закидывал грязную тарелку в раковину и следующую закидывал туда же, и следующую, и следующую, – так постепенно

раковина заполнялась, и тарелки начинали скатываться на пол, разбиваясь вдребезги. «На счастье!» – восклицал я без особых сожалений, подметая осколки. Девочки моментально решили эту проблему, но майор Никитин уже приготовил для них новое задание:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.